

П.С.Брянский

А найдены ли истинные останки Царской Семьи и Их верных слуг?

Что не учитывается или просто замалчивается?

I. Гранаты и их осколки Показания свидетелей

Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде **Н.А.Соколов** на разъезде №120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал **Андрея Андреевича Шереметевского**, в качестве свидетеля, и он показал (1, документ №22 от 09.06.1919 года): *«Я тогда решил сходить по Коптяковской дороге и посмотреть, что там делается. Со мной надумали отправиться туда же коптяковские крестьяне Николай Швейкин, Николай Папин и Пётр Зубрицкий. Я решил ехать верхом, а они пошли пешком. Пока я седлал лошадь, они ушли вперёд, и я догнал их уже в лесу между той дорожкой, которая идёт от сосновых пней, известных под названием Четырёх Братьев, к плотинке, и первой от этих же Четырёх Братьев свёрткой к руднику...*

Когда мы поравнялись с первой повёрткой на рудник от Четырёх Братьев, к нам на Коптяковскую дорогу выехал какой-то конный красноармеец... Он сказал нам, что они здесь обучаются метанию бомб и поэтому установили кордоны. Как бы в подтверждение его слов, действительно тут же раздался взрыв гранаты. Он был несколько глухой, и я сказал бы, что он слышался не с поверхности земли, а как бы из-под земли. Звук нёсся по направлению от рудника, но откуда именно, я определить не берусь. Мы пошли дальше по Коптяковской дороге и через некоторое время снова услышали такой же звук от разрыва гранаты. Он нёсся оттуда же, что и первый... (Здесь и далее выделено автором статьи.)

В этот день было ещё несколько взрывов гранат.

Приблизительно их было до пяти, и они слышались по направлению всё от того же рудника» (1, с. 55–58).

Николай Васильевич Папин, 36 лет, крестьянин деревни Коптяки, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, грамотный, не судился (1, документ №236): *«Мы пошли от него на Коптяковскую дорогу. В это время к нам подъехал... от Коптяков Андрей Андреевич Шереметевский...*

Но только что мы по ней несколько сдались в лесок, как к нам навстречу выехал верховой. Из себя этот верховой был здоровый, рыжеватый, волосы у него на голове были курчавые, загибались на лбу кверху, как это было видно из-под сдвинутой у него набекрень фуражки, усы большие, рыжеватые, борода бритая. По моему мнению, он был русский...

Я первый обратился к нему с вопросом: «Товарищ, скажите, пожалуйста, в чём дело? У нас весь народ волнуется. Говорят, войска идут. В чём дело?» Он нам ответил: «Видите ли, товарищ, у нас чехословаки фронт проникли. Мы сюда в разведку пришли. И, между прочим, у нас тут практические занятия будут. Вы идите и успокойте народ». Действительно, тут же раздались вскоре один после другого два взрыва гранат. Они неслись от рудника, к которому и вела та дорожка, на которой мы были. По моему мнению, надо бы этим гранатам разрываться было на земле, а не под землёй. Звук был сильный, явственно слышимый. Его слышали у нас и в Коптяках. Моя жена Александра Ивановна принялась даже голосить обо мне, услышав эти взрывы. Тут мы и пошли домой» (1, с. 69–70).

Пётр Алексеевич Зубрицкий, 42 лет, крестьянин Верх-Исетского завода, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился (1, документ №28в от 27.06.1919 года): *«Тут к нам Шереметевский поспел...*

Ещё когда мы шли от Коптяков к Четырём Братьям, мы обратили внимание на свёртки к руднику. Все свёртки были, как и раньше: почти что незаметны. А одна, которая ближе всех к Четырём Братьям, прямо как зимой проложена...

*Так мы стоим и слышим, кони опять у рудника ржут. Пошли мы к этой свёртке и хотели по ней идти. Вдруг по этой свёртке от рудника к нам выехал верховой. Так мы с ним постояли немного и пошли. Прошли мы сажень 50, как **один за другим раздались два взрыва от гранаты**. Они слышались от рудника. Я думаю, что в это время, когда мы шли, конный красноармеец, с которым мы разговаривали, успел бы доехать до шахты, где потом трупы искали. Входим мы в село, **ещё таких же три взрыва также от рудника раздались**. Ну, тут мы и пошли по своим делам» (1, с. 96–97).*

М.К.Дитерихс: «Осколки этих гранат были найдены главным образом в шахте №7, а несколько осколков – на поверхности земли, на полянке у глиняной площадки...

При розысках в августе 1918 года на дне Ганиной Ямы была найдена одна неразорвавшаяся ручная граната того же типа, осколки каковых других находились в шахте №7 и на полянке около неё...

Весь сруб в полной исправности, но на самих брёвнах имеется много наружных небольших царапин и расщепов, возможно, и от внедрения в них небольших осколков ручных гранат, которые находились здесь при розысках в августе 1918 года. Глубина большого колодца до пола оказалась всего 5 сажен 7 вершков» (3, с. 96–97).

По материалам Следствия 1918–1924 годов

«Таким же порядком был исследован ил, взятый со дна большого колодца шахты, где в августе 1918 года офицерами был найден отрезанный палец, по-видимому, женский,

Ганина Яма

- 1 – кострище у Старой Берёзы
 2 – кострище на глиняной площадке
 3 – место предполагаемой стоянки грузовика
 (по показаниям свидетелей, видевших следы автомобиля)

и вставная челюсть доктора Боткина. Ныне, при промывке ила, найдено ещё: 1) ... 2) ... 3) **Три осколка ручной гранаты**» (3, с. 179–207).

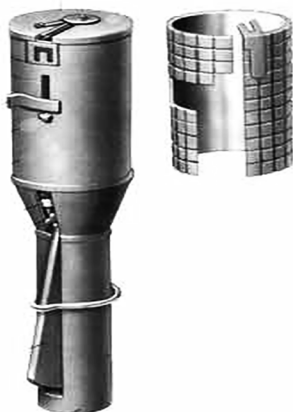
Андрей Андреевич Шереметевский (1, документ №22): «После осмотра костров меня и Матвееенко спустили на верёвках в большую шахту. Шахта тогда представлялась в следующем виде. До уровня воды в колодце было аршин восемь (около 5,68 м – П.Б.), затем аршина на два (около 1,42 м – П.Б.) шла вода, под водой слой льда вершка в три (около 13,35 см – П.Б.), а потом опять шла вода. Что означало подобное состояние шахты, я не понимаю.

Лёд в большом колодце шахты в северо-западном направлении в углу был чем-то пробит...

В большой шахте (т.е. я хочу сказать – в большом колодце шахты) на стенках её мы с Матвееенко нашли **несколько впившихся в дерево осколков русской ручной гранаты**. Их мы выковыривали ножами...

Французская ручная граната,
времен Первой мировой войны
(от 200 до 300 осколков)

Русская ручная граната,
времен Первой мировой войны
(от 200 до 300 осколков,
с чехлом до 1000 осколков)

***Осколки русской гранаты**, которые мы с Матвеевко вырезывали из стен большого колодца шахты, те самые, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение осколков, описанных в пункте «а», 12 того же протокола, л. д. 12 об., том 2-й). **Что касается кольца**, которое изображено на предъявленном Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок **кольца гранаты**, описанного в пункте «а», 12 л. д. 12 об., том 2-й), то я помню, что это кольцо было найдено при работах, но где именно, я положительно теперь не могу припомнить» (1, с. 62–65).*

В следственном Деле есть указания, откуда взялись на заброшенном руднике гранаты.

Проскуряков Ф.П. (2, документ №188 от 01-03.04.1919 года): «Я вижу предъявленный мне Вами снимок с кольцом и частями гранаты (предъявлены части гранаты с кольцом, описанные в пункте 12-м протокола 12 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й) и показываю: **гранаты с такими кольцами** были в доме Ипатьева и находились в особом

лицке на террасе и на вышке при пулемётах. Брали ли их, когда совершалось убийство, я не знаю. Таких гранат, снимок, с частей которой Вы мне показываете сейчас (предъявлен снимок частей гранаты, описанных в пункте 14 протокола 10 февраля сего года, л. д. 13, том 2-й), в доме Ипатьева не было» (2, с. 280, 281).

Историческая справка

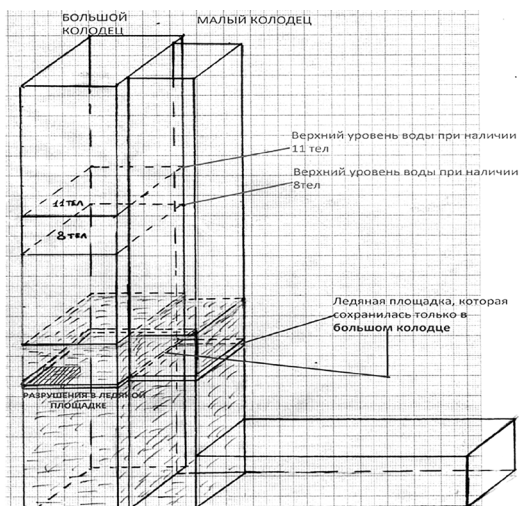
Русская ручная граната была разработана капитаном артиллерии русской армии В.И.Рдултовским в 1914 году, исходя из опыта производства и применения его же гранаты образца 1912 года. Граната образца 1914 года применялась русской армией в течение всей Первой Мировой войны, противоборствующими сторонами в ходе Гражданской войны в России 1918–1922 годов. В 1930 году граната была модернизирована (мелинитовый заряд ВВ был заменён тротиловым и была разработана «рубашка» для применения гранаты в качестве оборонительной).

Показания свидетелей

Дмитрий Аполлонович Малиновский (1, документ №26): *«Мы пришли к открытой шахте. Она имела два колодца, один побольше, другой поменьше. Заглянули мы в колодцы. В них виднелась вода, стоявшая от поверхности почвы, приблизительно на 7–8 аршин (около 4,97–5,68 м – П.Б.). Мы стали прощупывать шестом воду. Я помню, что в большом колодце, приблизительно на 1 аршин (около 0,71 м – П.Б.), под водой был слой льда. Тогда в этот колодец спустился капитан Бафталовский и стал исследовать колодец.*

*Слой льда был толщиной меньше $\frac{1}{4}$ аршина (около 17,75 см – П.Б.). Под ним снова шла вода. Шестом Бафталовский стал прощупывать лёд. **В одном из углов колодца во льду было отверстие, величиной около 1 аршина (около 0,71 м – П.Б.).***

Форму этого отверстия я описать не могу, т.к. сам его не видел. По описанию же Бафталовского, свободное

Шахта №7

пространство в слое льда занимало площадь в квадрате или в окружности около аршина. Под слоем льда снова шла вода, глубиной сажени две (около 4,26 м – П.Б.) ...

Кроме найденных и указанных мной вещей, Бафталовский извлёк из стенки большого колодца один осколок ручной гранаты. Он его выковыривал тогда чем-то из дерева и говорил, что такими осколками стенки колодца избиты» (1, с. 280, 281).

Выводы

Таким образом, мы видим, что гранаты в большой колодец шахты №7 утром 17 июля 1918 года бросали, и, даже, на ледяную площадку (она осталась почти целой). Между льдом и гранатами была какая-то «прокладка». Эти гранаты до разрыва не опускались «на дно».

Об этом свидетельствуют факты:

1. Осколки на поверхности около шахты найдены единичные, и те покрыты копотью (т.е. с признаками того, что они побывали

в костре. Если бы копать покрыла их от близко находящегося костра до ближайшего костра было около 8 м), то и трава, и сруб шахты также были покрыты копотью.

2. Следов разрыва гранат около шахты, в малом колодце шахты и на глиняной площадке не было. Значит, **гранаты взрывались в большом колодце шахты №7.**

3. Лёд в большом колодце шахты №7 в августе 1918 года офицеры, осматривавшие рудник, пробили и полностью убрали в корзинах, поэтому и **разрыва одной гранаты было бы вполне достаточно, чтобы разрушить ледяную корку большого колодца.** Значит, между разорвавшимися в колодце гранатами и льдом был защитный слой, позволивший осколкам гранат пробить отверстие во льду только около квадратного аршина в северо-западном углу ледяной площадки. Таким **защитным слоем, «впитавшим» в себя осколки, могли быть только тела убиенных.**

4. Если бы в Поросёнковом Логу под шпалами были найдены истинные тела Царской Семьи и Их верных слуг, то осколки гранат, находившиеся в телах, черпались бы горстями (минимальное количество осколков 200 штук умножаем на 4 взрыва и получаем минимум 800 осколков). Кроме того, **найденные костные останки должны были бы иметь осколочно-взрывные повреждения, а не только пулевые и штыковые.**

5. **Осколки гранат, особенно в указанном количестве, не могли раствориться в концентрированной серной кислоте, т.к. как при раскопках в Поросёнковом Логу были найдены латунные оболочки пуль, которые более подвержены действию концентрированной серной кислоты, чем чугун осколков.**

Литература

1. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.) Выпуск VIII. Н.А.Соколов.

Предварительное следствие. 1919–1922 годов. М.: Студия «ТРИТЭ» «Российский архив РЦХИДНИ», 1998, 464 с.

2. Гибель Царской Семьи. Материалы Следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 – февраль 1920). Составитель Н.Росс. Frankfurt am Main Printed in West Germany. Посев, 1987, 644 с.

3. Гибель Царской Семьи. В 2 т. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Терра «Книжная лавка – РТР», 1996, 352 с.

II. Кислота и предполагаемые мощи

Показания генерала М.К.Дитерихса

«Детальное изучение всего района Ганиной Ямы дало следующие существенные указания:

1. *У ямы, в которую сорвался грузовик, вёзший тела членов Царской Семьи к глиняной площадке, как уже упоминалось, был небольшой костёр. При исследовании его в нём найдены остатки обгорелых дощечек, какие употребляются для хороших укупорочных ящиков. Не обгоревшие концы этих дощечек и земля под ними носили странные следы ожогов, происходящие не от огня. Эти дощечки и земля были посланы на экспертизу, которая определила вполне положительно, что как дощечки, так и земля из-под них подвергались действию кислоты. Очевидно, что эти дощечки принадлежали тому ящику, в котором была привезена в лес серная кислота; последняя была, по-видимому, в плохом сосуде, пропускавшем кислоту, которая попала на доски ящика. Об этом говорил ещё сыншика садовника при доме еврея Войкова, что когда ящик был доставлен во двор дома, то кучер пробовал переставить его на другой экипаж, но кислотой обжёг себе штаны. Во всяком случае, устанавливалось вполне прочно, что кислота, которую 18 июля привезли в Коптяковский лес, была доставлена Ш.Голощёкиным до места сокрытия тел.*

2. *В подтверждение этого лесничим, которым были*

предъявлены найденные дощечки, показали, что такие же точно находились ими на глиняной площадке у шахты №7, когда они здесь были ещё в июле 1918 года. Отсюда становилось вполне понятным, как нахождение у шахты кусков новой укупорочной верёвки, так и то, что она разрезалась или перерубалась: ящик с кислотой привезли к самой глиняной площадке, где находились и тела, здесь, чтобы не перевёртывать ящика при развязке, верёвку разрубили и ящик раскололи, и как сухим деревом пользовались для растопки костров.

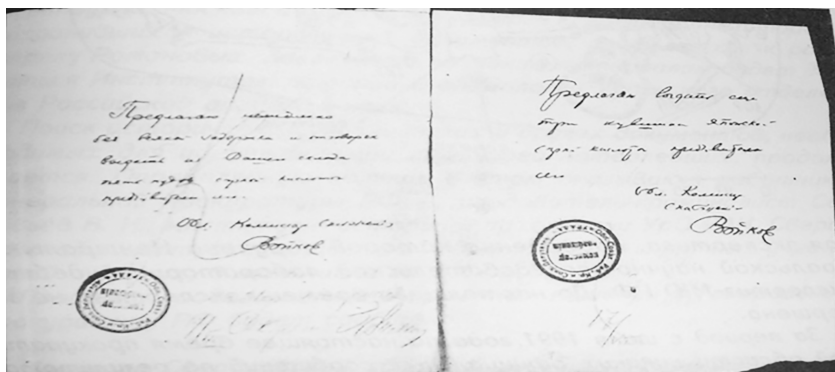
Следовательно, использование Ш.Голощёкиным кислоты при сокрытии тел можно считать почти вероятным. В каких целях она была использована, пока остаётся неопределённым, т.к. следствие не успело произвести необходимой медицинской экспертизы. Пусть господа врачи ответят: способствует ли серная кислота уничтожению тела при сжигании на огне или она могла иметь другое применение?

Вся работа Ш.Голощёкина 18 июля сосредоточилась у глиняной площадки и за пределы полянки не выходила. Особого шума при этой работе не было; не было и такого движения повозок, какое должно было бы быть, если, например, подвозили бы землю. В лесу, недалеко от рудника, жили хуторяне; они ничего резкого, шумного не слышали. Один из них под вечер 18 июля подползал сажень на 20 к Коптяковской дороге, так что первая свёртка уже оставалась влево от него. От него до рудника по прямой линии было 200 сажень; на дороге стоял часовой-красноармеец с винтовкой; было тихо и никакого шума со стороны рудника не доносилось. Был ли дым над лесом – он не заметил, уже темнело.

3. Покончив свою работу, Ш.Голощёкин приказал разбросать костёр; разбросали только один, тот самый, который был у шахты №7. Костра у Старой Берёзы не разбрасывали;

он был разрушен розысками в августе 1918 года. По-видимому, первому костру придавали больше значения; может потому, что он был на совершенно открытом месте, а в расчёты Ш.Голощёкина не входило обнаруживать свою работу на глиняной площадке; может быть и потому, что на этом костре сжигались тела тех, которых даже пепла боялись Шая Голощёкин и Янкель Свердлов» (1).

По материалам Следствия 1918–1924 годов

Требование Комиссара Снабжения Войкова в аптеку
выдать 5 пудов и 3 кувшина серной кислоты

Подсчитаем количество выписанной японской серной кислоты.

В каждом пуде 16 кг.

В каждом кувшине 2 пуда или $16 \times 2 = 32$ кг.

В пяти пудах 80 кг.

В трёх кувшинах $32 \times 3 = 96$ кг.

Итого только задокументировано $80 \text{ кг} + 96 \text{ кг} = 176 \text{ кг}$.

Пояснение

Применять концентрированную серную кислоту на открытой местности, особенно влажной, очень опасно. Она обладает сильной способностью к испарению, что вызывает ожоги дыхательных путей, глаз и рук.

Здание аптеки в Екатеринбурге, где брали кислоту

Снимок 1919 года мостика из шпал

Показания свидетелей

Яков Иванов Лобухин, 54 лет, сторож с переезда №184 (6, документ №231 от 10.07.1919 года): *«Должно быть, автомобиль у них в логу застрял, потому что лошадь там, как слышать было, всю ночь ржала, а за ночь они там целый мостик выстроили: из шпал и из тёсу от моей городьбы. Это уж я потом тёс назад взял, и там одни шпалы остались»* (1, с. 396).

1919 года, июля 10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде **Н.А.Соколов** на разъезде №120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля **Василия Яковлевича Лобухина**, 15 лет, сына сторожа с переезда №184, и он показал (6, документ №230): *«Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик. Сами мы не видали, как застрял автомобиль, и как брали у нас шпалы. Это мы утром увидали, что у нас ограда разобрана и мостик набросан из шпал»* (1, с. 39).

Выводы из показаний свидетелей

Таким образом, мостик из шпал 19 июля 1918 года первыми вскрыли отец и сын Лобухины, когда забирали свой штакетник из забора. Яма под шпалами была глубиной 1,5 метра, т.к. на её дне лежала каменная глыба (Урал!), об этом указано в «Записке» Я.Юровского. Однако сторож и его сын не обнаружили никаких тел и не повредили руки и одежду серной кислотой.

Пояснение

Концентрированная серная кислота, взаимодействуя с тканями человека, особенно с костной тканью, образует известковую массу (CaSO_4).

2010 год

14 сентября в мужском монастыре святых Царственных страстотерпцев «Ганина Яма» сгорел храм в честь иконы Божией Матери «Державная».

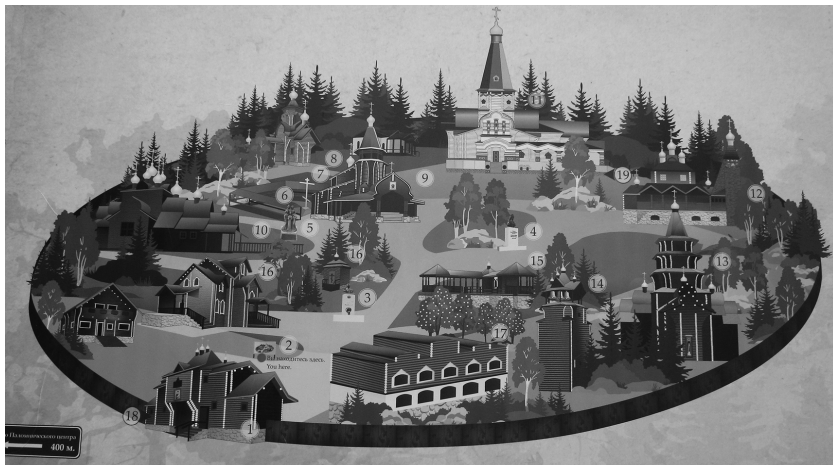

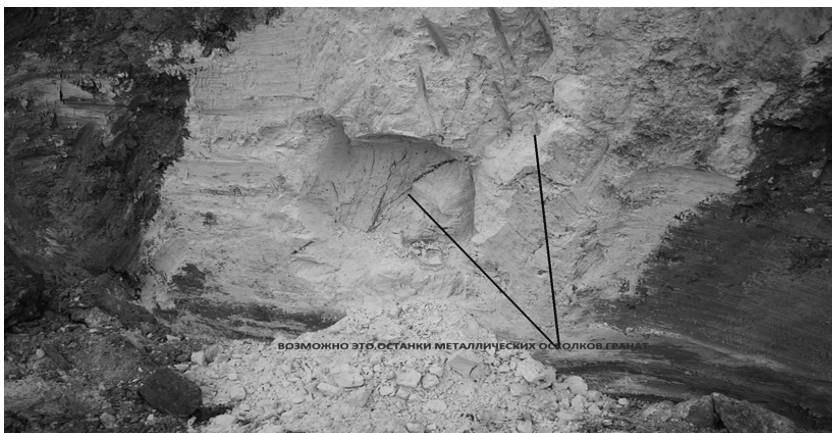
Схема монастыря

Восстановление сгоревшего храма

Белая глыба
в котловане под фундамент храма в «сосуде» из плотной глины

Предполагаемые осколки гранат

Плотная глина

Слой над белой глыбой

Расстояние от храма Святых страстотерпцев до белой глыбы
в котловане под фундамент храма Божией Матери «Державная»

Версия

1. Вырыли яму.
2. Поместили в неё не до конца уничтоженные останки святых Царственных Страстотерпцев, Их верных слуг, расстрелянных копателей – крестьяне 18 июля слышали от Ганиной Ямы винтовочные выстрелы (см. протоколы Следствия Н.А.Соколова).
3. Залили в яму 176 кг концентрированной серной кислоты и засыпали землёй.

Литература

1. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.) Выпуск VIII. Н.А.Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 годов. М.: Студия «ТРИТЭ» «Российский архив РЦХИДНИ», 1998, 464 с.
2. Гибель Царской Семьи. Материалы Следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 – февраль 1920). Составитель Н.Росс. Frankfurt am Main Printed in West Germany. Посев, 1987,644 с.

III. Таинственный автомобиль

Показания свидетелей

Попробуем с христианским смирением и сознанием своего непрофессионализма в вопросах следственной практики, проанализировать один интересный, на наш взгляд, документ. Это протокол допроса от 29 апреля 1919 года **Петра Алексеевича Леонова** следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А.Соколовым в селе Воздвиженка, где проживал допрашиваемый.

«Я решил поступить на службу в какое-нибудь большевистское учреждение. В окружном Военно-техническом управлении служил мой младший брат Александр. Вот туда я и поступил на должность заведующего складом автодела, помещавшимся на Уктусской улице рядом с гаражом. С гаражом автосклад ни в каких отношениях подчинённости

Комиссар
Н.П.Горбунов

не находился. И гараж, и склад были подчинены Военно-техническому управлению...

*Я хорошо помню, что поступил на службу 14 июля, по-новому, в воскресенье. 15 и 16 июля я принимал склад. Кроме того, 16 июля я был дежурным по Управлению. Дежурство моё кончалось 17 июля в 10 часов утра... Вечером 16 июля до полночи от Комиссара Снабжения фронта Горбунова мною была принята телефонограмма, в коей требовалось подать **3 больших и 2 малых грузовых автомобиля** (в советском гараже в 1918 году были только «Фиаты» – П.Б.) к зданию 1-й гимназии, где помещалась канцелярия Горбунова и где находился сам он и помощник Стогова (полковник Стогов – самое главное лицо в Управлении – П.Б.) Бирон.*

Тогда я отправился в Управление и разбудил шофёра Никифорова (это было, очевидно, около 12 часов ночи – П.Б.). Он, кажется, с другими какими-то шофёрами помещался в здании Управления. Этому Никифорову на вид года 34, среднего роста, коренастый, лицо полное, волосы тёмно-русые,

Большой трёхтонный «FIAT-18 V1»

усы небольшие, пушистые, бороду брил. Как я помню, тогда он был только один в комнате. Никифоров обещал заехать к другим шофёрам, помещавшимся в здании Уральского горного училища, и послать их. Действительно, три шофёра пришли и уехали на грузовых автомобилях. Часа в два ночи вернулся откуда-то шофёр Сирик и уехал пятым. Никифоров и Сирик уехали на больших автомобилях» (1, с. 328).

Историческая справка

Договором с компанией FIAT предусматривалась поставка в Россию 750 штабных автомобилей и 750 трёхтонных грузовиков для комплектования ими армейских подразделений. Однако вскоре это решение было изменено в пользу небольшого 1,5-тонного грузовика «FIAT-15 Ter», модели 1910 года, хорошо зарекомендовавшей себя во время итало-турецкой войны 1911–1912 годов на территории Северной Африки. Их производство продолжалось до начала 20-х, а из всех построенных машин (19 тысяч), значительная часть была поставлена в Россию. Более того, «FIAT-15 Ter» должен

Малый 1,5-тонный «FIAT-15 Ter»

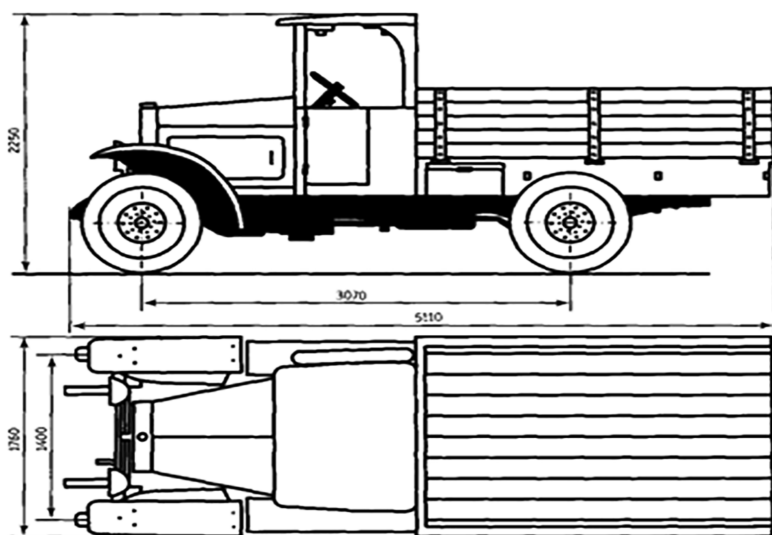

Схема автомобиля АМО-Ф-15

«АМО Ф-15», русский аналог «FIAT-15 Ter» (размеры в мм)

Соотношения габаритов
«малого» (ближний на снимке) и «большого» грузовиков

Соотношения габаритов «большого» и «малого» грузовиков
(модели выполнены в одном масштабе)

был выпускаться по лицензии в Москве на автозаводе «АМО», строительство которого началось в 1916 году. Эта модель, переработанная в соответствии с возможностями отечественного производства, стала первым советским серийным грузовиком «АМО Ф-15» (выпускался с 1924 по 1931 годы).

«FIAT-18 V1» появился перед Первой Мировой войной в 1914 году, и замыкал модельную линейку фиатовских грузовиков. По грузоподъёмности это был самый тяжёлый грузовик фирмы. На фоне «FIAT-15 Тег» он смотрелся несколько более консервативно, но обладал большей грузоподъёмностью, 3,5 тонны против 1,5 тонны.

С момента вступления Италии в войну «FIAT-18 V1» стали массово поставляться в итальянскую армию. Вскоре этот простой и не капризный автомобиль составил костяк автомобильных батальонов итальянской армии. В основном «FIAT-18 V1» использовался для доставки боеприпасов и амуниции на передовую, переброски личного состава. Тягать орудия имелась специальная, короткобразная версия этого автомобиля. На базе «FIAT-18 V1» изготавливались санитарные автомобили, для авиации были созданы специальные передвижные фотолаборатории для проявки фотографии при разведывательных эскадрильях.

Кроме итальянской армии «FIAT-18 V1» использовали все противоборствующие стороны. В начале войны итальянцы поставляли эти грузовики австрийцам и немного немцам. Затем, переметнувшись на сторону Антанты, снабжали «FIAT-18 V1» французов и англичан. Некоторое количество этих автомобилей попало в Россию.

Показания свидетелей

Показания **П.А.Леонова** (продолжение): **«Один из шофёров, присланных Никифоровым, также уехал на большом автомобиле, а два остальных – на малых. Фамилий этих двоих шофёров я не знаю. Один из них и увёз на большом автомобиле две бочки бензина.**

Бочки эти были железные, с железными обручами. Они стояли с бензином на большом автомобиле в готовом виде, как я тогда полагал, для надобностей автомобилей. Спустя некоторое время Никифоров вернулся в Управление, но без автомобиля. Он рассказал мне, что от здания

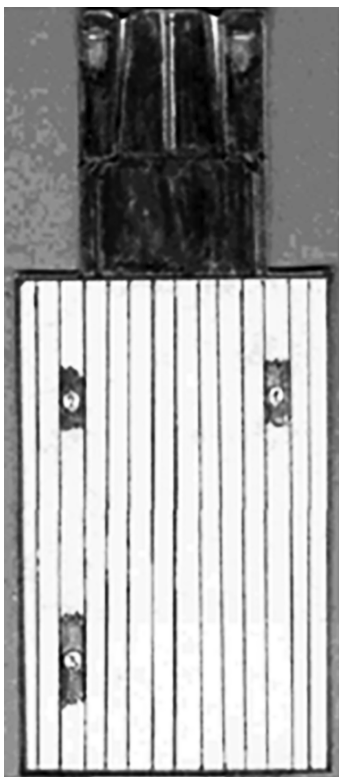
1-й гимназии его послали в Американскую гостиницу, где тогда уже помещалась Чрезвычайка. Здесь какие-то люди приказали ему идти домой, и выдали ему пропуск: тогда ходить по городу без пропуска было нельзя. Он и ушёл» (1, с. 328–329).

«Все автомобили, выезжавшие в ночь на 17 июля, возвратились, кроме автомобиля Сирика. Автомобиль же Никифорова был в таком виде: в левом заднем углу, приблизительно на $\frac{3}{4}$ аршина (около 54 см – П.Б.) впереди от задней стенки доска платформы имела неправильной формы пробоину длиной, приблизительно в аршин (71 см – П.Б.) и шириной во всю ширину доски, т.е. приблизительно в $3\frac{1}{2}$ вершка (15–16 см – П.Б.) (третье повреждение на фотосхеме – П.Б.). От левой боковой стенки это пробитие было, приблизительно, в $\frac{1}{2}$ аршина (35,5 см – П.Б.). На таком же расстоянии от той же левой стенки и не доходя, приблизительно, на аршин (71 см – П.Б.) до передней стенки в левом переднем углу автомобиля было такое же, неправильной формы пробитие (второе на фотосхеме – П.Б.) шириной в доску, т.е. вершка в $3\frac{1}{2}$ (15–16 см – П.Б.) и длиной приблизительно в $2\frac{1}{2}$ аршина (46,5 см – П.Б.). На таком же расстоянии от передней стенки и в расстоянии приблизительно, $\frac{1}{2}$ аршина (35,5 см – П.Б.) от правой боковой стенки, в правом переднем углу автомобиля было таких же размеров пробитие (первое на фотосхеме – П.Б.) доски, как и второе. Края этих пробитий неровны, как бы пробития, пролома досок чем-то тяжёлым.

Вся платформа автомобиля была запачкана кровью. Видно было, что платформу мыли и заметали, видимо метёлкой. Но, тем не менее, кровь явно была видна на полу платформы, а в особенности на изломах досок описанных пробитий. Очевидно было, что мылся вообще

весь автомобиль. Однако местами, например, около рессор, он был в грязи. Шофёра, который привёл в таком виде автомобиль, я не видел, и мне его никто не назвал. Кто меня тогда позвал к этому автомобилю, и кто его осматривал, я положительно не могу припомнить. Несколько часов спустя, когда Гиз встал (он жил в Управлении), я сказал ему о порче автомобиля и о том, что он в крови. Он вместе со мной его смотрел. Однако он ничего не сказал по этому поводу» (1, с. 329).

Это не могла быть кровь из мёртвых тел, если их не рубить

Рассуждения

Даже при беглом взгляде на фото обращает на себя внимание симметричность относительно друг друга и упорядоченность повреждений. Такие повреждения очевидно, могут быть нанесены не случайными ударами по доскам кузова, а представляют собой проломы под ножками какого-то тяжёлого устройства. Причём для четвёртой ножки не хватает пролома доски платформы кузова автомобиля аналогичного третьей. Но это

Повреждения платформы автомобиля, описанные П.А.Леоновым.

(Они обозначены иначе, чем в протоколе - справа налево, т.е. сверху справа – первое, сверху слева – второе, снизу слева – третье.)

вовсе не значит, что его не было бы при определённых условиях. Если автомобиль был наклонён вперёд и немного влево, то давление четвёртой ножки будет минимальным, а, следовательно, и возможность повредить ею доску платформы кузова будет незначительной.

Но мы знаем рельеф дороги наиболее возможного маршрута автомобиля в ночь с 16 на 17 июля 1918 года (из города Екатеринбурга – к заброшенному руднику у Ганиной Ямы в екатеринбургском лесу по Коптыковской дороге). Невозможно даже себе представить, чтобы грузовая машина всё время двигалась в том положении, которое мы указали, по этой болотно-лесистой дороге даже малый отрезок пути. Если бы в её кузове находился тяжёлый агрегат или даже просто ящик или сундук, то наиболее вероятно, что он бы оставил пробоины всеми своими ножками. Кроме того, тогда были бы более обширные повреждения досок платформы, ведь, фактически повреждены только две предпоследние от левого и правого борта доски.

Очевидно, что в момент повреждения досок автомобиль стоял на месте в предположенном нами положении. Но, любой человек может возразить: каким же весом должен обладать предполагаемый агрегат, чтобы повредить кузов у грузового автомобиля, способного перевозить до трёх тонн груза, чтобы выдавить своей массой указанные пробоины. Да и поднимать его, чтобы загрузить в кузов, должны были не люди, а подъёмный кран – о чём нет даже упоминаний в материалах Следствия.

Если же предположить, что: во-первых, в момент, когда грузовой автомобиль стоял на какой-то площадке, наклонённый вперёд и влево, и на нём находился какой-то тяжёлый груз, имевший четыре крепкие ножки, а по той части этого груза, которая находилась ближе к кабине грузовика, наносились удары (как удары молота

по наковальне); во-вторых, что данный груз представлял из себя устройство, которое могло быть смонтировано на платформе стоящего грузовика, то «пробития» досок платформы кузова, учитывая выше проведённые соображения, могут быть вполне объяснимы.

Что же это за устройство, стоявшее на четырёх ножках, три из которых нанесли повреждение платформе грузового автомобиля? Если бы пол кузова автомобиля не был залит кровью, то можно было подумать, что на нём что-то ковали и это была наковальня. Однако учитывая показание свидетеля, что на досках была видна кровь даже после того, как автомобиль был вымыт водой теми, кто его использовал, то, вероятнее всего предположить, что, во-первых, на автомобиле рубили тела (безвинно убиенных Царственных Страстотерпцев и Их верных слуг – что наиболее вероятно, учитывая те события, которые произошли в эту страшную ночь), во-вторых, если автомобиль стоял с наклоном, предположенным нами выше, то через повреждения в досках платформы должна была стекать кровь. Суммируя сказанное можно предположить, что в ночь на 17 июля 1918 года в кузове большого грузовика – автомобиля Никифорова находился и использовался агрегат (механизм) по типу гильотины.

В действующей гильотине, неизменно опускающейся на шею жертвы, топор является как бы молотом, с силой ударяющим по станине – ложе, на котором находится приговоренный или его умерщвлённое тело. Таким образом, получается, что ножки названного механизма для казней, как бы «вбиваются» в помост, на котором они находятся. В данном случае таким помостом являлись относительно «хрупкие» для данного приспособления («груза») доски кузова грузового автомобиля.

Вероятно, что вышеназванный механизм был доставлен в екатеринбургский лес по железной дороге.

Показания свидетелей

Ревизор вагонного хозяйства **Михаил Георгиевич Лозовский** на допросе у помощника начальника Военного контроля Кирсты, свидетельствовал (1, документ №115 от 07.03.1919 года): *«В дополнение к личному моему объяснению, данному Вам 12 февраля сего года, на основании справок, добытых мною на станции Екатеринбург I пасс., могу предложить следующее: 19 июля 1918 года на этой станции действительно был потребован **особый экстренный поезд в составе 2 классных вагонов и 1 тов. крытого для эвакуации медикаментов.** Требование о срочном – в пять минут составлении поезда было предъявлено военным комиссаром Поповым, помимо меня, к исполняющему обязанности старшего помощника Деменёву, который лично занялся выполнением задания и мне сообщил о сём, когда встретил на платформе.*

*Вскоре после предъявления требования Попов мне предложил проследить за составлением поезда и, передавая, что будут грузиться и отправляться медикаменты, **как-то особенно усмехнулся.** На это обстоятельство я обратил внимание и, когда с Деменёвым на платформе я увидел производящуюся погрузку ящиков, выразил своё недоумение, приблизительно в словах: «Странно, Попов сказал, что отправляют медикаменты, а ящики не подходят». В действительности, насколько можно припомнить, **ящики походили на упаковку музыкальных инструментов.** Сколько было ящиков, сказать не могу, т.к. подходить близко к вагону нельзя было из-за стражи. Погрузка производилась средствами распорядившихся лиц, т.е. не железнодорожных рабочих, и **на втором станционном пути со стороны Екатеринбурга II.***

Меня и Деменёва очень заинтересовал вопрос, как скоро и куда отправится поезд, но таковой днём 19 июля не ушёл

*и остался до вечера. А вечером последовало задание от коменданта В.Ф.Кузнецова к этому поезду присоединить другие вагоны, грузившееся на 23 сев. пути у воинской платформы, **поставить платформу с броневиком, служ. ваг. №134 с комиссаром Шпалевским и дополнить какими-либо вагонами на Тагил.** Распоряжение коменданта Кузнецова о добавлении поезда какими-либо вагонами оказалось неприемлемым для комиссара Шпилевского и, при создавшейся задержке в составлении, едва не расстрелял он составителя поездов Копнова, дежурного по парку Огурского и площадной бранью обругал старшего помощника Уфимцева.*

***Поезд под №203 ушёл из Екатеринбурга 20 июля, около трёх часов утра. Точного времени отправления и записи лиц, сопровождавших поезд, я не нашёл на станции Екатеринбург, т.к. журнал оказался порванным с пропуском периода времени с 15 по 25 июля. Из классных вагонов, входивших в состав поезда по справке, взятой в Екатеринбурге, я запомнил №2441 II кл. Ящики по своему размеру могли вмещать труп человека одного, а даже два. Шпилевский, как мне известно, состоял машинистом на Омской дороге в Уральском депо»** (1, с. 178).*

Доктор исторических наук **Л.А.Лькова** свидетельствует: *«Председатель Уральского облсовета П.М.Быков утверждал, что поезд готовили для вывоза из Екатеринбурга банковских ценностей»* (2, с. 126).

Рассуждения

Казалось бы, с поездом всё ясно, но если мы внимательно посмотрим телеграммы, которыми с конца июня и до второй половины июля обменивался большевистский Екатеринбург с Москвой и Пермью, то открываются новые данные о поезде с платиной и золотом. Оказывается, что это не поезд,

а два вагона, и стояли они в Перми. Вот **расшифрованная телеграмма** от 26 июня 1918 года (1, документ №180): *«Москва, Кремль, Секрсовнаркома Горбунову с обратной проверкой. Мы уже сообщали, что весь запас золота и платины вывезен отсюда два вагона стоят колёсах Перми просим указать способ хранения на случай поражения советвласти мнение обкома партии и обласвета случае неудачи вес груз похоронит дабы не оставит врагам. Предобласвета Белобородов. 4323 (все ошибки и стилистика в этой и следующих телеграммах сохранены – П.Б.)»* (1, с. 260).

Материалы Следствия 1918–1924 годов

Шифрованная телеграмма из Екатеринбурга от 2 июля 1918 года №94: *«Москва Кремль Секрсовнаркома Горбунову. Наш комфин Сыромолотов выехал Перм для организации отправки груза в Ярославль соо/б/щите куда нап/р/авит петроградскую ссудную казну стоящую Перм/на/ колесах. Предоблсвета Белобородов. 4436. 2 июля 1918 года»* (1, с. 261).

Материалы Следствия 1918–1924 годов

7 июля Сыромолотову была послана уже **не шифрованная телеграмма**: *«Пермь Лукоянову и Матвееву 2 адреса Королевские номера Сыромолотову. Если поезд Матвеева ещё не отправлен то задержите запятая если отправлен принять меры к тому чтобы он был задержан в пути и в коем случае не следовал месту указанному нами точка случае ненадежности нового места стоянки **поезд вернуть Пермь**. Ждите шифрованную. Белобородов»* (1, с. 214).

8 июля в 17 часов 33 минуты из Екатеринбурга в Пермь была подана **шифрованная телеграмма** под №907/б: *«Москва Секрсовнаркома Горбунову: для немедленного ответа. Гусев Петрограда сообщил, что Ярославля восстание белогвардейцев*

поезд нами возвращён **обратно ф Пермь** как поступат далее обсудите Голощёкин^{ым}. Номер 4639. Предоблсовета Белобородов. 8 июля 1918 г. № 4639». Ниже самого текста телеграммы имеется карандашная отметка: «Кзн 56 пр. 22/ VII 8.30», что, видимо, означает, что телеграмма вторично была передана непосредственно в Казань 22 июля по 56 проводу в 8 часов.

8 июля 1918 года в 17 часов 45 минут, т.е. через 12 минут после указанной выше телеграммы из Екатеринбурга в Пермь подана **не шифрованная телеграмма** под №908/б. Текст напечатан на пишущей машинке и имел следующее содержание: «Пермь Военком Лукоянову Уполномоченному Облсовета Матвееву Королевские Сыромолотову. Если можно заменить безусловно надёжными людьми команду охраны поезда всю смените пошлите обратно Екатеринбург точка Матвеев остается комендантом поезда точка Замене сговоритесь Трифоновым. Белобородов. 8 июля 1918 г.» (1, с. 216).

На другой день, т.е. 9 июля 1918 года в 11 часов 50 минут Екатеринбург телеграфировал в Пермь **зашифрованную телеграмму** за №882/а. Эту телеграмму расшифровать не удалось.

Были и другие телеграммы в Пермь из Екатеринбурга.

Из выше приведённых телеграмм следует, что поезд с ценностями, о котором упомянул в своей книге П.М.Быков, **находился в Перми.**

Давайте внимательно взглянем в схему екатеринбургского леса в районе Коптяковской дороги.

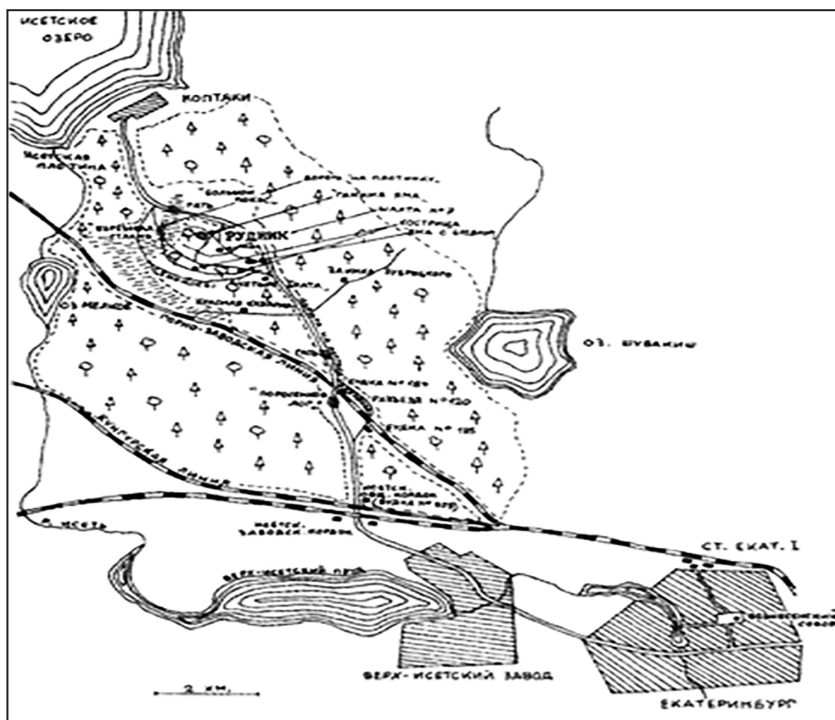
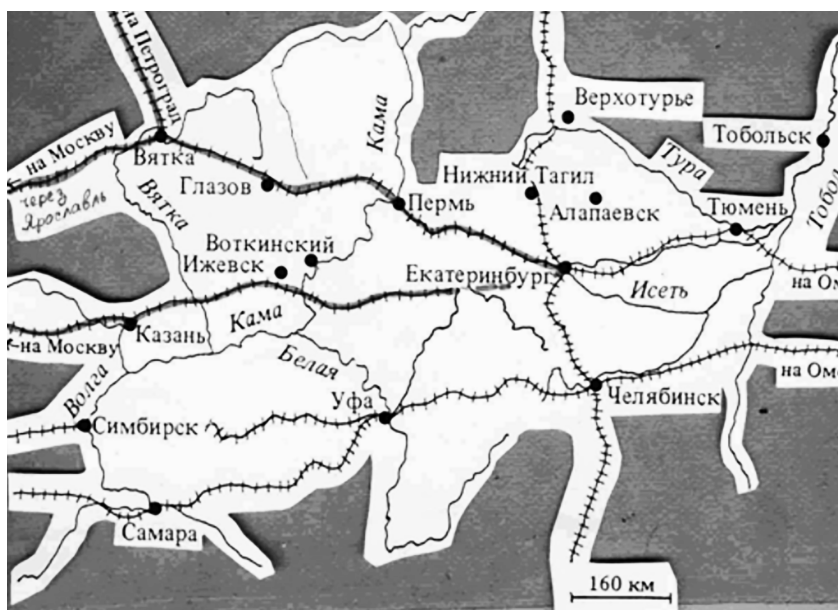

Схема северо-западных окрестностей Екатеринбурга в 1918 году
 На основе схемы, приложенной к книге генерала М.К.Дитерихса
 «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале»
 и дополненной по материалам экземпляра дела Р.Вильтона
 (из книги Н.Росса «Гибель Царской Семьи.
 Материалы Следствия по делу об убийстве Царской Семьи».
 Франкфурт-на-Майне. 1987)

Рассуждения

Обращает на себя внимание разветвление железной дороги, идущей из Екатеринбурга, на три самостоятельные ветви: на Тагил, на Пермь и Кунгурская линия. Горно-Заводская линия на Тагил почти вплотную (от 2 до 3км по схеме) подходит к руднику и ближе других ветвей к нему пересекает дорогу на Коптяки. Эта же дорога через Тагил потом поворачивает на Пермь, а оттуда через Вологду

Железные дороги Урала в 1918 году

можно доехать до Санкт-Петербурга, или повернуть направо до Архангельска (его морских портов). Можно из Перми через Екатеринбург на Казань достичь и Москвы.

Можно возразить, что это слишком сложный вариант: с привлечением железнодорожного транспорта решать задачу по уничтожению тел Царской Семьи, но кто читал, книгу боевика эсера Б.В.Савинкова «Воспоминания террориста», тот знает, что железнодорожный транспорт боевиками использовался, как трамвай в большом городе. Им ничего не стоило, сесть в поезд и переехать из одного города в другой, а также перевезти всё необходимое им «для работы». В отличие от времени, которое описывал Савинков, это облегчалось тем, что весь Екатеринбургский железнодорожный транспорт был в полной власти Ш.Голощёкина.

Окружные дороги также практиковались в годы Гражданской войны. Вот отрывок из свидетельских показаний машиниста Пермской железной дороги **Павла Ивановича Логинова** на допросе 29 января 1919 года у члена Екатеринбургского окружного суда И.А.Сергеева (1, документ №81): *«23 июля (н.ст.) 1918 года мой паровоз был прицеплен к одному из штабных поездов. Этот поезд простоял на станции до 12 часов ночи на 25-ое июля (петроградское время, н. ст.) и лишь часов за 5–7 до занятия Екатеринбурга чешскими и народными войсками был отправлен на Пермь через ст. Богдановичи–Егоренко–Алапаевск–Н.Салда–Сан-Дonato»* (1, с. 134).

Материалы Следствия 1918–1924 годов

И, наконец, свидетельством об использовании в районе, где происходило уничтожение тел Царской Семьи и верных Им слуг предполагаемого механизма, являются найденные там, в процессе предварительного следствия, разрубленные кусочки украшений.

«... 52. Часть разрушенного украшения с бриллиантами...

Экспертиза определила в отношении главной части (большей): «Украшение имеет настоящие бриллианты, высоких свойств, оправленные в чистое серебро, причём в оправе имеется припайка золотом. Это украшение является частью какого-то другого, более крупного. Оно носит на себе следы разрушения его путём удара по нему каким-то крупным предметом».

В отношении 1-го кусочка: *«Это металл есть серебро. Этот кусочек произошёл вследствие отделения от предыдущего украшения, причём он, видимо, отделился от него ударом какого-либо режущего предмета».*

В отношении 2-го кусочка: *«Металл кусочка – серебро. Этот кусочек также произошёл вследствие отделения его*

от украшения, причём ясно видно, что это отделение было произведено при помощи остро-режущего предмета; этот кусочек также подвергался действию огня, как и предыдущий, но в большей степени».

В отношении 3-го и 4-го кусочков: *«Те же выводы, что и в отношении 2-го».*

Тутельберг показала: *«Я вижу часть украшения с бриллиантами. Оно мне положительно напоминает брошь Её Величества. Это – часть от неё, от броши»* (4, с. 268).

«... 58. Золотая пластинка. Экспертиза определила: «Произошла вследствие отделения её от какого-либо другого крупного предмета при помощи остро-режущего орудия, следы коего она носит сама» (4, с. 270).

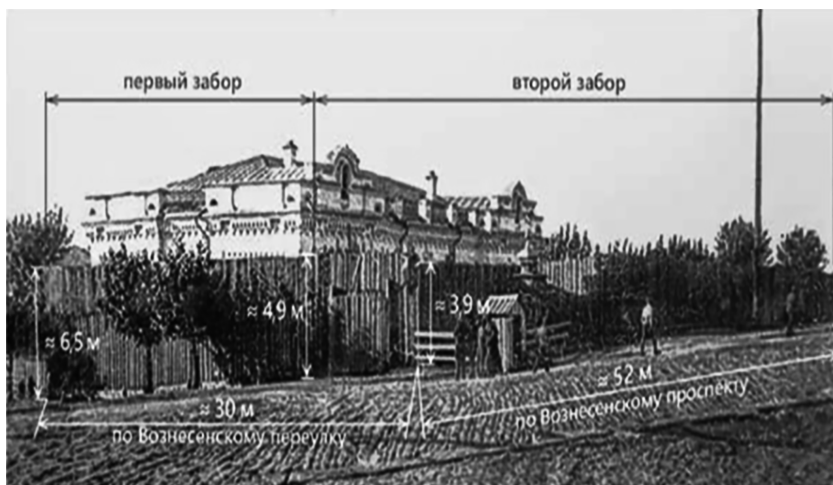
М.К.Дитерихс: *«Пока обращало на себя внимание, что золотые вещи находились с явными следами порубки; это не были изломы, совершенно ясно было, что их рубили».* (3, с. 149) *«Тела рубились одетыми. Только таким изуверствам над телами можно объяснить находку обожжённых костей и драгоценностей со следами порубки, а драгоценные камни – раздробленными»* (3, с. 206).

Материалы Следствия 2015–2021 годов

Сравнение ширины грузовиков

1. Большой «FIAT-18 В!» – около 2,05 м
2. Малый «FIAT-15 Ter» – около 1,76 м

Размеры первого и второго заборов, со стороны проспекта и переулка.
Ширина ворот со стороны Вознесенского переулка составляла около 2,4 м
Приложение к 1 тому (с. 554).

Выводы

Большой, трёхтонный «ФИАТ» с повреждённым кузовом не вывозил тела святых Царственных страстотерпцев и Их верных слуг из дома Ипатьева. Их вывезли на малом, 1,5-тонном «ФИАТе». Ширина большого грузового автомобиля не позволяла ему проехать через ворота на Вознесенский переулок.

Можно ли разрубить, как бы «разрезать» серебряное или золотое украшение, находящееся на мягком, человеческом теле, которое лежит на глиняной площадке, да ещё и топором? Очевидно, нет. Его можно или сломать, или согнуть, или измять. Чтобы остро режущим предметом рассечь даже мягкий драгоценный металл, надо, видимо:

- 1) положить тело, на котором находится украшение, на твёрдое ложе;
- 2) лезвие режущего предмета должно быть не только острым, но и определённой конструкции и массивное, опускающееся на тело с большой скоростью.

Таким **режуще-рубящим предметом может быть лезвие гильотины.**

Эпилог

Таким образом, суммируя написанное, автор данного исследования не делает окончательного вывода – пусть его сделает читатель. Одно, несомненно: данные предварительного Следствия по делу об убийстве Царской Семьи и членов Дома Романовых является ценным историческим материалом, оставленным нам людьми, любившими своё Отечество, православными христианами по своей жизни и образу осмысления происходивших в их время трагических событий.

Это подтверждается словами участвовавшего в расследовании генерала **Михаила Константиновича Дитерихса**: *«Совершенно ясно, что расследование убийства Царской Семьи, принимая историческое и национальное значение, становилось чрезвычайно обширной задачей, довести которую до конца в полном объёме не могли рассчитывать те работники, на которых выпала обязанность начать её. Особенно это касается сбора материалов для всестороннего исторического и национального освящения события...»*

Приняв во внимание, что, тем не менее, в будущем может настать такое время, когда русский народ захочет довести начавшееся исследование и следствие до полного конца и установления определённой истины трагедии Дома Романовых, подлежащие выполнению работы по продолжению следствия и расследования, намечалось вести по плану, предусматривавшему единовременное изучение преступления, по трём направлениям: юридическому, историческому и национальному. При этом каждая отдельная работа в области следственного производства, в области исследования, из которых в будущем должно было создаваться дело в целом, подлежала изучению и протоколированию, насколько возможно, во вполне законченном в указанных направлениях виде. Так, если допрашивался свидетель, то допрос не ограничивался только юридической стороной дела, а старался исчерпать

данного свидетеля и в целях исторического и национального освещения вопроса, конечно постольку данный свидетель был способен дать данные в этом отношении; если изучались надписи на какой-нибудь стене в комнатах дома Ипатьева, то действие не ограничивалось запротоколированием данных надписей, но фиксировало их ещё фотографическим путём, переводило через специалистов на русский язык, если они были сделаны на иностранном, производило экспертизу почерков, стремилось установить авторов, время производства надписи и обстоятельств, её сопровождавших, и т.д.

Таким положением имелось ввиду, с одной стороны, использовать проходивших свидетелей и ещё сохранившиеся на месте следы преступления, насколько возможно полнее, пока работы могли вестись ещё в Екатеринбургском районе, и с другой стороны, предоставить тем, кому будет суждено в будущем, возможность пользоваться материалами предыдущих работ как вполне исчерпывающими вопрос во всех отношениях и, по возможности, освобождёнными от сомнений в их существовании в данное время и от произвольного толкования их значения в истекших событиях» (З, с. 137–138).

В заключении автор привёл обширный отрывок, как духовное и нравственное завещание М.К.Дитерихса нам – русским людям, и как доказательство в достоверности, использованных в данном труде документов.

Литература

1. Гибель Царской Семьи. Материалы Следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 – февраль 1920). Составитель Н.Росс. Frankfurt am Main Printed in West Germany. Посев, 1987, 644 с.

2. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.) Выпуск VIII. Н.А.Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 г. М.: Студия «ТРИТЭ» «Российский архив РЦХИДНИ», 1998, 464 с.

3. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома

Романовых на Урале. М.: Терра «Книжная лавка – РТР», 1996, 352 с.

4. Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М.: Изд-во «Советский писатель», 1991, 366 с.

5. www.esercito.difesa.it/Equipaggiamenti/mezzi_storici/ruotati/

6. www.imcdb.org/vehicle

7. www.avtotrek.ru/catalogue/7idM316

8. www.mdi-minimotors.ru/shop/UID_1_514.html

9. Журнал «Отечественные автомобили». Автомобиль «15 АМО».

10. www.amorov.livejournal.com

11. Преступление века: Материалы Следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского Императора Николая II, Его Семьи и Их приближённых в 3 т. Т. 1. М.: Следственный комитет РФ, 2021. 552 с.: цв. ил.

*П.С.Брянский***О кувшинах**

«1920 года, января 21 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде **Н.А.Соколов** в г. Чите, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал: **«Иван Матвеевич Сретенский, 49 лет, личный дворянин, проживаю сейчас временно в г. Чите, по случаю захвата большевиками территории Урала, где я служил в момент февральского переворота уездным исправником (в последнее время в Пермском уезде), православный, не судился (6, документ №276).**

Работая по Вашим поручениям по настоящему делу, я агентурным путём получил сведения, что в дни убийства Царской Семьи из Комиссариата Снабжения отправлялись к Ипатьевскому дому и к лесу за Верх-Исетский завод какие-то предметы. Работая в этом направлении, я установил дознанием следующее.

*Комиссариат снабжения помещался у большевиков (летом 1918 года) в доме Главного начальника Уральских горных заводов на Гимназическо-Набережной улице. Главным Комиссаром Снабжения был большевик Войков, его товарищем был Быков. Секретарем Войкова был некто Свирчин, а секретарём Быкова – Зимин. Расспрашивая по делу швейцара дома главного начальника Михаила Григорьева Злоказова, служившего при этом доме многие годы, я узнал от него, что незадолго до оставления Екатеринбурга большевиками, **часов в 9 вечера**, вышел он во двор и увидел там названного выше Зимина. Тут же было два экипажа, запряжённые один в одну лошадь, а два (так! – замеч. Н.Соколова) – парой. И экипажи эти и лошади принадлежали дому главного начальника. Около них возился Зимин. Увидев Злоказова, Зимин попросил его переставить с экипажа, запряжённого*

в одну лошадь на двуконный экипаж какой-то ящик. **Злоказов указал его, приблизительно, размеры: длина и ширина ящика была вершков 7 или 8 (около 31,2–35,5 см – П.Б.), а высота около $\frac{3}{4}$ аршина (около 53,2 см – П.Б.). Ящик был забит. Когда Злоказов стал брать ящик и немного наклонил его на себя, из него полилась кислота. Она тут же сожгла материю на его штанах. Увидев это, Зимин и сам сказал Злоказову, что в ящике – кислота и что ему надо помочить штаны водой, чтобы кислота не сожгла его тела.**

В этот момент вышел из дома Войков, позвал, видимо, зачем-то Злоказова в дом, а сам пошёл к Зимину. Дальнейшей судьбы этого ящика сам Злоказов не видел, но он припомнил, что у него по этому случаю был разговор с кучером при доме Волковым и дворником Черных. **Волков** говорил Злоказову, что он, очевидно, по приказанию кого-либо из комиссаров или секретарей, отвёз ящик на двуконном экипаже в аптекарский магазин на Златоустовской улице, под названием «Русское Общество». Впрочем, он говорил, что этот ящик Волков отвозил вместе с Зиминным. **Черных** же, по словам Злоказова, говорил ему, что он ночью позднее Волкова ездил в простой телеге в этот самый аптекарский магазин, брал там какие-то ящики и куда-то возил их, проехав с ними довольно долго. Вот к чему сводились сведения, сообщённые мне Злоказовым. Ещё он мне сказал, что садовник Полков, также живший при доме, выдавал Войкову три лопаты и их также куда-то увозили.

После этого я отыскал садовника Полкова и кучера Волкова и расспросил их.

Показание **Волкова** особенно ценно в том отношении, что он точно определил день, когда проделывались все эти манипуляции с кислотой. Это было в **среду и, безусловно, 17 июля**, как Вы увидите потом сами. **Волков** припомнил,

что в этот именно день вечером он отвозил с Зиминьым ящик с кислотой (именно этот самый ящик, про который говорил Злоказов) в «Русское Общество» на двуконном экипаже. Подъехав к дому, Зимин позвонил. Дверь открыла какая-то девушка. Зимин ей что-то сказал. Она ушла, закрыв дверь. Спустя некоторое время, открылись ворота. Волков, вероятно, ещё с кем-либо из лиц, служивших в этом обществе, а может быть, и один, составили с экипажа ящик на тротуар около ворот и уехали домой.

Впоследствии я сам лично был в этом обществе и смотрел самый склад: для того, чтобы доставить туда ящик, нужно было непременно нести его через ворота, а не через парадное крыльцо, через которое нет сообщения со складом с улицы.

Больше никуда в эту ночь Волков не ездил. Он не мог мне сообщить, ездил ли куда в эту ночь дворник Черных: он не знал этого.

На другой день, т.е. в четверг, он ездил днём с Войковым по городу и, вернувшись домой часа в 3–4 дня, увидел, что их одноконный рессорный экипаж стоит весь в грязи, в глине преимущественно, и одно его крыло помято. Спустя с час после этого какой-то пленный «австриец» (я точно воспроизвожу его слова) принёс три лопаты. Они, как и рессорный экипаж, были запачканы глиной (запомним, что Войков 18 июля до 3–4 часов вечера, может быть и дольше был в г. Екатеринбурге – П.Б.). У Волкова был по этому случаю разговор с садовником **Полковым** и последний, по словам Волкова, сказал ему, что **лопаты куда-то увозились в среду в этом самом рессорном экипаже. На другой день, т.е. в пятницу утром, он подал лошадь для Зимина, и, когда тот садился в экипаж, Волков сказал ему про испорченный экипаж, выразившись приблизительно так: «Какой-то чёрт ездил куда-то в экипаже, колесо смял, экипаж весь в грязи».**

На это Зимин, по словам Волкова, сказал ему: «Ездили публику на тот свет отправлять». **В ночь на субботу Войков и другие большевики покинули Екатеринбург.**

Таким образом, показанием Волкова момент времени удалось установить точно: большевики тогда действительно начали бежать с 20 июля, а 25 Екатеринбург был уже взят чехами. Не следует удивляться тому, что кучер Волков не знал, ездил ли куда в телеге дворник Черных и кто, и когда отвозил лопаты: двор там при доме большой, хозяйство разбросано, и при той безалаберщине, какая царила тогда у большевиков, он действительно мог этого не знать.

Садовник **Полков** показал мне при допросе, что в эти же дни, т.е. за несколько дней до бегства большевиков из Екатеринбурга, его позвал Войков и секретно спросил (т.е. спросил его так, что на Полкова его вопрос произвёл характер именно секрета), есть ли у них и сколько лопат. Полков сказал, что найдётся лопаты три. Лопаты Полков приготовил. Это были, по его словам, обыкновенные железные садовые лопаты. Войков дал ему новую рогожу и велел завернуть их в рогожу.

Около полночи Войков же сам приказал кому-то запрячь надёжную лошадь в экипаж «покрепче», объяснив при этом, что «придётся, быть может, ездить всю ночь». Эти слова Войкова Полков категорически удостоверил. **Скоро приехал к дому какой-то мужчина, довольно полный, с черной бородкой, в непромокаемой жёлтой накидке. Он приехал верхом на лошади. Личности этого человека Полков не знал, а я сам не выяснял, знает ли он Юровского. Этот человек сел в приготовленный рессорный экипаж и куда-то уехал, захватив с собой лопаты. На его же лошади сел и сын Полкова Павел, мальчик лет 13. Они подъехали к дому Ипатьева, откуда вышли ещё двое каких-то мужчин. Они сели**

Вид Главного проспекта

также в экипаж к неизвестному и втроём поехали по направлению к Главному проспекту (т.е. как раз в ту именно сторону, где надо ехать по направлению к Верх-Исетскому заводу). У Павла же верховую лошадь взял какой-то охранник при доме Ипатьева, а сам он пришёл домой. После этого я допросил мальчика Павла. Он удостоверил, что с Зиминым за ящиком с кислотой ездил именно он за кучера и ящик они привезли в дом главного начальника. Здесь ящик швейцар Злоказов (у меня в дознании ошибочно указан кучер) стал снимать с экипажа, и ожёг себе штаны. В тот же день на втором иноходце приехал к ним какой-то неизвестный с чёрной бородкой. Он сел в экипаж, запряжённый особо для него, и увёз с собой лопаты, завернутые в рогожу. Павел же поехал за ним на его верховой лошади. Доехали они так до дома Ипатьева. Здесь в экипаж к неизвестному сели ещё двое каких-то мужчин, вышедшие из дома Ипатьева,

а на верховую лошадь сел какой-то молодой, по его словам, человек, в военной одежде. Они все поехали по одному направлению: в сторону Главного проспекта.

*Черных мне допросить не удалось: он ушёл с большевиками. Но, пытаясь установить место именно его поездки, я расспрашивал прислугу при том же доме главного начальника **Евфимию Ивановну Спасскую**, служившую в этом доме при большевиках горничной. Она показала, что дворник Черных незадолго до бегства большевиков из Екатеринбурга возвратился домой поздно ночью, мокрый и грязный. Он ворчал по этому поводу, и она слышала, что он говорил при этом, что он «доехал до леса, а дальше его не пустили».*

*Получив эти сведения, я отправился в аптекарский магазин «Русское Общество», которым заведовал Максимилиан Данилович Мецнер, и расспросил его. Он мне сказал, что действительно как-то незадолго до бегства большевиков из Екатеринбурга к нему вечером, кажется, прибыл какой-то неизвестный ему господин (очевидно – Зимин) и, предъявив требование Комиссара Войкова, в резких и настойчивых выражениях потребовал выдачи ему **пяти пудов серной кислоты**. Мецнер отпустил ему ящик с серной кислотой, и Зимин расписался на требовании в получении её. Несколько позднее сам Войков звонил ему по телефону и потребовал, чтобы было приготовлено ещё **три бетона (бидона?) с серной кислотой**. Мецнер приготовил кислоту. Около полночи на простой телеге к складу приехало несколько человек красноармейцев с винтовками, взяли от него кислоту и увезли в сторону Главного проспекта. Мецнер отыскал и самые требования Войкова на кислоту и выдал мне их. Я Вам их тогда же представил при дознании. Именно они и изображены на предъявленных мне Вами фотографических изображениях (предъявлены эти фотографические изображения).*

Сопоставляя, таким образом, показания всех

Кувшины с концентрированной серной кислотой.
Кадр из художественно-документального фильма
«Власть и Слава: Испытательная жертва»,
режиссёр А.Иванов «Ленфильм»

*вышеуказанных лиц, я прихожу к следующим выводам. По приказанию Войкова Зимин получил первый ящик с серной кислотой и привёз её в дом главного начальника. Она немного пролилась. К тому времени, вероятно, уже выяснилось, что этого количества кислоты мало, какое привёз Зимин. Так как остальное количество всё равно нужно было брать из склада, то туда и был доставлен первый ящик с кислотой, может быть, там более прочно упакованный, а может быть, сменённый: сам Мецнер об этом не мог дать сведений, чему также не следует удивляться, т.к. склад самый громадный, служащих много, а сам Мецнер мог всех обстоятельств и не знать. **В эту же ночь Черных отвёз кислоту по направлению к руднику, куда он, конечно, допущен сам не был.***

Я сам осматривал кислоту на складе. Она была в японских глиняных кувшинах, а кувшин помещался в ящике. Я категорически удостоверяю, что ящики эти были

из красного леса, а не из чёрного. Они были довольно толстые: толщина стенок была не менее $\frac{3}{4}$ вершка (около 3,3 см – П.Б.): иначе они и не могли быть сделаны, т.к. **кувшин кислоты весил два пуда...**

Показание моё, мне прочитанное, записано правильно. Ив. Мат. Сретенский. Судебный следователь Н.Соколов» (6, с. 504–506).

«1919 года, мая 16 дня, судебный следователь по особо важным делам **Николай Алексеевич Соколов** в городе Екатеринбурге, в порядке 315–324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр документов, представленных агентом Уголовного розыска **Сретенским** при дознании от 7-го сего мая (л. д. 139, том 4). По осмотру их найдено следующее (6, документ №200):

1. Половина листа белой писчей бумаги. Эта половина сложена пополам, так что каждая представляет собой четвертушку листа. На первой странице четвертушки чёрными чернилами написано следующее:

«Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из вашего склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Обл. Комиссар Снабжения Войков».

Весь приведённый текст этого требования писан одной и той же рукой, как и подпись самого требования, т.е. Войковым. Ниже этого текста на этой же странице четвертушки приложен синий оттиск мастичной печати:

«Комиссар Снабжения Обл. Совет. Раб. Кр. Сол. Депутатов Урала».

Рядом с этим оттиском печати чёрным карандашом написана расписка следующего содержания:

«Серной кислоты 2 п. 31 ф. получил 17/VII Секрет. Зимин».

Весь текст этой расписки писан одной и той же рукой, т.е. рукою Зимина. По тексту написанного на первой странице

четвертушки синим цветным карандашом написана большая буква «К».

На другой странице той же бумаги написано чернилами чёрного цвета:

«4 ящ. кисл. серной.

На лицо 4 x 2 п. 31 ф.

11 п. 04 ф./нд. 15 Р 166.50

Упак. 30.

196.50 18/VII».

Весь текст этого расчёта писан одной и той же рукой. По тексту расчёта синим цветным карандашом написана буква «К». Это обозначение сделано, видимо, той же рукой, как и обозначение этой буквы в первом случае.

2. Четверть листа белой писчей бумаги.

На этой четвертушке чернилами чёрного цвета написано следующее требование:

«Предлагаю выдать ещё три кувшина японской серной кислоты предьявителю сего. Обл. Комиссар Снабжения Войков».

Весь текст этого требования и подпись писаны той же рукой, что и текст первого требования, т.е. Войкова.

Ниже его приложен такой же оттиск той же печати, что и на первом требовании. Рядом с оттиском печати чёрным карандашом написана расписка следующего содержания:

«Три кувшина серной кислоты получил 17/VII Секр. Зимин».

Текст этой расписки и самая подпись написаны той же рукой, что и текст первой расписки, т.е. рукою Зимина.

Подлинное подписали: судебный следователь Н.Соколов. Понятые» (6, с. 346).

Таким образом, в ночь с 17 на 18 июля 1918 года к заброшенному руднику на подводе были доставлены в 4-х или 7-ми японских кувшинах как минимум до 11

пудов 4 фунта³¹ концентрированной серной кислоты. Судите сами: в одном кувшине было 111 фунтов или около 41,425 кг. Соответственно **в 4 кувшинах около 165,7 кг, а в 7 кувшинах около 289,976 кг.**

При движении ночью на подводе, загруженной кувшинами с концентрированной серной кислотой, по первой свёртке с Коптяковской дороги, на её участке от ямы с бревном до полянки, где находилась глиняная площадка, возникает реальная опасность свалиться в находившийся там глубокий котлован. Разумно было бы оставить телегу с кувшинами на полянке, не доезжая «Пня врачей», и соорудить рядом с ней площадку из дощечек, на которую можно было временно, до рассвета, сгрузить ящики с кувшинами.

М.К.Дитерихс: *«У ямы, в которую сорвался грузовик, вёзший тела членов Царской Семьи к глиняной площадке, как уже упоминалось, был небольшой костёр. При исследовании его в нём найдены остатки обгорелых дощечек, какие употребляются для хороших укупорочных ящиков. Не обгоревшие концы этих дощечек и земля под ними носили странные следы ожогов, происходящие не от огня. Эти дощечки и земля были посланы на экспертизу, которая определила вполне положительно, что как дощечки, так и земля из-под них подвергались действию кислоты. Очевидно, что эти дощечки принадлежали тому ящику, в котором была привезена в лес серная кислота; последняя была, по-видимому, в плохом сосуде, пропускавшем кислоту, которая попала на доски ящика. Об этом говорил ещё сыншишка садовника при доме еврея Войкова, что когда ящик был доставлен во двор дома, то кучер пробовал переставить его на другой экипаж, но кислотой обжёг себе штаны. Во всяком случае, устанавливалось вполне прочно, что кислота, которую 18*

---

31. 1 пуд = 40 фунтам, а в одном аптекарском фунте около 373,2 г или 0,3732 кг.

июля привезли в Коптяковский лес, была доставлена до места сокрытия Исааком Голощёкиным тел.

Следовательно, использование Исааком Голощёкиным кислоты при сокрытии тел можно считать почти вероятным. В каких целях она была использована, пока остаётся неопределённым, т.к. следствие не успело произвести необходимой медицинской экспертизы. Пусть господа врачи ответят: способствует ли серная кислота уничтожению тела при сжигании на огне или она могла иметь другое применение?» (23, с. 179–207).

Интересен тот факт, что генерал-лейтенант **М.К.Дитерихс** указал: *«От ямы, куда завалился автомобиль, дальше по направлению к Ганиной Яме, как говорилось выше, дорожка следует по краю большого, глубокого котлована, который упирается в открытую шахту, исследовавшуюся в августе 1918 года офицерами. Сейчас же дальше за шахтой, всё по тому же направлению, лежит небольшой, плоский бугор – площадка со следами упоминавшегося кострища. Этот бугор из набросанной глины. **К востоку от шахты и бугра полянка, а с северо-запада к шахте подходит полевая дорожка, по которой можно выйти на дорогу к плотинке**».* (Мы не будем в данной статье комментировать выделенную фразу, только укажем на неё – П.Б.) (22, с. 172).

Изучая «работу» палачей-изуверов у заброшенной шахты, не вдаваясь в подробности их методов по расчленению тел, следует отметить, что вряд ли, **Ф.(Ш.)Голощёкину**, для отчёта о «проделанной работе» понадобились все 11 человеческих голов. В то же время в кострах не найдено ни одного зуба, которые подтверждали бы, что головы, как и тела были уничтожены в огне. **Наиболее вероятно, что останки голов были опущены в кувшины с кислотой, потом кувшины были зарыты или утоплены в находящихся**

рядом болотах. Дальнейшая транспортировка наполненных и уже вскрывавшихся кувшинов по лесной дороге могла вызывать тяжёлые ожоги людей и значительную порчу их одежды кислотой. Да и не было необходимости это делать. «Поливать» кислотой в костре или обугленные в огне и ещё тлеющие тела было бы очень опасно, т.к. выделявшиеся при этом пары кислоты могли вызвать химические ожоги кислотой открытых частей тела: рук, лица и, самое важное – глаз и дыхательных путей. Об этом в материалах следственного Дела и в воспоминаниях участников уничтожения тел нет даже упоминания.

Это в определённой степени подтверждает, найденная нами в Интернете, статья «Самый длительный срок». «К 78 годам в совокупности в сентябре приговорил Верховный Суд Республики Башкирия четырёх убийц, которые, желая завладеть крупной суммой денег, не только лишили жизни двух уфимских бизнесменов, но и, расчленив, растворили их тела в серной кислоте.

Ужасающее преступление было совершено накануне Нового года. Тогда на дне карьера у автодороги Сатка–Бакал, что в Челябинской области, были обнаружены жуткие дымящиеся останки не до конца растворённых в кислоте тел. Не ушли далеко и преступники. Не подозревая, что испарения серной кислоты могут быть ядовиты, злодеи, наблюдая за уничтожением трупов, тяжело отравились сами. Так, что их пришлось госпитализировать»³².

Где взял кувшины с серной кислотой для съёмок фильма «Власть и Слава: Искупительная жертва», режиссёр А.Иванов, и кто его консультировал в этом вопросе нам не известно. Однако большой интерес для нас представляет внутренний диаметр горловины настоящих кувшинов с серной кислотой,

---

32. «Московский комсомолец в Уфе». №1 от 05.01.05. URL-адрес статьи: <http://www.mkufa.ru/index>.

которые были использованы в Коптяковском лесу. Зная вес кислоты, высоту и её объём в кувшине, не трудно определить и радиус её поверхности.

Давайте посчитаем.

В переводе на современные единицы измерения имеем: 1 аршин = 71,12 см, 1 вершок = 4,5 см.

1) Высота ящика составляла около $\frac{3}{4}$ аршина или около 53,3 см или 0,53 м.

2) Толщина досок ящика была не менее $\frac{3}{4}$ вершка или около 3,3 см или 0,03 м.

3) Высота ящика внутри составит 0,47 м. Отняли от высоты ящика толщину досок крышки и дна.

4) От внутренней поверхности крышки ящика, до наружной поверхности кувшина с кислотой должно быть не менее 3 см или 0,03 м, тогда высота керамического японского кувшина составит 44 см или 0,44 м.

5) Если учесть, что толщина стенок и крышки кувшина должна быть не менее 1,2 см или 0,012 м, а от внутренней поверхности крышки до верхней поверхности серной кислоты не менее 3 см или 0,03 м, то высота объёма кислоты в кувшине составит 39,8 см или 0,398 м.

6) Вес концентрированной серной кислоты в кувшине согласно накладным составлял 2 пуда и 31 аптекарских фунта или 41,425 кг.

7) Удельный вес концентрированной серной кислоты равен 1834 кг/м^3 .

8) Поверхность объёма серной кислоты в кувшине представляла собой, очевидно, окружность.

9) Вес концентрированной серной кислоты в кувшине равен удельному весу, умноженному на объём:

$$M_{(m \text{ серн.кисл.})} = P_{\text{серн.кисл.}} \times V_{\text{серн.кисл.}}$$

10) Объём серной кислоты будет равен геометрической

величине π , равной 3,14, умноженной на квадрат радиуса окружности поверхности серной кислоты в кувшине и на высоту объёма кислоты в кувшине: $\pi r^2 h$.

11) Радиус окружности поверхности серной кислоты в кувшине будет равен корню квадратному из веса серной кислоты в кувшине, делённого на произведение удельного веса концентрированной серной кислоты на π и на высоту серной кислоты в кувшине:

$$r = \sqrt{\frac{M_m}{\pi \cdot \rho_{\text{серн.кисл.}} \cdot h}}$$

И будет равен 0,134 м или 13,4 см.

12) Таким образом, диаметр поверхности серной кислоты будет равен 26,8 см или 0,268 м. Поскольку серная кислота это жидкость, то она заполнит всю внутреннюю форму кувшина, таким образом, диаметр поверхности серной кислоты будет являться внутренним диаметром кувшина.

Объём серной кислоты как величина постоянная является определяющим для диаметра, формы и высоты кувшина. Уменьшение диаметра кувшина приведёт к увеличению высоты, а, следовательно, делает кувшин не пригодным к размерам ящика.

Можно ли при данных размерах внутреннего объёма кувшина поместить туда главы святых Царственных страстотерпцев?

Используя из статьи С.Никитина «Как это делалось?»³³, метод определения роста святых Великих княжон и различные имевшиеся в нашем распоряжении фотографии с профилями их лиц, мы составили таблицу.

33. «Родина», №3, 2006, с. 51.

Размеры честных глав Святых страстотерпиц Анастасии, Татианы, Ольги и Марии

Великие княжны	Максимальный горизонтальный размер x	Максимальный вертикальный размер h	Максимальный продольный размер d
Анастасия Николаевна	19,2 см	21,6 см	20,5 см
Татиана Николаевна	17,7 см	21,1 см	21,7 см
Ольга Николаевна	18,7 см	22,1 см	21,1 см
Мария Николаевна	18,8 см	23,0 см	21,7 см

x – максимальный горизонтальный размер – от наружного края правого уха до наружного края левого уха

h – максимальный вертикальный размер – от нижнего края подбородка до макушки головы

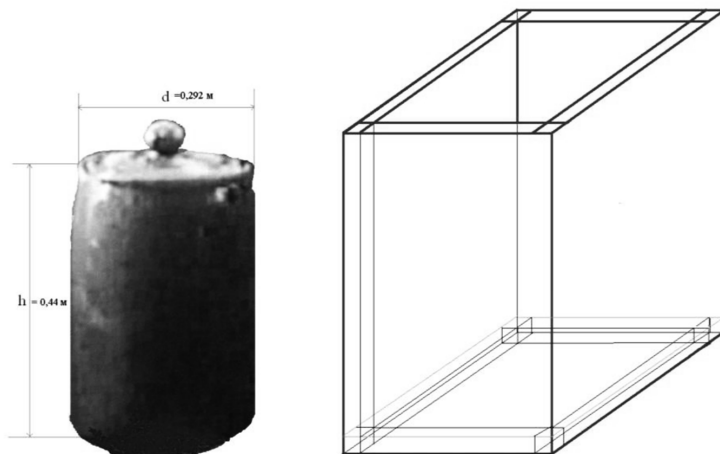
d – максимальный продольный размер – от кончика носа до затылка головы.

Таким образом, честные главы святых Царственных княжон могли быть помещены в японские кувшины, что можно предполагать и в отношении голов Их верных слуг. Кувшины, показанные в художественно-документальном фильме режиссёра А.Иванова «Власть и Слава: Искупительная жертва» соответствовали по своей форме предполагаемым японским кувшинам с концентрированной серной кислотой.

Посмотрим, как будет вести себя деревянный ящик, содержащий внутри себя японский кувшин, наполненный 2 пудами 31 фунтом концентрированной серной кислоты.

Согласно закону, по которому погружённое в жидкость тело вытесняет вес жидкости, который равен весу погружённого тела, составим уравнение:

Соотношения кувшина с концентрированной серной кислотой и упаковочного ящика из красного дерева, в который он был помещён в соответствии с одинаковыми масштабными пропорциями

$$G_{\text{б.Воды}} = (G_{\text{д.куб.1}} - G_{\text{д.куб.2}}) + (G_{\text{к.кувш.1}} - G_{\text{к.кувш.2}}) + G_{\text{серн.кисл.}}$$

в котором:

$G_{\text{б.воды}}$ – вес вытесненной болотной воды;

$G_{\text{д.куб.1}}$ – вес деревянного куба, соответствующего **наружным размерам ящика** – упаковки для серной кислоты;

$G_{\text{д.куб.2}}$ – вес деревянного куба, соответствующего **внутренним размерам ящика** – упаковки для серной кислоты;

$G_{\text{к.кувш.1}}$ – вес сплошной керамической фигуры, соответствующей **наружным размерам японского кувшина** с серной кислотой;

$G_{\text{к.кувш.2}}$ – вес сплошной керамической фигуры, соответствующей **внутренним размерам японского кувшина** с серной кислотой;

$G_{\text{серн.кисл.}}$ – вес концентрированной серной кислоты, содержащейся в одном японском кувшине.

Согласно законам физики: $G = Y \times V$, где:

G – вес тела;

Y – удельный вес вещества, из которого состоит тело;

V – объём тела.

Отсюда наше уравнение приобретает следующий вид:

$$Y_{\text{б.воды}} \times V_{\text{б.воды}} = (Y_{\text{кр.дер.}} \times V_{\text{д.куб.1}} - Y_{\text{кр.дер.}} \times V_{\text{д.куб.2}}) + (Y_{\text{керам.}} \times V_{\text{к.кувш.1}} - Y_{\text{керам.}} \times V_{\text{к.кувш.2}}) + G_{\text{серн.кисл.}}$$

или:

$$Y_{\text{б.воды}} \times V_{\text{б.воды}} = Y_{\text{красн.дер.}} \times (V_{\text{д.куб.1}} - V_{\text{д.куб.2}}) + Y_{\text{керам.}} \times (V_{\text{к.кувш.1}} - V_{\text{к.кувш.2}}) + G_{\text{серн.кисл.}}$$

Мы знаем, что:

$Y_{\text{б.воды}}$ – удельный вес болотной воды равен **1050 кг/м³**;

$Y_{\text{кр.дер.}}$ – удельный вес красного дерева, из которого были изготовлены ящики равен **600–800 кг/м³**;

$Y_{\text{керам.}}$ – удельный вес керамики равен **2400 кг/м³**;

$V_{\text{д.куб.1}}$ – внешний объём ящика равен $0,35 \text{ м} \times 0,35 \text{ м} \times 0,53 \text{ м} = \mathbf{0,0649 \text{ м}^3}$;

$V_{\text{д.куб.2}}$ – внутренние объёмы ящиков, если они были сколочены из досок толщиной $0,32 \text{ м} - 0,32 \text{ м} \times 0,32 \text{ м} \times 0,47 \text{ м} = \mathbf{0,0481 \text{ м}^3}$;

$G_{\text{серн.кисл.}}$ – вес серной кислоты в одном кувшине 2 пуда 31 фунт или $373,2 \times (80+31) = 41425,2 \text{ г} = \mathbf{41,425 \text{ кг}}$.

Предполагаем, что кувшины представляли собой керамические цилиндры с толщиной стенок $0,012 \text{ м}$, высотой (исходя из размеров упаковочных ящиков) $0,44 \text{ м}$, и наружным диаметром $0,292 \text{ м}$.

Тогда объём сплошной керамической фигуры, соответствующий **наружным** размерам японского кувшина

с серной кислотой будет равен:

$$V_{\text{к.кувш.1}} = 3,14 \times (0,292 : 2)^2 \times 0,44 = 0,0295 \text{ м}^3.$$

Объём сплошной керамической фигуры, соответствующий внутренним размерам японского кувшина с серной кислотой будет равен:

$$V_{\text{кер.кувш.2}} = 3,14 \times (0,268 : 2)^2 \times 0,416 = 0,0235 \text{ м}^3.$$

Подставляем в уравнение указанные выше числа:

$$1050 \times V_{\text{бол.воды}} = 800 \times (0,0649 - 0,0481) + 2400 \times (0,0295 - 0,0235) + 41,425 = 13,438 + 14,389 + 41,425 = 69,252 \text{ кг.}$$

Но поднять ящик с серной кислотой весом 63,689 кг руками практически невозможно. Если предположить, что:

$Y_{\text{кр.дер.}}$ – удельный вес красного дерева равен **600 кг/м³**;

$Y_{\text{керам.}}$ – удельный вес керамики был ближе по своему значению к глине, а не к фарфору (как мы взяли вначале);

$Y_{\text{глины}}$ – удельный вес глины равен **1900 кг/м³**,

в уравнении получим:

$$1050 \times V_{\text{б.воды}} = 600 \times (0,0649 - 0,0481) + 1900 \times (0,0295 - 0,0235) + 41,425 = 10,078 + 11,391 + 41,425 = \mathbf{62,894 \text{ кг.}}$$

Объём вытесненной ящиком болотной воды в первых расчётах будет равен:

$$V_{\text{б.воды1}} = 69,252 : 1050 = \mathbf{0,06595 \text{ м}^3}.$$

Высота этого объёма составит:

$$H_{\text{б.воды1}} = V_{\text{б.воды1}} : S_{\text{ящика}} = 0,06595 : 0,35^2 = 0,538 \text{ м} \approx \mathbf{54 \text{ см.}}$$

Объём вытесненной ящиком болотной воды во-вторых расчётах будет равен:

$$V_{\text{б.воды2}} = 62,894 : 1050 = 0,0599\text{м}^3.$$

Высота этого объёма составит:

$$H_{\text{б. воды2}} = V_{\text{б. воды2}} : S_{\text{ящика}} = 0,0599 \times 0,35^2 \times 0,489 \text{ м} \approx 49 \text{ см.}$$

Таким образом, и в первом случае, где глубина погружения ящика с кувшином равна 54 см и, тем более, во втором, где глубина погружения ящика с кувшином составляет 49 см, полного погружения в болотную воду его не будет, т.е. **ящики будут заметны на поверхности болота**. Тогда ничего не остаётся, как отказаться от этой затеи и вырыть яму в болотной воде. О технологии такого «копания» от соучастников сокрытия останков святых Царственных мучеников и верных Им слуг или от их товарищей мы уже слышали.

М.Н.Покровский (1920?): «Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к 7 утра яма, аршина в $2^{1/2}$ (около 1,78 м – П.Б.) глубины, $3^{1/2}$ в квадрате (с длинной около 1,33 м каждой стороны ямы, если речь идёт о $3^{1/2}$ аршина², но, очевидно, имеются в виду размеры каждой стороны квадрата в $3^{1/2}$ аршина – около 2,5 м – П.Б.), была готова» (15, с. 97–98).

Из воспоминаний чекиста **Г.И.Сухорукова**, одного из участников уничтожения трупов Царской Семьи, 03.04.1928 года: «Простояв в Кусьвинском заводе несколько дней, мы получили приказ выехать в г. Екатеринбург для формирования (...) (в документе не разборчиво).

Из остатков нашего батальона отобрали приблизительно 35 (человек) для отряда при Уральской областной ЧК, куда попал и я, через несколько дней, приблизительно 18 или 19 июля из отряда нас отбирают человек 12 и говорят: «Товарищи! Вам вверяется тайна государственной важности, с этой тайной вы должны умереть. Горе тому, кто не оправдает нашего доверия...

Председатель Урал. обл. ЧК, если не путаю Лукиянов (правильно Лукоянов) Фёдор говорит: «Сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова, она расстреляна...». Ночью выехали в сторону Верх-Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню, сколько нас было человек, но многих помню. Первый – Юровский, Комиссар города. Вторым – наш комиссар Павлушин. Из ЧК – Горин, Родзинский, потом не знаю фамилию мадьяр(а) в сером костюме, впоследствии он его сжжёт серной кислотой (таким образом – концентрированная серная кислота, как мы видим, очень опасна и обращаться с ней так просто, как рассказано в известной «Записке» Юровского-Покровского, нельзя без тяжёлых последствий для тела и одежды – П.Б.), Ермаков. Из красноармейцев – Тягунов Фёдор, мой земляк, убитый на Деникинском фронте, лысьвенские рабочие: Боженков Алек(сей), Поспелов Никол(ай), Влад(имирович), его брат Иван (они, кажется, сейчас в Перми), Самойлов Никол(ай) (в Москве учится на красного професс(ора), Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ). Эстонец Кют (впоследствии был в моей команде командиром) пул(емётного) взв(о)да и попал в плен Колчаку с пулем(ётной) заставой. Кильзин тоже эстонец, тоже был в моей команде ком(андиром) пул(емётного) отд(еления), убит под Новопаинском Оханск(ого) уезда. Пономарёв Дм(итрий) – лысьвенский рабочий, Гурьев, тоже оба попали в плен. Верхне-туринские рабочие: Петров, Рябков Алек., брат Рябковой, работающей в данное время, кажется, в Обл. РКИ (по мужу, вероятно, у неё фамилия другая). Яша, фамилию забыл, Рябкова его знает, и я...

Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано.

Для того, что, если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали, на наш жертвенник попал первый наследник и вторым младшая дочь Анастасия, после того как трупы были сожжены, мы разбросали костер, на середине вырыли яму, всё оставшееся не догоревшее сгребли туда, и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу.

Приехали в Екатеринбург на вторые сутки усталые и злые, ночью этого же дня я выехал старшим конвоя для сопровождения в Пермскую ЧК дочери короля сербского Елены, жены одного из великих князей, с ней сербская миссия, полковник Медичи, его холуй, и человек 20 свердловских буржуев, всю эту честную компанию я доставил благополучно. По приезде в Пермь я взял газету «Уральский рабочий», кажется, за 22 июля и в ней прочитал о расстреле Николая II и его семьи...» (Сухоруков. ЦЦООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 215, 219–221. / 24, с. 321–322).

Из воспоминаний участника расстрела Царской Семьи **М.А.Медведева-Кудрина** (декабрь 1963): «Всё, что я расскажу **об операции повторного захоронения, я говорю со слов моих друзей:** покойного Якова Юровского и ныне здравствующего Исаия Родзинского, подробные воспоминания которого должны быть непременно записаны для истории, т.к. Исай единственный человек, оставшийся в живых из участников этой операции, кто сегодня может опознать место, где похоронены останки Романовых. Также необходимо записать воспоминания моего друга Григория Петровича Никулина, знающего подробности ликвидации великих князей в Алапаевске и великого князя Михаила Александровича Романова – в Перми.

Углубили яму лопатами до чёрной торфяной воды. Туда – в болотистую трясиину спустили трупы, залили их

серной кислотой, забросали землёй. Грузовик от переезда привёз с десяток старых пропитанных железнодорожных шпал – сделали из них над ямой настил, проехали по нему несколько раз на машине. Шпалы немного вдавились в землю, запачкались, будто бы они и всегда тут лежали.

Так в случайной болотистой яме нашли достойное упокоение последние члены царской династии Романовых... Так закончилась секретная операция по избавлению России от династии Романовых. Она прошла настолько успешно, что доньяне не раскрыта ни тайна дома Ипатьева, ни место захоронения царской семьи» (Медведев. РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43-58; 24, с. 331–333).

Из расшифрованной беседы с **И.И.Родзинским** в Радиокomiteте о расстреле Царской Семьи, г. Москва 13.05.1964 года: «Ну, а когда Юровский вернулся, и разведчики наши через некоторое время пришли и тоже доложили, что нашли заброшенную где-то в балке шахту. Ну, это шахта была глубинная, потому что они лазали в неё и сказали, что там внизу топка и засосёт. Мы тут грузила приготовили. Ну, решили так, что часть сожжём, а часть спустим в шахту, либо всех сожжём. И что всех изуродуем всё равно, потом иди, различи. Нам важно, чтобы не оставалось количества. И, потому что по этому признаку можно было узнать захоронение. Ну, а так что же, ну расстрелянные были люди, брошены, а кто? Царь или кто...

Мы решили, что лучшего места не найти. Мы сейчас же эту трясику расковыряли. Она глубокая бог знает куда. Ну, тут часть разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили всё, а потом всё это в трясику. Неподалеку была железная дорога. Мы привезли гнилых шпал, проложили маятник, через самую трясику. Разложили этих шпал в виде мостика такого заброшенного через трясику, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать.

Но вот, помню, Николай сожжён был, был этот самый Боткин, я сейчас не могу вам точно сказать, вот уже память. Сколько мы сожгли, то ли четырёх, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого, это уже точно я не помню. Вот Николая точно помню. Боткина и, по-моему, Алексея. Ну, вообще, должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином там, что-то ещё такое сильно действующее, дерево тут подкладывали. Ну, долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил, доложил в город и потом уже приехал. Уже ночью было, приехал на легковой машине, которая принадлежала Берзину. Вот так, собственно говоря, захоронили.

– Женщин, что ли, вы как-то отдельно отделили?

– Нет, часть женщин тоже пошла вот сюда. **А там уже, что в болото спустили, это, конечно,** потому что, сколько они, конечно, ни искали, они все шахты перерыли, все шахты... (В этом месте И.Родзинский мог проговориться – П.Б.)

– Ну, одним словом, это тогда был, по-моему, театр драмы назывался он. Там митинг организовали...

В Екатеринбургском архиве нашли копию удостоверения, выданного на моё имя, которая была подшита **в деле фотографий Дома Романовых...**» (РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 23-25, 31-35, 41, 45; 24, с. 338-340)

А.П.Мурзин (1998): «Верить, не верить? Послушаем **Ермакова** дальше... Ермаков говорил, что в лес они ездили, «как на работу». И утверждал: «главные» тела он «сожжёт» ещё в ночь на 18 июля. И уехал с командой домой отсытаться. А поздним вечером того же дня они вернулись к шахте. И немало удивились, увидев: команда Голощёкина и Юровского заканчивает погрузку каких-то «не догоревших» тел в повозки.

Было темно. Ермаков не мог нам уверенно сказать, насколько тела были изрублены или обожжены. **К тому**

же Голощёкин устроил Ермакову дикую сцену за якобы «самоуправство», за то, что «не тех пожёг», – разнос был явно рассчитан на публику. Голощёкин заявил, что они решили поменять место захоронения: про него уже «знает весь город». После чего они с Юровским уехали, сказав: едем тела дожигать или топить. И приказали Ермакову все следы у шахты «сокрыть», а остатки костей утопить в болоте.

Обозлённые ермаковцы ничего особо «сокрывать» не стали. Сгребли какие-то кости, сложили в пустой кувшин из-под серной кислоты, на носилках отнесли его куда-то на «гать» или «стлань». И бросили в болотный зыбун. Ермаков говорил нам, что кувшин «был мал», поэтому все оставшиеся в костре кости они раскидали и побросали в шахту. А потом засыпали костёр и уехали домой» (1, с. 53–54).

В.Леньков: «Нельзя обойти вниманием любопытные воспоминания Петра Ваулина³⁴, ныне живущего в Америке. Также я хотел бы сегодня рассказать о воспоминаниях, которые **никогда и нигде** не публиковались. Я имею в виду главу администрации области в 70-е годы, пост этот тогда именовался – секретарь обкома КПСС и секретарь горкома КПСС.

Когда в 1987 году Борис Николаевич был снят с поста первого секретаря горкома Москвы и исключён из кандидатов Политбюро, а съезды союзные ещё не собирались, он, т.е. Борис Николаевич, будучи министром Госстроя СССР, в январе 1989 года позвонил мне домой и попросил о встрече либо у меня дома, либо в его доме, в его семье. Он готов принять меня и мою семью. Я дал согласие на первый вариант, с пожеланием на будущее в ближайшие дни совершить к нему ответный визит. Ответного визита не последовало,

---

34. Журнал «Слово», №11–12, 1992.

но первая встреча у меня в гостях, всё, же состоялась, и длилась наша беседа три часа пятьдесят две минуты, за чаем в семейном кругу с супругами. С самого начала у нас была договорённость говорить обо всём совершенно правдиво, по принципу: что на уме, то и на языке. Самое первое, что я ему заявил открытым текстом, были мои слова: «Борис Николаевич, в истории России вы навсегда останетесь как лицо государства, причастное к сносу двух важнейших исторических памятников страны: первый памятник – это Поклонная гора в Москве, второй памятник – это Ипатьевский дом на Урале».

Услышав это, мой собеседник оба обвинения отверг как несостоятельные, причём довольно аргументировано, при этом надо заметить, что если Поклонная гора в то время была у всех на слуху, о ней много писали и говорили, и я был не первым, кто задал этот вопрос Ельцину, на что я и получил его ответ, который он знал наверняка наизусть. А вот тема Царя, его расстрела, сноса Ипатьевского дома в те годы далеко была ещё не в моде. О ней молчали, да и просто было запрещено говорить вслух. И на эти вопросы Борис Николаевич заговорил искренне, т.к. чувствовалось, что он говорит об этом впервые. Вот что он нам рассказал в тот субботний вечер о судьбе Ипатьевского дома и о царском деле.

Задумавшись, он вымолвил следующее: «В бытность моего руководства Свердловском и областью и в дни сноса дома ко мне вдруг настойчиво напросился один весьма пожилой старик и в уединённой обстановке один на один признался, что он очень боится за свою жизнь. Я поинтересовался – почему? Он ответил, что ему вдруг стали угрожать неизвестные лица, в связи с тем, что он знает настоящее место захоронения Царя, а в связи с последними событиями, происходящими в городе, он стал опасаться за свою жизнь.

Я ему (Ельцин – старику – прим. В.Л.) в свою очередь отвечаю, столько лет прошло и жив же, ничего не случилось. На что старик ответил, что все эти годы он хранил гробовое молчание, а теперь вот стал бояться. В свою очередь я спросил у Ельцина, где же это место может быть, о чём поведал тот старый посетитель? На что Борис Николаевич уже мне ответил: «Точно он не поинтересовался, а может, и не запомнил. Он лишь успокоил старика в его безопасности, но как он вспоминает, старик ему сообщил, что останки Царя окончательно сброшены совсем в ином месте, в болоте в районе Гати, затем заложены спиленными брёвнами с ближайшей лесосеки, а уже позже там была построена дорога». (Слово «гать» – означает болотистую местность, но это для всех гать – болото. Для жителей города Екатеринбург-Свердловска Гать – это загородная железнодорожная платформа по западному направлению, минут 30 езды на электричке).

«А какая же именно дорога построена: автомобильная, железнодорожная?» – мой был вопрос Ельцину. На это он не дал никакого ответа, а только вымолвил вполне твёрдо и весьма **искренне** и правдиво: «Да и стоит ли переживать из-за какого-то старого дома, ведь он же весь гнилой был, рухлядь какая-то, жилья в городе не хватало, а тут, понимаешь, подняли шум из-за какой-то развалины. Там одного ремонта, сколько требовалось и материалов, дешевле было всё же снести дом, да и дорога расширилась в том месте». Эти слова были так искренни и душевны, без тени какого-либо лукавства. Меня ещё тогда странно поразило и удивило то, что он, занимая столь высокий пост в государстве, не понимал исторического значения памятника, который никогда не оценивается в рублях и в материалах...

Судьба того старика и его рассказ так бы и остались безгласны, однако вдруг я прочитал в журнале «Слово»

воспоминания Петра Ваулина из Америки, где он цитирует ответ палача Ермакова из 30-х годов на одной из лекций в институте города под названием уже Свердловск. На вопрос одного из слушателей зала в 30-е годы, где был захоронен Николай-«кровавый», Ермаков с гордостью ответил так. Естественно, он не может этого сказать – не положено, но они (казнённые злодеи) спрятаны в надёжном месте и никогда не будут найдены. Это место, по словам Ермакова находится на северо-востоке, от города недалеко, и там теперь ходят социалистические поезда. Чувствуете совпадение слов «дорога» в рассказе у ельцинского испуганного старика и социалистические поезда из хвастливого заявления палача Ермакова.

В воспоминаниях Ваулина одна неточность: маршрут грузовиков был в западную и северо-западную сторону на Казань–Пермь, т.к. именно туда и удирали красные палачи, а с противоположной стороны уже подходили войска Колчака.

Подозревать старика в лжесвидетельстве в конце 70-х годов нет оснований. Ему, местному жителю, не надо было в его возрасте давать сенсации для получения гонорара в долларах. Ему действительно что-то угрожало, вот он и пошёл скрепя сердце на поклон и поделился этим, а заодно подумал раскрыть великую тайну первому человеку города, ну не уносить же её в могилу. Но ответа и сочувствия ему не последовало. Эта тайна осталась невостребованной, ненужной»³⁵.

Таким образом, для сокрытия ящиков с кувшинами в болоте было необходимо:

- 1) вырыть яму в болотной воде;
- 2) утопить в ней ящики;

---

35. В.Леньков. Могилы моей не ищите. «Православная газета», №11–12 (103–104). 1999.

3) для большей надёжности накрыть ящики брёвнами, т.е. как рассказал Б.Н.Ельцину неизвестный старик;

4) закрыть это место ещё и дёрном.

Из сказанного выше, мы знаем, что лопаты, выделенные П.Л.Войковым в район сокрытия тел Царственных мучеников были возвращены в Комиссариат Снабжения во второй половине 18 июля 1918 года, а не 19 июля, когда образовался «мостик из шпал».

И.М.Сретенский: *«На другой день, т.е. в четверг, он ездил днём с Войковым по городу и, вернувшись, домой часа в 3–4 дня, увидел, что их одноконный рессорный экипаж стоит весь в грязи, в глине преимущественно, и одно его крыло помято. Спустя с час после этого какой-то пленный «австриец» (я точно воспроизвожу его слова) принёс три лопаты. Они, как и рессорный экипаж, были запачканы глиной (запомним, что Войков 18 июля до 3–4 часов вечера, может быть и дольше был в г. Екатеринбурге – П.Б.). У Волкова был по этому случаю разговор с садовником **Полковым** и последний, по словам Волкова, сказал ему, что лопаты куда-то увозились в среду в этом самом рессорном экипаже. На другой день, т.е. в пятницу утром, он подал лошадь для Зимина, и, когда тот садился в экипаж, Волков сказал ему про испорченный экипаж, выразившись приблизительно так: «Какой-то чёрт ездил куда-то в экипаже, колесо смял, экипаж весь в грязи». На это Зимин, по словам Волкова, сказал ему: «Ездили публику на тот свет отправлять». **В ночь на субботу Войков и другие большевики покинули Екатеринбург.***

Таким образом, лопаты в Коптяковском лесу использовались с полуночи и до второй половины дня 18 июля 1918 года. Очевидно, со второй половины 18 июля и в последующие дни никаких серьёзных землекопных работ там не проводили, иначе – зачем возвращать нужные

для этого лопаты. Другого источника, кроме Комиссариата Снабжения, для получения лопат, судя по просьбе Войкова к Полкову, у «работников Коптяковского леса» не было. Сапёрными лопатами копать глину было бы неудобно и долго. Да и если бы их было достаточно, то зачем для этого надо было бы привозить из Екатеринбурга садовые и использовать их. Очевидно, что копали лопатами и экипаж повредил колесо в мокрой глине, т.к. только от мокрой глины остаются на лопатах стойкие следы загрязнения. Очевидно, также, что этими лопатами работала бригада, в составе которой был австриец, принёсший их. Может быть, и вся бригада состояла из австрийцев.

Если четыре ящика зарывать во влажную глину, то на поверхности останется холм глины размерами: 1 аршин в ширину, 2 аршина в длину и 1 аршин в глубину, т.е. 2 аршина³ или 0,716 м³; что составляет массу глины около 1360,062 кг. Если такой процедуре подвергнуть семь ящиков, то это соответственно будет холм размерами: 2,23 м³; и массой около 4237 кг. Поэтому, чтобы не было такого количества остаточной глины, ящики удобно было бы «зарыть» в болотную жижу, накрыть сверху брёвнами, чтобы не всплыли, и закрыть дёрном.

«Николай Евграфович Божов, 29 лет, кр-н Полевского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, сейчас состою в команде генерала Дитерихса, православный, грамотный, не судился (6, документ №246 от 5.08.1919 г.) ...

Я до поступления в партизанский отряд служил объездчиком Верх-Исетской дачи и жил в Верх-Исетске. Ермакова я немного знал. Он был житель Верх-Исетска, но за что-то до революции находился в ссылке. А после переворота он вернулся из ссылки. После же большевистского переворота он стал заправилой в Верх-Исетске: военным

комиссаром. Был он, должно быть, самый настоящий большевик. Я видел его часто до большевистского переворота скупающим оружие на толчках. Раз он спрашивал продажного оружия и у меня.

В эти дни, когда не было пропуска к Коптякам со стороны города, мой тесть Пётр Софронович Воронин ездил за дёрном. **Он драл тогда дёрн в болоте у Четырёх Братьев** (выделено – П.Б.). Когда он ехал назад, около Поросёноква Лога ему навстречу попался Ермаков. Он ехал верхом. С ним ехали красноармейцы его отряда. Ведь все же знали тогда, кто был у Ермакова в отряде: все наши же, верх-исетские молодые ребята. Я сам знаю двоих, которые были в отряде у Ермакова: Егора Скорынина (теперь убит: застрелился сам перед приходом чехословаков), другой – Михаил Шадрин (он ушёл с красными). Других, которые были в отряде Ермакова, я не знаю, но я сегодня же Вам сообщу, кто именно состоял тогда в его отряде: наша команда должна всех знать их. Обязательно из них заставы и состояли тогда на Коптяковской дороге. Кто именно ехал тогда из этих красноармейцев с Ермаковым, я не знаю. Тесть, может быть, и знает, но не расспрашивал я его об этом. Когда Ермаков встретил тестя, он на него заругался и сказал ему: «Всем сказано, что сейчас тут ездить нельзя». Тесть его напугался, потому что его взгляда все боялись одного: поступал строго. И ещё тогда один человек проезжал этой местностью, да я не знаю, кто такой. Его тогда Ермаков чуть не убил. Этот человек обязательно тоже знает, с какими тогда красноармейцами ехал Ермаков» (6, с. 429–430).

Описанные события, по-видимому, происходили днём 17 июля 1918 года, т.е. до привоза в Коптяковский лес кислоты. Очевидно, что и дёрна там, в болоте было достаточно.

Таким образом, поиск кувшинов в болоте у Ганиной Ямы может быть облегчён поиском настила из брёвен.

Литература:

1. Правда о Екатеринбургской трагедии. Сб. статей под редакцией доктора исторических наук Ю.А.Буранова. М., 1998, 242 с.
2. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве Высшей Церковной власти 1917–1943 годов. Сб. в двух частях. Составитель М.Е.Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Братство во имя Всемилоостивого Спаса, 1994, 1064 с.
3. Воейков В.Н. С Царём и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М.: «Военное издательство», 1995 / Гельсингфорс, 1936, 432 с.
4. Бычков С. Русь на крови. Неизвестные факты о палачах Царской Семьи // Московский Комсомолец. 15.01.1998, 2–4 с.
5. Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.) Выпуск VIII. Н.А.Соколов. Предварительное следствие. 1918–1922 годы. М.: Студия «ТРИТЭ» «Российский архив РЦХИДНИ», 1998, 464 с.
6. Гибель Царской Семьи. Материалы Следствия по делу об убийстве Царской Семьи. (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Н.Росс. Frankfurt am Main Printed in West Germany. Посев, 1987, 644 с.
7. Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. М.: «Мысль», 1978, 565 с.
8. Вильтон Р. Последние дни Романовых. (Перевод с английского языка А.М.Волконского). М.: Национально-патриотический фронт «Память», 1998, 128 с.
9. Публицистический Альманах «Православие или смерть!» №8, 1998 // Назаров М.В. Тайна Царских останков и Тайна России. 1–6 с.
10. Саттон Энтони. Уолл-стрит и большевицкая революция. М.: «Русская идея», 1998, 398 с.
11. Пагануцци П.Н. Правда об убийстве Царской Семьи. Переизд. М.: ТРХ. 1992, 222 (2) с.
12. Назаров М.В. Тайна России. Историсофия XX века. М.: Альманах «Русская идея» (Вып. 6), 1999, 736 с.
13. Шульгин В.В. Что нам в них не нравится? Об антисемитизме в России. СПб. Национально-республиканская партия России. Изд-во «Харс», 1992, 286(2) с.

14. Платонов О.А. Терновый венец России. История Цареубийства. М.: «Энциклопедия русской цивилизации», 2001, 768 с.
15. Тайна Коптяковской дороги. Дело веры. Информационно-аналитический сборник. №2. М.: «Купина», 1998, 286 с.
16. Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. М.: Изд-во «Советский писатель», 1991, 366 с.
17. Государыня Александра Фёдоровна Романова. Дневниковые записи, переписка. (Перевод с английского). Москва-Калифорния. Российское Отделение Валаамского Общества Америки. Братство преподобного Германа Аляскинского. «Платина», 1998, 478 с.
18. Болотин Л. Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи. М.: 1996, 360 с.
19. Анинский Л. «Зубы дракона» // Родина №12, 1999, 19–24 с.
20. Платонов О.А. Николай Второй. СПб. Общество Василия Великого. 1999, 506 с.
21. Огонёк, №2, январь, 1990, 25–28 с.
22. Известия КПСС, №2, 1991, 134 с.
23. Гибель Царской Семьи. В 2 т. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Жильяр П. Император Николай II и Его Семья. (гл. XXI–XXII) М.: Терра «Книжная лавка-РТР», 1996, 352 с.
24. Гибель Царской Семьи. В 2 т. Т. 1: Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. Документы. М.: Терра «Книжная лавка-РТР», 1996, 400 с.
25. Жук А. Революция и пистолеты. М.: Военное изд-во, 1990, 432 с.
26. Клемешов А. Как чуть не убили Ленина? // Магnum. Новый оружейный журнал. Ноябрь-декабрь, № 6, 1999, 58–61 с.
27. Жук А. Винтовки и автоматы. М.: Военное изд-во, 1987, 222 с.
28. «Разстрелять и схаронить так, чтобы никто и никогда их трупа не нашол». Старший прокурор-криминалист Генпрокуратуры РФ Владимир Соловьёв отвечает на вопросы корреспондента журнала «Родина» // Родина. №7, 1998, 10–13 с.
29. Беседовский Г.З. На путях к Термидору. М.: «Современник», 1997, 461 с.
30. Аничков А.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М.: «Русский путь», 1998, 368 с.
31. Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. М.: «Современник», 1996 г., 447 с.

32. Под «крышей» Мавзолея / Сост. Е.Е. Зайцева. Тверь. Изд-во «Полина», 1998, 320 с.

33. Крестный путь Царской Семьи // Воскресная школа, №25 (97), июль, 1999, 8–10 с.

34. ... И даны будут жене два крыла. Сб. к 50-летию Сергея Фомина. М.: Изд-во «Паломник», 2002, 704 с.

35. Енохин А.С. Справочник по физике и технике. Издание третье, переработанное и дополненное. М.: «Просвещение», 1989, 225 с.

36. Справочник необходимых познаний. Пермь: Изд-во «Вся Пермь», «Алгос-Пресс», 1995, 512 с.

П.С.Брянский

**У мостика из шпал в Поросёнковом Логу
в ночь с 18 на 19 июля 1918 года
никого и ничего не сжигали**

Согласно утверждениям Я.М.Юровского, на основе которых строит свою версию старший следователь-криминалист Генеральной Прокуратуры РФ В.Н.Соловьёв, в ночь с 18 на 19 июля 1918 года недалеко от мостика из шпал, в Поросёнковом Логу, были сожжены с помощью бензина и серной кислоты, тела Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и «фрейлены» (Великой княжны Марии Николаевны – по утверждению В.Н.Соловьёва).

Я.М.Юровский (из рассказа Я.М.Юровского о расстреле Царской Семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске 1 февраля 1934 года ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 10–22): *«Переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре. Пробившись (так в документе) часа два, мы приближались уже к полуночи тогда я решил, что надо хоронить где-то тут, т.к. нас в этот поздний час вечера действительно никто здесь видеть не мог, единственно кто мог видеть несколько человек – это был железнодорожный сторож развезда, т.к. я послал натаскать шпал, чтобы покрыть ими место, где будут сложены трупы, имея в виду, что единственной догадкой нахождения здесь шпал будет то, что шпалы уложены для того, чтобы провезти грузовик. Я забыл сказать, что в этот вечер, точнее в ночь, мы два раза застряли. Сгрузив всё, вылезли, а второй раз уже безнадежно застряли. Месяца два тому назад я, перелистывая книгу следователя по чрезвычайно важным делам при Колчаке Соколова, видел снимок этих уложенных шпал, там так и указано, что вот место, уложенное шпалами, для пропуска грузовика. Так что, перекопав целый район, они не догадались заглянуть под шпалы. Нужно сказать,*

что все так дьявольски устали, что уж не хотели копать новой могилы, но как всегда в таких случаях бывает, двое-трое взялись за дело, потом приступили другие, тут же развели костёр и пока готовилась могила мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке, вместо Александры Фёдоровны сожгли, очевидно, Демидову. На месте сжигания вырыли яму, сложили кости, заровняли. Снова зажгли большой костёр и золой скрыли всякие следы³⁶. Прежде чем сложить в яму остальные трупы; мы облили их серной кислотой, яму завалили, шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утрамбовали шпалы и поставили точку.

В 5–6 часов утра, собрав всех и изложив им важность сделанных дел, предупредив, что все должны о виденном забыть и ни с кем никогда об этом не разговаривать, мы отправились в город. Потеряв нас, мы уже всё кончили, приехали ребята из облЧК: товарищи Исая Родзинский, Горин и ещё кто-то» (4, с. 251).

В более раннем документе, который заглавия не имеет, в современном публицистическом обороте этот текст более известен как «Записка Юровского». На самом деле записку составил историк М.Н.Покровский. (Сохранена стилистика документа – П.Б.) (ГАРФ (ЦГАОР СССР). Ф. 601, Оп. 2. Д. 27. Л. 31–34): «Около 4 ¹/₂ утра 19-го (июля) машина застряла окончательно; оставалось, не доезжая шахт, хоронить и жечь. Последнее обещал на себя взять один товарищ, фамилию ком(ендант) забыл, но он уехал, не исполнив обещания. Хотели сжечь А(лексе)я и А(лександру) Ф(ёдоровну), (но) по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костёр, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных.

---

36. Здесь и далее выделено и подчёркнуто автором статьи.

Часам к 7 утра яма, аршина в $2^{1/2}$ глубины (0,711 м × 2,5 = 1,8 м – П.Б.), $3^{1/2}$ (аршина или 0,51 м × 3,5 = 1,8 м, площадью 1,8 м × 1,8 м = 3,24 м²) в квадрате (а в объёме = 5,8 м³ – П.Б.), была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранён вполне – этого места погребения белые не нашли.

Коптяки (находятся) в 18 в(ерстах) от Екатеринбурга. К северо-западу линия ж(елезной) д(ороги) проходит на 9-й версте, между Коптяками Верхне-Исетским заводом. От места пересечения (с) жел(езной) дор(огой) погребены (трупы) саж(енях) в 100 ближе к В(ерхне)-Исетскому заводу». (Последний абзац документа написан от руки – П.Б.) (4, с. 239).

Об этом так же, но в своих вариантах, вспоминают другие предполагаемые участники «погребения» тел Августейшей Семьи и Их верных слуг.

Из воспоминаний чекиста **Г.И.Сухорукова**, одного из участников уничтожения трупов Царской Семьи 3 апреля 1928 года (Сухоруков. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 215, 219–221): *«Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки, и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик (выходит был, таким образом, ещё и передний грузовик, судя по его рассказу, что противоречит показаниям свидетелей, см. ниже – П.Б.), почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели и решили шпалы снять (таким образом мостик из шпал был сооружён ещё раньше, до их проезда – П.Б.), выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова*

*наложить шпалы. Так было и сделано для того, что, если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили **штуки две сжечь на костре, что мы и сделали, на наш жертвенник попал первый наследник и вторым младшая дочь Анастасия, после того как трупы были сожжены мы разбросали костёр, на середине вырыли яму, всё оставшееся не догоревшее сгребли туда, и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу**» (8, с. 322).*

Из расшифрованной беседы с **И.И.Родзинским** в Радиокomitee о расстреле Царской Семьи, г. Москва 13 мая 1964 года (РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 23–25, 31–35, 41, 45): *«Но тут произошло неожиданное. Вдруг наша машина на каком-то просёлке там застряла, оказалась трясина. Дело было к вечеру. Мы немного проехали. Мы все эту машину вытаскивали, еле-еле вытащили. И тут у нас мелькнула мысль, которую мы и осуществили. Мы решили, что лучшего места не найти. Мы сейчас же эту трясину расковыряли. Она глубокая бог знает куда. Ну, тут часть разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили всё, а потом всё это в трясину. Неподальку была железная дорога. Мы привезли гнилых (? – П.Б.) шпал, проложили маятник, через самую трясину. **Разложили этих шпал в виде мостика такого заброшенного через трясину, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать. Но вот помню Николай сожжён был, этот самый Боткин, я сейчас не могу вам точно сказать, вот же память. Сколько мы сожгли, то ли четырёх, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого, это уже точно я не помню. Вот Николая точно помню. Боткина и, по-моему, Алексея. Ну вообще, должен вам сказать человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином их там, что-то ещё такое***

сильнодействующее, дерево тут подкладывали. Ну долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил доложил в город и потом уже приехал. Уже ночью было, приехал на легковой машине, которая принадлежала Берзину. Вот так, собственно говоря, захоронили» (4, с. 265).

Воспоминания **М.А.Медведева (Кудрина)**, декабрь 1963 года (РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 13. Л. 17–19, 30): *«Итак, наступила ночь с 18 на 19 июля 1918 года. В полночь грузовик с чекистами Родзинским, Юровским, Ермаковым, матросом Вагановым, матросами и красноармейцами (всего человек шесть или семь) выехал в район заброшенных шахт. В кузове стояли бочки с бензином и с концентрированной серной кислотой в бутылках для обезображивания трупов».* (4, с. 259, 260). Мы ниже цитировать не будем, т.к. он сам признался: *«Всё, что я расскажу об операции повторного захоронения, я говорю со слов моих друзей: покойного Якова Юровского и ныне здравствующего Исаия Родзинского, подробные воспоминания которого должны быть непременно записаны для истории, т.к. Исай – единственный человек, оставшийся в живых из участников этой операции, кто сегодня может опознать место, где похоронены останки Романовых»* (4, с. 259, 260).

Таким образом, **во всех воспоминаниях по сжиганию присутствует жидкость для сжигания** (не меньше одной бочки, т.е. 160–170 кг бензина или керосина) и серная кислота, её было привезено, согласно накладной из аптеки, где её получали, не менее 4 ящиков. Что составляло 11 пудов 4 фунта кислоты на сумму 196 рублей 50 копеек.

1 пуд = 40 фунтам, а аптекарский фунт = около 373,2 г.
(11 п × 40 ф × 373,2 г) + (4 ф × 373,2 г) = 164 кг.

164208 г + 1492,8 г = 165700,8 г, или около 166 кг концентрированной серной кислоты. Исходя из этого, по Юровскому, на 1 м² вырытой ямы, даже если туда ещё не положили тела приходился 51 кг 100 г концентрированной

серной кислоты, что уже достаточно, чтобы повредить кожу рук при контакте с грязью, пропитанной таким количеством серной кислоты. Естественно, при помещении в эту яму тела человека, занимающего определённый объём концентрация кислоты на 1 м² будет увеличена, и всё более будет возрастать по мере заполнения ямы новыми телами.

Вернёмся к горючему. Чтобы сжечь тело подростка и взрослого человека, надо было иметь, как минимум одну бочку (160–170 кг) бензина, но на том грузовике, который застрял в Поросёнковом Логу, его не было. Вернее, бочка была, но она была пустой. Судите сами.

Во-первых, горючее, т.е. бензин в 10–11 пудовых бочках удобнее всего было доставить из города в грузовом автомобиле, что подтверждают показания свидетелей.

Во-вторых, передвигаясь по Коптяковской дороге от Екатеринбурга до Коптяков, эти автомобили должны были двигаться через Верх-Исетский завод. Верх-Исетский общественный кордон, находящийся у переезда Кунгурской жел. дор. по дороге на дер. Коптяки, где стоит будка №803 для проживания сторожа и его семьи; разветвление дороги на две ветви (основная – к переезду №184, второстепенная – через переезд №185 к временке, обозначенная как разъезд №120); переезд №185 с казённой будкой №275 (если автомобили на разветвлении дороги поворачивают направо на второстепенную дорогу); переезд №184 с казённой будкой №247 (если автомобили движутся по основной дороге, т.е. через Поросёнков Лог, тогда они, пересекая дорогу, проезжают и сам переезд; если же они идут временкой, то объезжают переезд слева и от Поросёнковского Лога их отделяет железная дорога); соединения обоих разветвлений за переездом №184; полянкой (длиной 70 шагов); затем лесом, обступающим дорогу с обеих сторон (на протяжении 53 шагов); потом другой полянкой (длинной 168 шагов), образованной

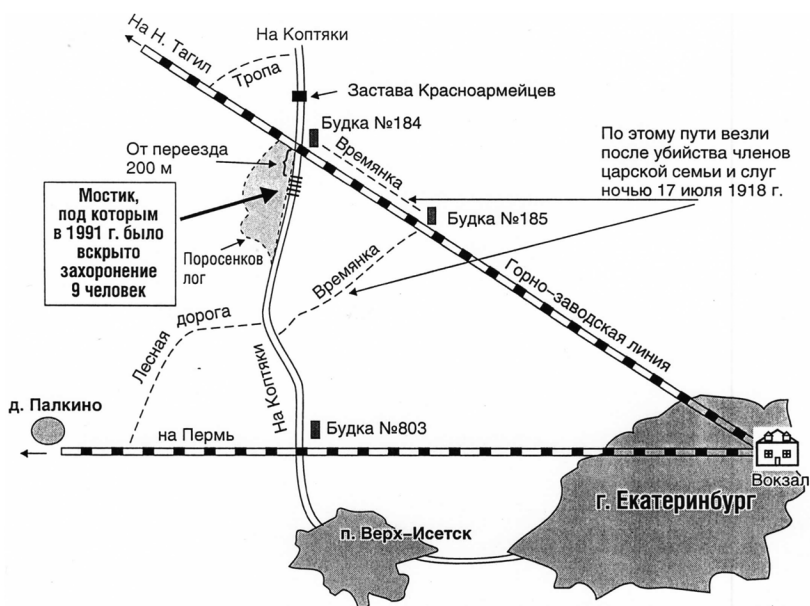

Схема дорог Екатеринбург – Коптяки

отхождением леса в западном направлении (эта полянка является удобной площадкой, закрытой от переезда №184, где автомобили могли бы остановиться перед въездом в лес).

«Пройдя полянкой 168 шагов, дорога входит в лес и идёт им на протяжении 115 шагов. Затем уровень почвы заметно понижается, и дорога выходит к мокрому кочковатому лугу, открывающему дорогу в западном направлении. Через этот луг проложена гать, сделанная из бревёшек, толщиной в 3–4 вершка. Всё протяжении дороги до гати представляет собой хорошую, удобную дорогу. Сообщение же по гати лишает дорогу этих свойств. Гать положена прямо на полотно дороги. Некоторые из бревёшек сгнили, и в таких, преимущественно, местах образовались колдобины и рытвины. Благодаря этому, движение по гати в дождливое время не может представлять удобств, но гать в то же

Фотография мостика в Поросёнковом Логу
сделанная Н.А.Соколовым в 1919 году

время и не создаёт никаких непреодолимых препятствий для движения по ней даже в ненастное время в любом экипаже, хотя бы и в автомобиле...» (1, с. 38).

Были ли, и в каком количестве, грузовые автомобили 18–19 июля 1918 года на указанных участках Коптяковской дороги? И были ли в их кузовах бочки с бензином?

Иван Семёнович Зубрицкий, 41 года, (З, документ №251 от 07.08.1919 г.): *«Я имею в урочище Четырёх Братьев хутор. В прошлом году летом я бегал от большевиков и находился больше в лесу и болотах около своей заимки. Хорошо помню, **18 июля по новому стилю** я послал **утром** своего сынишку **Николая** в **Верх-Исетск**. Он пошёл **часов в 6 утра**. Скоро он вернулся назад и сказал мне, что его не пропустили в **Верх-Исетск** (это всё равно, что в город **Екатеринбург**, потому что в город от меня можно только*

*попасть через Верх-Исетск), что **вблизи гати недалеко от полотна железной дороги**, вот этой самой, которая изображена на снимке, предъявленном Вами мне (предъявлен снимок, находящийся внизу на листе дела том 5-й), его вернул назад какой-то конный красноармеец. Николай говорил, что красноармеец его пугал: стрельба будет и, узнав от него, что в лесу находится и моё семейство, приказал ему всем уезжать. Я тут же удалился в лес» (З, с. 437).*

Таким образом, около 6 часов утра 18 июля на полянке перед гатью, за переездом №184 (ближе к дер. Коптяки) никаких машин не было, и был только один конный красноармеец, но уже к 9 часам утра за гатью, ближе к их хутору была уже застава с пешими и конными красноармейцами.

Василий Яковлевич Лобухин, сын сторожа переезда №184, 15 лет, жил в будке №247 при разъезде №120 Тагильской линии: *«На следующий день (18.07.1918 г.) утром часов в 7 прошёл времянкой грузовой автомобиль и пошёл по Коптяковской дороге, но саженьях в 150 (около 319,5 м – П.Б.) от нашего переезда он остановился. Что именно на нём было, я хорошо не заметил. Показалось мне, что на нём были или бочки, или ящики»* (З, с. 394, 395).

Из этого показания следует, что первый грузовой автомобиль с бочками или ящиками в кузове проехал времянкой, минуя Поросёнков Лог и остановился на полянке, где потом находилась застава и поехал дальше в сторону д. Коптяки.

Николай Иванович Зубрицкий, 17 лет: *«Отец ушёл в лес, а мать со мной, маленьким братом и сестрой поехали на лошади в Верх-Исетск. Когда мы опять выехали на Коптяковскую дорогу, там опять, на том же месте, где был первый конный красноармеец была застава. Были тут и пешие и конные. Я никого из них не узнал. Может*

быть, тут и были верх-исетские. Они нас не заметили, потому что все они были в стороне от дороги. Приехали мы в Верх-Исетск... Когда мы накануне ехали в Верх-Исетск, мы нигде по дороге никаких больше застав не видели. Около переезда их не было. Больше показать я ничего не могу. Показание моё мне прочитано» (3, с. 439, 440).

Александра Гавриловна Зубрицкая, 38 лет: «18 июля 1918 г., **около 9 часов утра**, она с дочерью своей Валентиной поехала на лошади с заимки в В.-Исетский зав., отъехала с версту от местности Четыре Брата и в стороне, недалеко от дороги, в лесу, на возвышенности, на двух лошадях **сидели красноармейцы, а на земле около них лежали много красноармейцев**, которые ни о чём с ней не разговаривали... Коллеж. асс. Сретенский. 22 мая 1919 г.» (3, с. 350, 351).

Иван Семёнович Зубрицкий, 41 года: «Сын же с матерью Александрой Гавриловной **часов в 9** поехали в Верх-Исетск. Я потом слышал от них, что на том же месте, где вернулся назад и сын, было **несколько человек красноармейцев и конных и пеших**. Они жену и сына не пропустили» (3, с. 437).

Александра Гавриловна Зубрицкая, 37 лет: «Муж тут же убежал в лес, а я с Николаем и другими ещё маленькими детьми отправилась в Верх-Исетск. Едем мы и видим: **около гати к нашему хутору ближе лежат несколько человек в солдатской одежде, а несколько человек тут же на лошадях**. Чьи были эти люди, я не знаю. Я сама уроженка Берёзовского завода и верх-исетских не знаю. Может быть, это были и верх-исетские...» (3, с. 439).

Автомобиль, проходивший времянок в 7 часов утра около переезда №184, уже не стоял, очевидно, он отвёз свои бочки к открытой шахте и его, возвращающегося назад, видели муж и жена Карлуковы.

Коллеж. асс. Сретенский (Семён Фёдорович Карлуков, 58 лет, и жена его **Афанасья Степановна**, 57 лет): «Когда

*Семён и Афанасья Карлуковы пошли на покос утром в четверг (18 числа), не доходя расстояния до двух верст до Четырёх Братьев (около 2134 м – П.Б.) в узком месте дороги навстречу им попал **грузовой автомобиль; на нём сидели три или четыре красноармейца, они везли две или три бочки с железными обручами, чёрные, из-под сала или керосина.** Карлуковы отошли ещё с четверти версты (около 267 м – П.Б.), – попал им навстречу второй легковой автомобиль «с шарами» (фонарями), на нём сидело три или четыре красноармейца. Прошли ещё с полверсты приблизительно (около 534 м, итого, от Четырёх Братьев, около 1433 м; это, приблизительно, то же место, где видела красноармейцев А.Г.Зубрицкая со своими детьми – П.Б.), где из леса на дорогу вышли известные Карлуковым красноармейцы Ермаков и Ваганов, причём Ваганов не приказал дальше проходить, пригрозив в случаеслушания застрелить их. Дальше в лесу видны были другие красноармейцы. Карлуковы воротились домой...» (З, с. 347).*

Этот грузовой автомобиль доехал до полянки у переезда №184, и там остановился. Легковой автомобиль, очевидно, незамеченным проехал времянкой на Екатеринбург.

Степанида Павловна Дубровина: *«Я жена сторожа Михаила Фёдорова Дубровина, которого Вы сейчас допросили. Я помню, что летом прошлого года, незадолго до ухода красных из Екатеринбурга, мимо нашего переезда (№185) по дороге из города прошёл грузовой автомобиль. В какое время дня это было, я не помню. Автомобиль, как перешёл наш переезд, пошёл дальше времянкой к переезду №184. В автомобиле сидели какие-то люди. Ни этих людей, ни их одежды я не заметила, была большая железная бочка, вёдер на 10–12. Я слыхала, что летом прошлого года не пропускали людей в Коптяки. Кажется, в это время и везли бочку. Но только около нашего переезда*

никаких тогда застав не было. Автомобили и другие ходили все тогда через наш переезд. Но только я не обращала внимания, кто в них ездил. Раньше такой езды из города на автомобилях мимо нас не было и бочек в автомобилях не возили. Больше я ничего не знаю. Показание моё мне прочитано. Я неграмотная. Судебный следователь Н.Соколов» (3, с. 396–397).

Жена сторожа будки №803, находящейся у переезда Кунгурской линии жел. дор. в 1 версте от Верх-Исетского завода по дороге на дер. Коптяки – **Екатерина Васильевна Провалова**: «Тогда же Екатерина Павлова (так! – замеч. Н.Соколова) **видела другой грузовой автомобиль**, следовавший по дороге на дер. Коптяки, в котором **везли 3 бочки значительного размера, и было тоже 3–4 человека людей**. В то же время местность далее по дороге на дер. Коптяки была оцеплена красноармейцами, и оцепление это держалось (дня) 2 или 3. Красноармейцы не пропускали ни пеших, ни конных проходить или проезжать по той дороге и не пускали в лес людей ходить за грибами и ягодами. Провалова указала некоторых лиц, ходивших в то время за грибами и ягодами в указанную местность, которые, по выяснению их личностей, будут опрошены. Что делали в указанной местности большевики и красноармейцы – Провалова отозвалась незнанием... Агент Екатеринбургского уголовного розыска С.Алексеев. №16. 16 марта 1919 года» (3, с. 250–251).

Екатерина Васильевна Привалова, 39 лет: «В прошлом году летом во время сенокосов (ни дня, ни числа не помню) я помню, что через наш переезд (я жена сторожа при переезде на главной Кунгурской линии, на 803 версте) прошёл по направлению к Коптякам грузовой автомобиль. Кто на нём сидел, я не заметила. Я только заметила, что в этом автомобиле было две или три бочки. Какие

были это бочки, деревянные или железные, я не заметила. Кажется, это было под вечер. Когда шёл назад этот автомобиль, я не видела. Помнится мне, что в этот же день, но только **раньше грузового автомобиля, прошёл также к Коптякам легковой автомобиль. В нём сидело три или четыре человека. Из них я разглядела только одного: Голощёкина. Я раньше его видела и в лицо знала**» (3, с. 397).

Николай Иванович Зубрицкий, 17 лет: «В этот же день я видел, что дорогой мимо нашего дома (в Верх-Исетском заводе – П.Б.) по направлению к Коптякам (как раз тут идёт дорога из города на Коптяки) идёт грузовой автомобиль защитного цвета. На нём сидело несколько человек красноармейцев в солдатской одежде. Один был в кожаной тужурке чёрного цвета. Другой был также в штатской одежде, но я не заметил, какой именно. На этом автомобиле что-то такое было, покрытое брезентом. Проходил он в обед...» (1, с. 440).

Василий Яковлевич Лобухин, 15 лет: «После обеда ещё один грузовой автомобиль прошёл и в том же месте остановился. Тут я хорошо заметил, что в этом автомобиле в железных бочках бензин везут. Я вздумал попросить бензину, взял бутылку и пошёл туда, где на Коптяковской дороге стояли эти два грузовых автомобиля, я и в этот раз хорошо не заметил, что было на первом из автомобилей, который первым пришёл. На втором же было бочки три бензина или, может быть, две. Бочки все были железные. Около обеих автомобилей было человек пять людей. Лиц их я не помню и описать не могу. Помню только я, что один был в чёрной кожаной куртке, другой – в солдатской одежде. Я попросил у них налить мне бензину. Они мне бутылку налили. В это время дорогой от города к Коптякам шёл какой-то мужчина. Ему эти, бывшие около автомобилей,

сказали, что «там дальше не пропустят». Он их спросил, что это они везут в бочках, и они ему ответили: «Там впереди автомобиль прошёл. На него бензину не хватило». (Интересный это автомобиль, который надо заправлять из двух-трёх бочек бензином!? – П.Б.). *Мужчина повернул на полотно железной дороги и пошёл полотном к станции Исет.* **Через некоторое время оба грузовых автомобиля времянок же вернулись назад пустыми»** (3, с. 394–395).

Таким образом, из вышеприведённых показаний становится ясным, что:

1. Грузовых автомобилей было больше двух.

2. Проходили они на Коптяки времянок в разное время (утром и после обеда) с промежуточной стоянкой на полянке в около 150 саженьях от переезда №184.

3. Два из них потом пустыми вернулись времянок в Екатеринбург.

Яков Иванович Лобухин, 54 лет: *«Живу при разъезде №120 Горно-Заводской линии, где служу линейным сторожем ... В эти дни (17 июля никаких грузовых автомобилей через переезд №184 не проезжало, таким образом, это было 18 июля – П.Б.) приезжало из города ещё три автомобиля и, как мне помнится, все три грузовые. Помню я, что на одном бочка была пудов на 20, а не помню, железная или же деревянная. Не заметил я, что на автомобилях провозили...»* (3, с. 395–396).

Когда два грузовых автомобиля времянок уехали в сторону Екатеринбурга, на полянке остался автомобиль с одной бочкой в кузове.

Валериан Сергеевич Котенов, 34 лет: *«В тот же день 18 июля, приблизительно часа в 3 дня, я выехал в Коптяки. Я запряг две лошади. На одной поехал я сам, на другой – мой кучер, имя и фамилию которого я забыл. Поехали мы обычной дорогой на Коптяки через Верх-Исетский завод.*

Ехали мы к разъезду №120 не временкой, а основной дорогой к переезду №184. Проехали мы переезд, отъехали несколько десятков сажень (около 200 м – П.Б.) от него и выехали на полянку, первую за переездом, ту самую, которая изображена на предъявленном мне Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок, находящийся вверху листа дела, том ...). **Здесь на полянке стоял один грузовой автомобиль, защитного цвета, приблизительно 2 тонн.** Недалеко от автомобиля стояла лошадь вороная, небольшая, со стриженной гривой, запряжённая в коробок. В коробке сидел мужчина, мне неизвестный. Наружности его я себе не представляю и не могу сказать, был ли он стар или молод. Помню я лишь, что на голове у него была чёрная кожаная фуражка. Он сидел не на козлах, а в самом коробке. Около него, положив ногу на подножку коробка, стоял другой мужчина. Наружности его я также не заметил и совершенно не видел его лица, т.к. он стоял ко мне спиной. Он был в чёрной-коричневой (так! – замеч. Н.Соколова) фуражке и, как мне тогда показалось, он был шофёром грузового автомобиля.

Недалеко от автомобиля расхаживал какой-то, видимо, красноармеец. Он был в гимнастёрке, защитных шароварах, папахе. У него были небольшие рыжие усы, бритая борода. Из-под папахи виднелись рыжие волосы на голове. На вид ему было лет 25. Этот красноармеец имел в руках наган. Он подошёл ко мне, когда я подъехал к ним и, грозя мне револьвером, сказал мне, что дальше ехать нельзя. Я спросил его, в чём дело. Он мне ответил, что в лесу идёт ловля белогвардейцев, скрывающихся в лесу. Я стал ему говорить, что у меня в Коптяках срочное дело, что я еду по делам триангуляции Урала. Тогда он мне ответил: «Вон стоит товарищ из Чрезвычайной Комиссии. И его не пускаем». После этого разговаривать, конечно, было нечего. Его слова

о товарище из Чрезвычайной комиссии относились именно к человеку, который сидел в коробке. Тогда я попросил напиться у красноармейца. Он мне указал на автомобиль. Я полез на автомобиль. **На автомобиле стоял железный бочонок от бензина.** Я утверждаю, что это был именно бочонок от бензина. В таких бочонках всегда бывает бензин. Здесь же на автомобиле стоял медный кувшин, вроде корчаги, а около него медный же ковш. В кувшине была вода. **Я сел на бочонок из-под бензина и стал пить воду из медного кувшина.** Сидя на бочонке, я его покачивал и чувствовал, что бочонок был пуст. В это время я снова стал говорить красноармейцу, чтобы он нас пропустил, что, авось, мы никаких белогвардейцев не встретим. Тогда он мне сказал, что если он меня и пропустит, то дальше всё равно стоит застава, которой приказано, в случае чего, стрелять. После этого я повернул лошадей и поехал в объезд по полотну вновь строящейся дороги, идущей к медному руднику. Я выехал на медный рудник, а отсюда я прибыл к Исетскому озеру на дачу Логинова, находящуюся в северо-восточном направлении от Коптяков. Никаких кордонов здесь по дороге, по которой я ехал, не было. Разговор мой с красноармейцем происходил, приблизительно, часов в 5 вечера... Я точно могу Вам определить количество бензина, которое должно было входить в бочонок, что был на грузовом автомобиле. **Это был бочонок на 10–11 пудов.** Прочитано. Горный инженер Валериан Сергеевич Котенов. Судебный следователь Н.Соколов» (3, с. 410–411).

Логинов Павел Иванович: «По этому поводу я здесь наводил разговор на тему об убийстве Романовых с прибывшим из Перми и служившим у большевиков шофёром Мельниковым (имени и отчества его не знаю, живёт в Мельковке, дом Дружинина). Он объяснил мне, что в ночь расстрела семейства Романовых он ездил по Ключевской дороге

в сторону д. Коптяков – возил каких-то комиссаров. Тот же Мельников говорил мне, что туда **привозили бочку керосина**. Доехав до известного пункта, комиссары приказали Мельникову остановиться, а сами пошли дальше пешком. В отдалении находилась пешая и конная стража. Более подробных сведений от Мельникова получить мне не удалось, т.к. разговаривали мы с ним на ходу, проходя по улице города. Прочитано. Павел Иванович Логинов. Член Екатеринбургского окружного суда И.Сергеев» (3, с. 137).

Евдокия Тимофеевна Лобанова: «В этот день муж предоставил мне ломовую лошадь, которая должна была перевезти меня из города на дачу в дер. Коптяки, находящуюся в 18–20 верст от Екатеринбурга. Возчик был небольшого роста, горбатый, средних лет, но кто он такой и как его фамилия, имя и отчество – не знаю, видела я его иногда в Комитете партии левых социалистов-революционеров в доме Коммерческого Собрания на Вознесенском проспекте.

Вечером мы выехали из города, причём я взяла кровать с перинкой, небольшую корзинку и чемодан. **Перед закатом солнца** мы доехали до железнодорожной будки у переезда у Горно-Заводской линии, где несколько незнакомых мне лиц – мужчин и женщин – сообщили нам, что дальше ехать нельзя, т.к. как красноармейцы, стоящие впереди в нескольких сажнях с грузовиком-автомобилем, не пропускают никого. Женщины и мужчины высказали предположение, что если у нас имеется пропуск, то вероятно нас пропустят. Мой извозчик сказал, что у него есть пропуск, и мы проехали дальше. С нами шел какой-то молодой человек, служащий в конторе фирмы бр. Гагафуровых; фамилии его не знаю. Проехав несколько сажень, мы увидели **грузовик-автомобиль и около него стоял какой-то небольшой бочонок**. По другую сторону автомобиля сидел пожилой человек в солдатской форме; тут же появились двое других солдат, молодых. Двое последних подбежали к нам

и крикнули, что дальше двигаться нельзя. Мой извозчик показал пропуск, но разрешения на проезд красноармейцы не дали. Мы вернулись к будке и стали обсуждать, что нам делать. В это время из города приехал лёгкий автомобиль, в котором сидели 6–7 человек. Кажется, все они были в солдатской форме и молодые, за исключением одного, походившего на еврея, с чёрной, как смоль, бородой и усами. Мой извозчик побежал к ним и закричал: «Не пропускают!». Один из ехавших на автомобиле сказал: «Почему не пропускают, мы сейчас узнаем» и поехали дальше. Приблизительно через полчаса автомобиль вернулся к будке уже с двумя лицами; остановившись у будки, они стали со мной разговаривать, пить чай. Один из этих мужчин назвал себя Московским, но ни тот, ни другой мне совершенно неизвестны» (З, с. 33, 34).

Иосиф Никитич Мельников, 24 лет: «В гараже было всего около 50 машин, из них легковых было всего машин 10–12, а остальные – грузовые... Я поехал с Ефимовым к Американской гостинице. Отсюда вышел какой-то молодой человек, одетый в гимнастёрку, и спросил: «Кому подана машина?» Мы ответили, что машину требовали в Американские номера. Тогда молодой человек ушёл в номера и вернулся вместе с двоими другими «комиссарами», из коих один был также молодой, а другой – пожилой, с чёрной бородой и усами, среднего роста, толстый, одет в кожаную тужурку и чёрные брюки, заправленные в сапоги. Что у него было на голове – фуражка, шляпа или шапка – не помню, не заметил. Этот господин спросил нас: «Хватит ли у вас бензину, чтобы проездить всю ночь?» Узнав, что бензину у нас мало, он велел нам съездить в гараж и добавить бензину... Исполнив приказание, мы вновь подали машину. В автомобиль сели указанные мною два молодых человека и пожилой господин. Помню, что один из молодых был

без усов и бороды, довольно высокого роста, беловатый, одет в солдатскую шинель (по приведённым выше показаниям женщин, служивших в Американской гостинице, этот человек более всего напоминает И.Родзинского – П.Б.), другой – пониже ростом, с пробивающимися чёрненькими усиками, одет в штатскую чёрную одежду (пиджак вроде френча). Этот молодой человек сел в середину сиденья, а другие двое сели по краям сиденья, дорогу нам указывали наши пассажиры. По их указаниям мы доехали до В.-Исетского, проехали некоторое расстояние по селению, выехали на помост, поднялись в гору, проехали через линию жел. дороги и поехали почти вдоль полотна ж. д., имея его по левую сторону. Проехали мы таким образом более 10 вёрст (около 10670 м – П.Б.) (сколько именно – в точности сказать не могу) и, по приказанию одного из комиссаров, остановились около ж. д. будки. Здесь комиссары вылезли и пошли в лес по какой-то лесной дороге. Проехали мы не более часу. Уходя, комиссары приказали: «Ждите нас здесь». После ухода комиссаров мы с Ефимовым пошли по той же дороге, куда ушли наши пассажиры, чтобы полюбопытствовать, куда и зачем они пошли. Едва мы отошли сажен 15 (около 32 м – автор), как увидели **стоявший возле дороги грузовой автомобиль**. На автомобиле был только один шофёр – мужчина лет за 30, с рыжеватыми усиками и бородкой, одетый в гимнастёрку. Шофёр этот, хотя и служил в нашем гараже, но я до этого случая его не видел и не знал. Имени и фамилии его не знаю. Я спросил этого шофёра: «Ты зачем сюда приехал?» **Тот мне ответил: «Вот, привёз бочку керосину, да бак с водой».** Действительно, около автомобиля находилась большая бочка с керосином и медный бак с водой (вёдер в 5–6). На машине лежали железная лопатка и кирка. Далее шофёр объяснил, что с ним ехал какой-то солдат, который ушёл в лес,

передав ему приказание дожидаться здесь. Задолго ли до нас прибыл грузовик, по чьему приказанию и где нагрузили на него бочку с керосином и бак – ничего этого я не знаю, не спрашивал. Поговорив с упомянутым шофёром, мы вернулись на будку. Я забыл Вам сказать, что, когда мы подъехали к будке, здесь находились какая-то дама, молодой человек и кучер, проезжавшие на лошади. Дама подошла к комиссарам и, сказав, что ей не позволяют ехать дальше, попросила у них разрешения проехать. Но комиссары велели ей подождать. С этой дамой и её спутниками мы с Ефимовым пили на будке чай и молоко. Прождали мы своих пассажиров часа три» (3, с. 145, 146).

Таким образом, несколькими свидетелями, находившимися вечером 18 июля 1918 года на переезде №184, указано на находившийся рядом на лесной полянке охраняемый красноармейцами грузовой автомобиль и бочонок из подгорючего в кузове или рядом с ним. Указано также, что бочонок был пустым, ёмкостью 10–11 пудов (160–170 кг), и что он был один, т.е. других баков не было.

Яков Иванов Лобухин, 54 лет: *«В последний самый день, уже вечером, от Коптяков прошёл грузовой автомобиль. Прошёл он через переезд и пошёл прямо через лог, а не времянкой, как шли все остальные. Были ли за ним коробки, я не заметил. Этот автомобиль в лог у засел в топком месте. Должно быть, вода им для него понадобилась, потому что скоро к моему колодцу подъезжал коробок. В коробке, как я издали видел, была бочка. Какая, деревянная или железная, – не разглядел. Налили они в бочку воды и уехали к логу. Видал я, что двое приезжали за водой. Один был в солдатской одежде (не помню, в какой именно), другой – в какой-то вольной. Лиц их я не заметил. Тут мы все легли спать. Должно быть, автомобиль у них в лог застрял, потому что лошадь там, как слышать было, всю ночь ржала,*

а за ночь они там целый мостик выстроили: из шпал и из тёсу от моей городьбы. Это уж я потом тёс назад взял, и там одни шпалы остались. Никого я из тех, кто тогда в эти дни с автомобилями приезжал, указать не могу» (З, с. 396).

Остаётся только удивляться, как **Я.И.Лобухин**, по версии **Я.Юровского**, не ожог себе руки грязью, смешанной с 120 кг концентрированной серной кислоты (эту цифру называл сам В.Н.Соловьёв, и даже А.Н.Авдонин отмечал в своей книге «Ганина Яма» (см. источник 11), что по прошествии более 70 лет Ph земли из пробы под настилом была кислой). Таким образом, линейный сторож **Лобухин Я.И.** и его сын **Лобухин В.Я.**, сами того не подозревая, провели частичное вскрытие набросанного большевиками мостика и ничего подозрительного не заметили, когда забирали из-под шпал свой тёс из ограды.

По показанию свидетеля, автомобиль с телегами застрял очевидно там, где был выстроен мостик из шпал. Это место находилось в зоне прямой видимости и в расстоянии около 290 м от переезда: «*Большой лог* (Поросёнков Лог – П.Б.) *начинается от переезда в расстоянии 864 шагов* (около 605 м – П.Б.). *При выходе к нему уровень дороги сильно понижается. Самый лог представляет собой лесное сенокосное болото, покрытое местами небольшими кочками с водой. Дойдя до этого лога, дорога сворачивает в сторону и, обходя болото, идёт опушкой леса, окаймляющего лог в северо-восточном направлении. В расстоянии 414 шагов* (около 290 м – П.Б.) *от переезда на полотне дороги в наиболее низком по уровню дороги месте, набросан мостик. Он состоит из нескольких сосновых бревёшек, толщиной вершка в три–четыре* (12–16 см – П.Б.), *и старых железнодорожных шпал. Шпалы и бревёшки положены прямо на полотно дороги.*

У переезда №184 в момент осмотра лежали остатки шпал,

совершенно таких же, как и шпалы, из которых набросан этот мостик» (1, с. 31).

Если бы в этом месте жгли бы даже маленький костёр, то его бы сразу же заметили на переезде.

Кроме того, свидетель, несмотря на темноту, сразу заметил бочонок в телеге, когда эти телеги и коробки проезжали через переезд, т.е. в непосредственной близости к будке сторожа, никто никаких баков или бочонков в телегах и коробках не видел.

Евдокия Тимофеевна Лобанова: *«Поздно ночью с той стороны, куда был запрещён въезд, проехали в сторону города 5–6 лошадей, запряжённые в какие-то длинные телеги, но было ли что на них – не видала. У телег были люди, но за темнотой и дальностью расстояния я их рассмотреть не могла. С ними же прошёл и грузовик. Когда они переехали через полотно, то к лёгкому автомобилю подошли четверо мужчин, среди которых человека с чёрной бородой уже не было; они сели в автомобиль и тоже уехали по направлению к городу. Проезжая, они сказали моему молодому компаньону, что путь свободен. Утром мы доехали до дер. Коптяков. Прочитано. Евдокия Тимофеевна Лобанова. И.д. судебного следователя Намёткин» (3, с. 33, 34).*

С.И.Алексеев расспрашивал **Анастасию Прокопьевну Суслопарову:** *«Ночью она, Суслопарова, сидела около будки и на рассвете видала, что по дороге от дер. Коптяков через переезд полотна жел. дор. у будки проезжало много красноармейцев на телегах, коробках и верхами. Личностей ни одного из них она не знает. В следующий день утром, часов в 9, был разрешён проезд, и она уехала с тем же кучером Антипиным в дер. Коптяки. По какому случаю не было пропуска для проезда в означенной местности по дороге на дер. Коптяки, и что делали тут красноармейцы и другие большевики, не знает» (3, с. 384, 385).*

Василий Яковлевич Лобухин, 15 лет: *«Около 12 часов ночи по дороге от Коптяков проехал через наш переезд грузовой автомобиль, должно быть, тот самый, который первый прошёл из города ночью». Речь идёт об автомобиле, который прошёл на д. Коптяки в ночь с 16 на 17 июля, который по показаниям свидетеля П.А.Леонова возвратился в екатеринбургский гараж ещё утром 17 июля. Кроме того, сам В.Я.Лобухин о нём ранее свидетельствовал: «Я сам в это время спал в чулане и этого автомобиля не видал. Поэтому я не могу сам сказать, какой это был автомобиль, но мать его видала и сказывала, что он был грузовой. С этого автомобиля люди ещё ведро у нас брали для воды. Мать сказывала, что водой они автомобиль заливали: в какое-то отверстие в автомобиль они воду лили. А про то, что в автомобиле находилось, мать не сказывала». (см. 3, с. 394). Он шёл сам. **Вместе с ним шло 10–12 коробков и, кажется, несколько дрог... А грузовой автомобиль, коробки и дроги поехали в город прямо от нашего переезда. Там в логу у них автомобиль застрял. Кто-то из них взял из нашей ограды шпал и набросал там мостик. Сами мы не видали как застрял автомобиль и как брали у нас шпалы. Это мы утром увидели, что у нас ограда разобрана и мостик набросан из шпал. Как ночью проходил автомобиль: временкой или через лог, мать не сказывала. В автомобиле, коробках и дрогах, когда все они возвращались назад, сидели солдаты. Больше я ничего не знаю. Показание моё, мне прочитанное, записано правильно. Мать моя умерла 1 сентября»** (3, с. 395).*

Иосиф Никитич Мельников: *«Прождали мы своих пассажиров часа три. Стало уже совсем темно. Вернувшиеся к нам пассажиры приказали везти их по той дороге, по которой они пошли от нас пешком. Тут мы путались по всяким дорогам до тех пор, пока у нас не погасло электричество. Потратили много времени на исправление фонаря и затем поехали*

*в сторону Екатеринбурга. Зачем нас водили комиссары по лесу, сказать не могу: то ли они сами заблудились, то ли нас хотели сбить с пути. Знаю только, что мы нигде не останавливались и никаких людей не встречали. **Не видели также и огней от разведённых костров и не знаю, зажигались ли там, где-либо костры.** Должен оговориться, что к нам вернулись только два комиссара – молодые, а пожилой остался в лесу» (3, с. 145, 146).*

Алексеев допрашивал шофёра **Иосифа Никитича Мельникова**. К своему показанию, данному ранее при дознании, он добавил: «... (Опускается рассказ Мельникова, тождественный его первым показаниям, до момента возвращения к будке из леса отвезённых им и Ефимовым на автомобиле трёх пассажиров...) *Возвратились трое мужчин обратно, а было же темно. усевшись в локомотив они велели ехать к дороге в ту сторону, где стоял грузовой автомобиль* (автомобиль ещё не уехал – П.Б.). *Проехав некоторое расстояние, они заехали на лесную дорогу, фонари у них погасли, и они остановились, чтобы направить освещение. При этом понадобились им спички, спичек ни у кого из них не оказалось. В это время к ним подъехал верхом на лошади какой-то мужчина, который дал им коробку спичек, и они направили фонари у локомотива. После чего поехали далее по дороге, и оказалось, что они едут к Верх-Исетскому заводу, а не далее от города» (3, с. 385, 386).*

Алексеев расспрашивал **Иосифа Никитича Мельникова**: «*Возвратились в г. Екатеринбург они часа в 4 утра. Тогда пассажиры велели им съездить в гараж и взять бензину для локомотива и снова подать его. Они съездили в гараж, взяли бензину бак* (заправили бак бензина – П.Б.). *Бензин отпускал сторож при гараже Степан Вятский, невысокого роста, лет 36–37, имел усы, бороду брил, русский, курил трубку.*

*Жил он во дворе при гараже внизу, он же считался кладовщиком. Где он находится в настоящее время – не знает. Локомотивы они подали к Американской гостинице. Поехали на нём те же самые пассажиры (т.е., поехали по Коптяковской дороге около 5 часов утра – П.Б.), но только не упомянет, все ли трое они поехали или двое. Направились они на локомотиве **в ту же сторону, куда ездили в первый раз, и ехали той же дорогой**. Переехавши у будки линию жел. дороги (очевидно, будка переезда №185 – П.Б.), они заехали в лес по лесной дороге справа (видимо, по времянке – П.Б.), отъехали от будки с версту расстояния, остановились. Пассажиры уходили далее по дороге пешком и вернулись минут через 10–15 (за 10–15 минут можно пройти около 500–700 м, туда и обратно – П.Б.). **Затем поехали обратно в г. Екатеринбург и приехали часов в 9 утра** (и по дороге грузовика и телег уже не встретили – П.Б.), после чего их уволили с локомотивом совсем по домам на отдых. Сколько человек вернулось обратно пассажиров в этот раз в город, – не упомянет. Зачем была поездка означенных мужчин в вышеуказанную местность, не знает. По делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его Семьи ему совершенно ничего не известно. По предъявлении ему, Мельникову, фотографических карточек **Юровского, Костюсова, Сахарова и Моисеевского** он не признал в них тех людей, которых возил на локомотиве по дороге в дер. Коптяки. Больше ничего по делу не знает. Агент Екатеринбургского уголовного розыска С.Алексеев. №57. 2 июля 1919 года» (З, с. 385, 386).*

И.Н.Мельников: *«В Екатеринбург мы приехали часу в 5-м утра. Завезли комиссаров в Американские номера и, по их приказанию, опять поехали в гараж за бензином для своей машины и вновь подали машину к Американской гостинице. На этот раз с нами поехал один комиссар с чёрненькими усиками. Поехали мы в том же направлении, откуда*

только что вернулись и свернув с большой дороги в лес, подождали здесь немного и затем к нам вышел пожилой комиссар (тот самый, которого мы привезли в числе троих), с которым мы вернулись в город уж часу в 10 утра (19 июля 1918 года – П.Б.). Зачем была сделана описанная мною таинственная поездка – положительно не знаю. Была ли оцеплена стражей местность, куда уходили комиссары – не знаю, не видел. Когда вернулся грузовик, на котором были привезены бочка с керосином и бак с водой – не знаю, никого об этом не спрашивал. Повторяю, что я совершенно не помню месяца и числа, в какие была совершена поездка. Не могу Вам даже сказать, было ли это до того, как пошли разговоры об убийстве б. Царя, или же после. Возможно, что это было и в июле месяце, за несколько дней до эвакуации, но скорее я склонен думать, что поездку в лес мы совершили приблизительно за неделю до занятия города чешскими и сибирскими войсками» (З, с. 145–146).

Екатерина Васильевна Привалова, 39 лет: «На другой день рано утром, на зорьке, когда я корову выгоняла, этот автомобиль назад прошёл. В нём опять сидел Голощёкин с несколькими людьми, но с этими или другими, – не знаю. Он сидел в автомобиле и спал. Было всё это в те дни, когда не было пропуска в Коптяки. Больше ничего не знаю» (З, с. 397).

С.И.Алексеев: «Из расспросов путевого сторожа переезда №120, называемого «Шувакиш» (так! – замеч. Н.Соколова), находящегося на Горно-Заводской линии Пермской жел. дор. в 10 верстах (около 10670 м – П.Б.) от г. Екатеринбург по дороге на дер. Коптяки чрез Верх-Исетский завод – екатеринбургского мещанина Михаила Фёдорова Дубровина и жены его Степаниды Павловой ... выяснилось, что однажды летом, в минувшем году, они видели автомобиль, засевший

в грязи саженях в 50 (около 107 м – П.Б.) от будки (будка переезда №185 – П.Б.). Автомобиль этот был по виду грузовик и следовал по дороге от дер. Коптяков на Верх-Исетский завод. Был ли какой груз на этом автомобиле, и кто на нём ехал, они не заметили. Когда именно это было, они не знают, но пояснили, что это было после мая месяца, когда ещё в Екатеринбурге были большевики...» (З, с. 248, 250).

Иван Семёнович Зубрицкий, 41 года: *«Жена мне передавала, что утром 19 июля часов в 6–7 через Верх-Исетск как раз по Коптяковской дороге проходило несколько автомобилей. В них сидело несколько каких-то людей с поникшими головами, как сонные. Кажется, жена узнала в одном из них Ермакова... Ермаков – наш, коренной верх-исетский житель. Он мальчонкой служил писарем, должно быть, в заводской конторе. С 1905 года он стал заниматься «политикой» и сделался хулиганом. Его сослали, а в эту революцию он вернулся и при большевиках сделался у нас военным комиссаром. Матрос Ваганов был его помощником. Партин был тоже большевик, пьяница. Леватных и Костоусова я не знаю. Был у нас ещё большевик Алексей Аркадьев Грудин (см. л. д, том 4-й). Он участвовал при большевиках в этих самых «контрибуциях» и «реквизициях». Про него был слух, что его за что-то убил в Перми Ермаков» (З, с. 437, 438).*

Николай Иванович Зубрицкий, 17 лет: *«Я помню, что в этот ли день или же на другой день, но только забыл я теперь, в какое именно время дня, проходил грузовой автомобиль с бочкой (в Верх-Исетске – П.Б.). Мне показалось, что бочка эта была большая: вёдер на 40, зелёного, кажется, цвета. Одно колесо с левой стороны (не помню, какое именно) было видимо, у него повреждено: обмотано верёвками. Я тогда вышел из дома на шум этого автомобиля. Выходила тогда глядеть моя мать, священник*

Приходько, его жена, его мать – старушка. Останавливался ли этот автомобиль поправлять колесо, я не видел. Кто в нём сидел, я не разглядел. Я только видел, что сидевшие в нём качались, как пьяные или сонные. Матушка-попадья говорила, что **один из ехавших в автомобиле был Ермаков**» (З, с. 440).

Александра Гавриловна Зубрицкая, 38 лет: «На следующий день после этого, 19 июля, **около 7–8 часов утра**, когда она находилась в доме в В.-Исетском заводе, по 2-ой Закутиловой улице (д. №32), увидела, как по коптяковской дороге из леса вышли к В.-Исетскому заводу два автомобиля легковых, в какой цвет они были окрашены, не помнит, не обратила внимания. На них сидели человек по 5 красноармейцев с поникшими головами и качались как будто пьяные или не проспавшиеся. Вскоре за ними по дороге пошёл грузовой автомобиль. В нём сидело три красноармейца и около них стояла большая бочка, вышиною до 2 арш. (около 1,5 м – П.Б.). У этого автомобиля на правом заднем колесе шина была разорвана и подвязана верёвкой, причём на улице автомобиль был остановлен, и шина перевязывалась верёвкой... Коллеж. асс. Сретенский. 22 мая 1919 г.» (З, с. 351).

Александра Гавриловна Зубрицкая, 37 лет: «На другой день, часов в 6-7 утра я была на улице и вижу: один за другим едут по направлению от леса (из Коптяков к городу) автомобили. Два были легковых, а сзади шёл грузовой автомобиль. У него левое заднее колесо было обмотано толстой верёвкой: видать шина была повреждена. В автомобилях были какие-то люди. Я ни костюмов, ни наружности их не разглядела. Но они все сидели понурые, головы свесили, как бы пьяные или сонные – не выспались. Я из дома тогда выбежала на шум автомобилей. На квартире в то время у нас стоял священник Приходько Иуда Михайлович. Его жена Наталья Михайловна, свёкор Михаил Осипович и свекровь Марфа Севостьянова тоже

со мной выбежали наружу и видели автомобили. Грузовой автомобиль, пройдя несколько, вскоре остановился. С него слезли какие-то люди и стали перевязывать верёвкой завязанное колесо. Наталья Михайловна говорила, что на одном из автомобилей ехал верх-исетский комиссар Ермаков. Сама я его не знаю» (3, с. 439).

Если на грузовой автомобиль смотреть сзади, когда он уже проехал мимо дома свидетельницы, то повреждённое заднее колесо уже будет расположено слева.

Михаил Игнатьевич Бабинов, 42 лет: *«В пятницу часов в 6 утра приехал к нам в Коптяки конный красноармеец и объявил народу, что ехать в город можно. Жена моя тут же в этот день и поехала в город. (Сам я тогда этого конного красноармейца не видел. Об этом мне кто-то из людей сказал.) Вернулась жена домой в пятницу же. Никакого разговора у меня с ней не было про то, какая дорожка с Коптяковской дороги к руднику была наезжена. Сам я тут в город не ездил» (1, с. 92, 93–95).*

Матрёна Ивановна Леватных, 19 лет: *«Я хорошо помню, числа 19 или 20 июля рано утром я пошла в Совет и понесла мужу завтрак. Это было раньше 7 часов утра. В Совете я никого не застала. Выхожу я из Совета и вижу: едут в коробках по направлению от Верх-Исетского завода мой муж, Ваганов, Костоусов, Партин, Заушицин, Рыбников и Орешкин. Карточки всех этих людей я сейчас вижу (предъявлены карточки сих людей), вот это они и есть. Много тут было и других, но я не упомяну остальных. Всех коробков было много, не менее, пожалуй, 20. Все, кто ехали в них, были сильно запылены. Видно было, что они откуда-то всё-таки издалика приехали. Откуда тогда приехал мой муж, я не знаю. Где он находился дни накануне этого дня, я не знаю. В то время он дома не ночевал совсем, боясь падения советской власти. Где он был тогда, не знаю. Накануне того дня, как ему*

откуда-то приехать, он зашёл вечером домой, взял винтовку и велел мне на другой день часам к 7 принести в Совет завтрак. И все они, когда ехали в коробках, были увешаны гранатами (у каждого были гранаты) и имели винтовки. Если муж ездил тогда в Коптяки, то это он, должно быть, возвращался оттуда, потому что ему как раз надо было ехать от Коптяков так, как они и ехали. Чьи были лошади, на которых они ехали, я не знаю. Ничего я не знаю про участие мужа или всех указанных мною людей в убийстве Царской Семьи, но по совести могу сказать, что такой зверь, как муж, мог пойти на такое дело. Я с ним не пожелала уходить, когда он убежал перед взятием Екатеринбурга, и осталась в Верх-Исетске. Теперь, когда красные взяли Екатеринбург, я ушла из Верх-Исетска. Показание моё мне прочитано. Каменных – девичья фамилия. Судебный следователь Н.Соколов» (З, с. 432–433).

П.А.Леонов, 26 лет: *«Автомобиль Сирика вернулся в ночь на 19 июля, но в какие часы, я не могу припомнить» (З, с. 329–330).*

Таким образом, единственный автомобиль, который вёз бочку с горючим, проходя через Поросёнков Лог и застряв там, вёз её пустую. На телегах никаких бочек не было, ни один из видевших телеги и коробки свидетелей, даже не упоминает о бочке или бочках.

«Г. Судебному следователю Омского окружного суда по важнейшим делам Н.А.Соколову. Жители Верх-Исетского зав. (угол 10 Опалихи и проезд. ул. св. д. №556) Семён Фёдоров Карлуков, 58 лет, и жена его Афанасья Степановна, 57 лет, говорят: «В пятницу утром Карлуковы опять пошли на покос приблизительно в том же месте, где накануне встретились два автомобиля и в этот день встретился легковой автомобиль «с шарами» (это, как раз, могла быть вторая поездка легкового автомобиля Мельникова, см. выше,

а встретили свидетели автомобиль накануне – 18 июля в 2-х км от Четырёх Братьев – П.Б.). **На нём сидели четыре или пять красноармейцев. Затем Карлуковы прошли Четырёх Братьев и в полверсте от того места в лесу на поворотке-тропе с покоса Костоусова в лесочке стоял фаэтон с кучером на гнедой лошади. Около экипажа стояли два господина, солидные, с чёрными усами, в чёрных шляпах, в чёрных накидках. В руках одного господина был белый свёрток длиною в пол-аршина, как будто из скатерти. Эти два господина, увидев Карлуковых, сели в экипаж и уехали по направлению к В.-Исетску. Кучер был лет 30, с русой бородкой.** (Это очень интересная встреча, т.к. в этом месте, только за проникновение туда, 18 и 19 июля 1918 года уже расстреливали. Интересна и одежда указанных свидетелями людей. Ни один из них не мог быть Комиссаром П.Л.Войковым, обычно одевавшимся «интеллигентно», т.к. он до вечера находился в г. Екатеринбург. Кроме того, у него в это время не было усов – П.Б.). **Недалеко от этого места Карлуковы на дороге увидели на вороной большой лошади красноармейца, который не стал их пропускать далее. Карлуковы предложили солдату поесть молока и хлеба – он с радостью принял это, сказал, что два дня ничего не ел, моят голодом, приказано им двигаться по 20 шагов в час и что ночью уедут. Когда Карлуковы в это утро шли из В.-Исетска, на дороге догнали их неизвестные три женщины, которые говорили, что пошли в лес по ягоды, чернику, что накануне они тоже ходили к заимке Зубрицкого (недалеко от Четырёх Братьев). Там в лесу около городьбы лежали цепью красноармейцы и прогнали женщин (это подтверждает, что было 19.07.1918 года, т.к. на заимке Зубрицкого его жены и детей уже не было – П.Б.). На этот раз женщины хотели идти дальше заимки Зубрицкого и свернули в сторону с большой дороги к покосу Самойлова Павла» (3, с. 347).**

«Секретно. Господину судебному следователю Омского окружного суда по особо важным делам. (От) Агента Екатеринбургского уголовного розыска **С.И.Алексеева...** по собранным мною далее сведениям по этому делу оказалось следующее... **Иван Владимиров Усков**, объяснил, что: «Съездивши к нему, Ускову, на ст. Исеть, жена его Мария Васильева через день возвращалась обратно в г. Екатеринбург через дер. Коптяки и Верх-Исетский завод. Ехала также на лошади, с другим кучером Василием Ковалёвым, живущим в настоящее время на ст. Исеть. **В это время уже дорога оказалась исправлена, и в то же время заметно было на дороге след проезжавшего автомобиля по направлению к дер. Коптякам.** Когда они проезжали через дер. Коптяки, то жители деревни их предупредили не ездить далее, т.к. около дороги стоит красноармейская охрана и не пропускает в город и Верх-Исетский завод. Несмотря на это, жена его, **Ускова, поехала далее на Верх-Исетский завод и проехала благополучно до города, т.к. охраны уже в то время не оказалось.** Было это часов в 8 утра 19 июля. На дороге им попадались (так! – замеч. Н.Соколова) две женщины, шедшие от Верх-Исетского завода к дер. Коптякам, которые говорили им, что в это утро, когда они шли из Верх-Исетского завода, то охрана красноармейцев ещё была и их не пропускали идти, а затем охрану сняли» (3, с. 248–249).

Алексеев расспрашивал Анастасию Прокопьевну Суслопарову: «Ночью она, Суслопарова, сидела около будки и на рассвете видела, что по дороге от дер. Коптяков через переезд полотна жел. дор. у будки проезжало много красноармейцев на телегах, коробках и верхами. Личностей ни одного из них она не знает. **В следующий день утром, часов в 9, был разрешён проезд, и она уехала с тем же кучером – Антипиным в дер. Коптяки**» (3, с. 385).

Иван Семёнович Зубрицкий, 41 года: *«Я имею в урочище Четырёх Братьев хутор. В прошлом году летом я бегал от большевиков и находился больше в лесу и болотах около своей заимки... Утром 19 июля я кружным путём уехал в Екатеринбург. Все в городе говорили в этот день, что Государя убили, а семью вывезли куда-то. Тогда же мне пришло в голову, уж не у нас ли там они чего делали. Так в городе я и был до взятия его чехами... Жена мне передавала, что утром 19 июля часов в 6–7, через Верх-Исетск как раз по Коптяковской дороге проходило несколько автомобилей. В них сидело несколько каких-то людей с поникшими головами, как сонные. Кажется, жена узнала в одном из них Ермакова»* (3, с. 437, 438).

Поручик Андрей Андреевич Шереметевский: *«После путешествия по Коптяковской дороге и встречи с красноармейцем мне приходилось быть уже начеку. Мне говорили (теперь уже не помню, кто именно мне об этом говорил), что, приезжая за молоком, красные расспрашивали обо мне. Поэтому я 19 июля счёл более благоразумным скрыться на острова. После моего ухода на острова к нам и приезжал на дачу известный верх-исетский большевик, бывший, конечно, каторжник, вернувшийся домой после революции, Ермаков. Он меня искал, произвёл у меня обыск и отобрал разные мои вещи. Так я скрывался до освобождения Екатеринбурга от большевиков, т.е. до 25 июля»* (1, с. 58).

Филипп Полиевктович Проскуряков, 17 лет: *«19 июля утром нас отправили на станцию Екатеринбург I. Но нас не всех враз отправили на станцию. Которые из наших и остались. Я помню, что в нашей партии были тогда со мной вот кто: Столов, Тёткин, оба Турыгина, Талапов, Вяткин, Котов Михаил и из злоказовских Андрей Корзухин. Несколько суток мы тёрлись на станции без всякого дела. Нашу партию прикомандировали для охраны штаба 3-й Красной Армии.*

*Штаб тогда был уже в вагонах. Около штаба мы и находились. В это время я видел, что на вокзал в автомобилях привозили царские вещи, которые раньше укладывались в чемоданы и в сундуки. Их привозили и складывали в несколько вагонов. **Вагонов было приблизительно три. Они были американские: большие, окрашенные в тёмно-коричневую краску.** Я не совсем точно Вам сказал: вагоны я видел, но я не видал, как привозили вещи и как их складывали в вагоны. Об этом мне передавал Таланов. Он же говорил мне, что шофёром был на том автомобиле, на котором вещи возились, Люханов, а таскали вещи в вагон латыши» (3, с. 270, 278, 279).*

Афанасий Кириллов Елькин: «Через сутки после этого, в четверг (очевидно, это было в пятницу 19 июля 1918 года – П.Б.), я опять подал лошадь для Юровского к дому Ипатьева и опять так же через часового дал о себе знать. Изменения в карауле я никакого не заметил. Около 11 часов дня я Юровского повёз в Волжско-Камский банк, где он был минут 15–20, и вышел оттуда с каким-то человеком высокого роста, лет 35, по-видимому, с комиссаром, и вместе с ними я поехал, но у гостиницы Атаманова распряглась лошадь, и я остановился перепрячь. Комиссар из банка куда-то пошёл. Юровский сказал ему: «Оставайтесь здесь и работайте, как следует». Потом Юровский заехал в свою квартиру на 1-ую Береговую улицу, где пробыл около часа и вернулся в дом Ипатьева. Тут он мне сказал, что я ему буду нужен, и велел красноармейцу увести меня с лошадью в тот дом, где была охрана дома Ипатьева, кажется, дом Попова. Там я видел красноармейцев, более тридцати человек. С ними я не разговаривал, но видел их почти всех, они все были русские, у некоторых были жёны. Из разговоров я понял, что они были из Сысертского завода» (3, с. 84, 85).

Валериан Сергеевич Котенов, 34 лет: *«В Коптяки я приехал в час ночи на 19. Утром часов в двенадцать я выехал в Екатеринбург. Ехали мы обычной дорогой из Коптяков в Екатеринбург. Никаких застав в это время уже не было на коптяковской дороге. Я точно воспроизвожу Вам числовые даты. Я их помню хорошо. Выезжая в Коптяки, я ничего не слышал об убийстве Царской Семьи»* (3, с. 411).

Таким образом, в ночь с 18 на 19 июля 1918 года никаких костров «у мостика из шпал» не было.

Литература

1. Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков. Выпуск VIII. Н.А.Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 гг. Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1998, 464 с.; ил.

2. Гибель Царской Семьи. Материалы Следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Н.Росс. Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main Printed in West Germany. 1987, 644 с.

3. Авдонин А.Н. Ганина Яма. Екатеринбург. Тип. ИП «Данилов». 2003, 416 с.

Е.В.Марьянова

О возможной политической фальсификации «екатеринбургских останков»

Проблема найденных под Екатеринбургом останков неизвестных людей вновь стала одной из основных тем в средствах массовой информации. Правительственная Комиссия без достаточных доказательств утверждает, что останки принадлежат Семье Императора Николая II и торопится с их захоронением.

Участники научной Конференции «Царское дело и «екатеринбургские останки», прошедшей 3 декабря 1997 года, не согласны с официальной точкой зрения и выдвинули весьма серьёзные аргументы.

1. Автором так называемой «Записки Юровского», которой якобы руководствовались Г.Т.Рябов и А.Н.Авдонин при обнаружении останков, оказался профессор М.Н.Покровский. Это убедительно доказал доктор исторических наук Ю.А.Буранов.

В 1919 году М.Н.Покровский, являясь директором секретного архива «Истпарт», передал документы об убийстве Царской Семьи Исааку Дону Левину, корреспонденту чикагской газеты «Дейли Ньюс». В результате в ноябре 1919 года в своей статье и в 1973 году в своих мемуарах И.Д.Левин утверждал, что все трупы Семьи Николая II сожжены. Следовательно, составляя «записку Юровского», М.Н.Покровский совершил явную фальсификацию.

2. Материалы судебного расследования, проведённого в 1918–1919 годов под руководством следователя по особо важным делам Н.А.Соколова, убедительно доказывают, что вся Царская Семья и четверо Их слуг были убиты в ночь на 17 июля 1918 года. Их трупы были разрублены на куски, облиты бензином (более 600 литров) и серной кислотой (196 литров) и сожжены на двух кострах возле

Ганиной Ямы под Екатеринбургом. На месте кострищ были найдены около 80 осколков обгорелых костей со следами действия кислоты, кусочки человеческой кожи, отрубленный палец, вставная челюсть доктора Боткина и множество разрубленных и обгорелых предметов туалета Царской Семьи и Их слуг.

Всё это было переправлено за границу и сейчас хранится как святые мощи в православном храме-памятнике в городе Брюсселе. Последний факт был сообщён на конференции членом Правительственной Комиссии церковным историком С.А.Беляевым.

3. По признанию одного из цареубийц Петра Ермакова, сделанного в 1952 году в Екатеринбургском университете, могильник на коптяковской дороге был создан в 1919 году по приказу другого цареубийцы, чекиста Я.М.Юровского после ухода Белой Армии из Екатеринбурга. Об этом сообщил журналист А.П.Мурзин, присутствовавший при рассказе П.З.Ермакова.

4. По признанию того же П.З.Ермакова и других участников преступления головы жертв были отделены и увезены П.А.Войковым.

Подтверждением является свидетельство очевидцев, видевших в Кремле заспиртованную голову Николая II. Это было опубликовано в зарубежной печати: газета «Гашновиреше анцайгер» (1928, Берлин); журнал «Двухглавый орёл» (№24, 1928, Париж); статья, посвящённая Государю Николаю II (1930, София); газета «Наша речь» (1934, Бухарест).

Другим подтверждением является Опись предметов Музея-квартиры В.И.Ленина, обнаруженная в секретном сейфе в начале 1996 года, в которой упоминается «банка с заспиртованной головой Царя Николая II». Сообщения об этом в еженедельнике «Аргументы и факты» (№21(62),

27 января 1996) и в «Инженерной газете» (№7, июль, 1990, статья В.Родикова «Гроб торжественно внесённый»).

5. В 1952 году П.З.Ермаков сообщил, что в 1945–1946 годах коптяковское захоронение вскрывалось по приказу Л.П.Берии. Этот факт подтвердил 18 апреля 1996 года на заседании Бюро Отделения истории Российской Академии Наук директор Института истории и археологии, доктор исторических наук В.В.Алексеев («Отечественная История», №2, 1997).

6. Вскрытие могильника Г.Т.Рябовым и А.Н.Авдониным в 1979 и 1980 годах, изъятие из них трёх черепов, а затем их захоронение, не было юридически санкционировано и проводилось с грубыми нарушениями процессуальных норм.

7. Эксгумация праха Великого князя Георгия Александровича, брата Императора Николая II, и перевоз фрагментов его костей П.Л.Ивановым проводились также с грубейшими процессуальными нарушениями.

Подобные действия в обоих случаях не исключают прямого подлога. Об этом заявил профессор, доктор юридических наук М.Н.Кузнецов.

8. Проведённая профессором В.Л.Поповым челюстно-лицевая экспертиза черепа, извлечённого из захоронения в Поросёнковом Логе, показала, что этот череп принадлежит человеку с явными признаками пародонтоза и сильно разрушенными зубами. Это находится в противоречии с дневниковыми записями Государя и описанием состояния Его зубов, сделанным в 1917 году в Тобольске дантистом Марией Рендель.

Также на правой стороне черепа отсутствует костная мозоль, образовавшаяся у Николая Александровича после удара саблей, нанесённого ему японским маньяком в 1891 году, следовательно, этот череп не может принадлежать Царю Николаю II.

9. Согласно заключению профессора В.Л.Попова, как судебного медицинского эксперта, использование Правительственной Комиссией методов фотосовмещения и скульптурной идентификации имеют крайне низкий процент достоверности. Их результаты не могут считаться достаточным доказательством тождественности найденных черепов и прижизненных фотографий Царской Семьи.

10. Генетические исследования, проведённые кандидатом биологических наук П.Л.Ивановым не представляются достоверными.

В 1995 году Правительственная Комиссия признала, что прах Великого князя Георгия Александровича не пригоден для ДНК-анализа. Спустя неделю П.Л.Иванов объявил, что такой анализ состоялся и генетическая идентификация праха Георгия Александровича и «екатеринбургских останков» составляет 99,9%.

31 августа 1995 года на пресс-конференции он утверждал, что экспертиза, проведённая в США, полностью подтвердила результаты ДНК-анализа, проведённого им в Англии. В действительности в США и Англии исследовались совершенно разные объекты.

11. Результаты генетического ДНК-анализа биоматериала племянника Государя Николая II, Т.Н.Куликовского-Романова, осуществлённого доктором биологических наук Е.И.Рогаевым, игнорируются Правительственной Комиссией.

12. До сих пор не получены ответы на 10 вопросов, сформулированных Русской Православной Церковью, для установления личности людей, чьи останки были найдены под Екатеринбургом.

Все перечисленные факты не только не позволяют утверждать о принадлежности этих останков Царской Семье, но вызывают обоснованные подозрения в возможной фальсификации.

В заключение приведу слова Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, сказанные в конце декабря 1997 года при посещении им Московской Духовной Академии.

«Необходимо сделать следующее:

- а) изучить Следственный материал 1918–1919 годов;*
- б) изучить материалы современного расследования по факту обнаружения останков под Екатеринбургом;*
- в) сопоставить и проанализировать те и другие материалы;*
- г) ответить на все 10 вопросов, поставленных перед Государственной Комиссией.*

*Только после проведения этой работы Священный Синод может приступить к рассмотрению **духовных аспектов** данной проблемы».*

Часть 4

С.А.Беляев

Предисловие к первой публикации Доклада Н.А.Соколова в России в Журнале Московской Патриархии³⁷

Текст доклада следователя Н.А.Соколова впервые появляется на страницах печати в пределах нашего Отечества, да и в эмигрантской печати. Насколько мне известно, он был опубликован всего один раз в редкой газете, выходявшей в 1930-е годы в Харбине. Так что по существу – это архивный документ. Оригинал его находится в Следственном деле по расследованию убийства Государя Императора и Его Августейшей Семьи и Их верных слуг, которое вело Правительство адмирала А.В.Колчака. Три экземпляра Следственного дела хранятся в других странах: один – в Русской Православной Церкви Заграницей, второй – в Гарвардском университете (США) и третий – у герцога Лихтенштейнского.

Этот документ имеет огромную историческую ценность, он в полном смысле слова уникален. Уникальность его заключается в том, что он является единственным официальным документом, в котором от лица Следствия и Правительства адмирала Колчака свидетельствуется об убийстве Государя и всей Его Августейшей Семьи вместе с Их верными слугами, о способе этого убийства и о судьбе честных останков убитых. Возможно, читатели, знакомые с книгами Н.А.Соколова, М.К.Дитерихса, П.А.Жильяра и других авторов, которыми что-то написано на эту тему, скажут, что всё уже известно из работ названных авторов или из других книг. Да, в этих книгах многое есть.

---

37. Журнал Московской Патриархии. №6–7. 1996.

Но существует важнейшее отличие публикуемого документа от всего до сих пор написанного и опубликованного; все другие книги и статьи, даже написанные генералом М.К.Дитерихсом, руководившим Следствием, и Н.А.Соколовым, который его вёл, не являются документами в полном смысле этого слова или, более точно, документами, имеющими юридическую силу.

Публикуемый доклад является официальным Заключением Следствия, составленным по распоряжению вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны лицом, руководившим Следствием. И каждое слово в этом тексте, не говоря уже о выводах, имеет особое значение. Именно поэтому ни вдовствующая Императрица, ни Великий князь Николай Николаевич не приняли этот документ из рук Н.А.Соколова, ибо слишком хорошо понимали, какую огромную силу он имеет. Прими они его, официально встал бы вопрос о легитимности власти в России, о престолонаследии и многие имущественные вопросы. Они были настолько мудры, что не сделали этого, оставив всё на волю Божию, на Его Благой Промысл.

Необходимо отметить и то, что и в советской России не было сделано ни одного заявления об убийстве Императора и Его Августейшей Семьи. На правительственном уровне все сведения исходили от телеграфных агентств или других неправительственных учреждений.

И ещё на одну особенность этого официального документа необходимо обратить внимание. Следствие не ограничилось изучением только времени и обстоятельств убийства, сфера его деятельности охватила обширный круг вопросов, начиная от обстоятельств и мотивов отречения Государя Императора Николая II и заканчивая исследованием пути Царственных Мучеников на Голгофу.

Крестный путь Царской Семьи
Полный текст Доклада
судебного следователя Н.А.Соколова
вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне³⁸

Предварительное следствие по сему делу производится по повелению Верховного Правителя, вследствие ордера г-на министра юстиции судебным следователем по особо важным делам Н.А.Соколовым.

Исходным моментом, определившим начальные рамки предварительного следствия, судебный следователь признал необходимым принять отречение Государя Императора от Престола и события, его сопровождавшие.

В дни начавшейся в феврале месяце 1917 года в г. Петрограде смуты Августейшая Семья была разделена друг от друга. Государь Император находился в Ставке, Государыня Императрица с детьми – в Царском.

Это было тяжёлое время для Августейшей Семьи: все дети постепенно переболели корью, протекавшей в тяжёлой форме с высокой температурой и с осложнениями. Всё внимание Императрицы было сосредоточено на детях. О событиях, имевших место в Петрограде, Государыня извещалась по докладам министра внутренних дел Протопопова. Его доклады по поводу этих событий всё время носили успокоительный характер и только в самый момент начала открытого восстания, когда уже горело здание судебных установлений, когда толпа уже поджигала полицейские участки, Протопопов признал положение «плохим».

Ввиду данных предварительного следствия можно полагать, что в первые дни событий Государыня видела в них

---

38. Текст публикуется без сокращений в орфографии подлинника. В некоторых местах документа поставлены многоточия. Они означают, что из-за неясности текста, с которого печатается настоящий Доклад, там пропущено по 3–4 слова.

проявление простого бунта и надеялась на благоразумие и преданность Престолу войск, находившихся в Петрограде.

Её беспокоила главным образом неизвестность судьбы Государя Императора и неопределённые слухи об отречении Его Величества от Престола, каковым слухам Государыня Императрица не доверяла, считая их провокационными. В эти тревожные дни Государыня Императрица Сама изволила приглашать к Себе Великого князя Павла Александровича и пыталась снестись с Государем Императором через некоторых преданных лиц.

По мере развития событий менялось отношение к ним Императрицы. Она стала видеть в них более грозный характер и, когда ко дворцу были стянуты воинские части: Сводный полк, Гвардейский экипаж, Конвой Его Величества и одна из артиллерийских частей, – Государыня Императрица изволила Сама обходить эти части вместе с Великой княжной Марией Николаевной, тогда ещё не болевшей.

Среди этих событий из жизни Императрицы следственная власть, в разрешение одной из задач следствия, считает необходимым теперь же отметить один факт, который для оценки дальнейших событий, имевших место в г. Тобольске и в разрешение этой задачи, имеет огромное значение. Этот факт, установленный предварительным Следствием, кроется в поведении Государыни Императрицы: каково бы ни было внутреннее отношение Её к событиям того времени и Её внутренние переживания по поводу их, несомненным представляется, что Государыня Императрица в те тревожные дни проявляла спокойствие, выдержку и мужество.

8 марта 1917 года утром в Александровский дворец прибыл генерал Корнилов. Он был принят Государыней Императрицей на детской половине.

Корнилов сказал Её Величеству следующее: «Ваше Величество, на меня выпала тяжёлая задача объявить Вам

постановление Совета министров, что Вы с этого часа считаетесь арестованной». При этом Корнилов представил Государыне нового коменданта гарнизона (к которому должен был подчиняться и комендант дворца), полковника Кобылинского, принятого Государыней одновременно с Корниловым, и, приказав затем полковнику Кобылинскому выйти на некоторое время из комнаты, остался наедине с Государыней. Следствием установлено, что в это время генерал Корнилов успокаивал Государыню Императрицу и говорил, что никому из Августейшей Семьи не грозит никакой опасности.

После этого генерал Корнилов был ещё во дворце, сопровождая Великого князя Павла Александровича, проявлявшего в эти дни заботу об Августейшей Семье и, видимо, считавшего себя обязанным оберегать Её ввиду отсутствия Государя. В этот же день, 8 марта, Корниловым была утверждена Инструкция для Августейшей Семьи и всех лиц, которые пожелали остаться с Ней в заключении.

Спустя несколько дней после этого во дворец прибыл Государь Император.

...лишения Государя свободы, член Государственной Думы Вершинин, встречал на платформе вокзала полковник Кобылинский. Государь отбыл во дворец в сопровождении князя Василия Александровича Долгорукого.

Зная о приезде Государя и ожидая Его, Государыня пошла навстречу Государю и вот встретила Его Величество в первой комнате на детской половине.

При этой встрече присутствовал один только из старых слуг, преданных Августейшей Семье. Он дословно в таких выражениях передаёт об этой встрече: «С улыбочкой Они обнялись, поцеловались и пошли к детям». Это обстоятельство также отмечается следственной властью как другой факт, также имеющий значение для оценки тобольских событий.

С этого момента потекли однообразные дни жизни Августейшей Семьи в период Царскосельского заключения.

Правительственная инструкция, определившая условия этого заключения, установила следующие ограничения для Августейших Особ:

- 1) вся корреспонденция обязательно должна была проходить через цензуру дворцового коменданта;
- 2) выход из дворца возможен только в некоторые места парка, особо для того отведённые и огороженные, и притом лишь до наступления темноты;
- 3) дворец и парк были оцеплены караулами из солдат...вых, заменивших Сводный полк ещё 8 марта.

Эти ограничения имели целью пресечь Августейшей Семье возможность сношения с внешним миром. Самого же внутреннего уклада жизни они не касались, и караулов совсем не было во внутренних покоях дворца: они занимали только посты наружные.

Период Царскосельского заключения кончился 31 июля 1917 года (по старому стилю).

В исследовании событий этого периода судебный следователь находит, что Правительство того времени, может быть, и пыталось создать для жизни Августейшей Семьи уклад, который в условиях возможной действительности соответствовал бы Её высокому положению, но благодаря известным причинам эти намерения разбились о жестокую действительность: об отсутствие власти у самого Правительства.

Не представляется возможным обойти молчанием некоторые факты этого периода из жизни Августейшей Семьи.

Некоторые из «революционных солдат» позволяли себе непристойные выходки в отношении Августейших Особ.

Увидев однажды в руках Алексея Николаевича его

маленькое ружьё (модель-винтовка, совершенно безвредная ввиду отсутствия к ней специальных пуль), они отобрали у Него ружьё и тем причинили Алексею Николаевичу большое огорчение: он плакал, лишившись ружья, и успокоился только тогда, когда полковник Кобылинский тайно от солдат принёс это ружьё Алексею Николаевичу в разобранном виде по частям.

Один из солдат невзлюбил двух маленьких коз, живших в парке, и, стоя на посту, застрелил одну из них. Несмотря на некоторые репрессивные меры, принятые в отношении его, он на следующий день застрелил и вторую козу.

«Революционные солдаты», видимо, питали большую склонность к воровству. Они взламывали, стоя на часах в подходящих для этого местах, некоторые хранилища и воровали оттуда вещи Августейшей Семьи.

Некоторые из них при встречах с Государем Императором упорно не желали не только приветствовать сами Государя, но и не отвечали на Его обращённые к ним приветствия.

Они позволяли себе входить иногда и во внутренние покои дворца, рассматривать предметы обихода, высказывая при этом грубые, глупые и злобные суждения.

Однажды, когда дети уже поправились и Августейшая Семья проводила вечер вместе, в комнату к Ней ворвались солдаты, заподозрив, что из этой комнаты производится сигнализация при помощи света. Оказалось, что одна из Великих княжон занималась рукоделием, покачиваясь своим корпусом, и её тень, отклонявшаяся благодаря этому то в одну, то в другую сторону, и была принята за проявление такой сигнализации.

Во время прогулок Августейшей Семьи они старались иметь ежеминутно Её на глазах и держаться вблизи Её. Иногда они проявляли при этом непопозволенную разнузданность и бравировали непринуждённостью. Иногда

они подсаживались к Государыне в парке, принимали непринуждённые позы, курили и старались завязать разговор с Её Величеством.

Не лучше вели себя и некоторые из господ офицеров того же «революционного» типа. Один из таких офицеров, студент одного из университетов, по пятам ходил сзади Императора, когда Его Величество изволил гулять в парке, изо всех, видимо, сил пытаясь показать свою бдительность.

Когда Государь Император изволил прибыть ко дворцу, некоторые из таковых офицеров вышли на крыльцо. У всех у них были на груди красные банты. Ни один из них, когда Государь Император проходил мимо, не отдал ему чести.

Однажды, видимо будучи не в силах преодолеть своего мещанского чувства показать «всю полноту своей власти», некоторые из таких господ офицеров потребовали, чтобы им ежедневно показывали Августейших Особ, мотивируя это своё требование боязнью бегства Их. Напрасно боролся с ними полковник Кобылинский. После доклада его о сём генералу Половцеву, сменившему к тому времени генерала Корнилова, было разрешено удовлетворить во избежание каких-либо эксцессов для Августейшей Семьи это требование в форме наименее для Неё тягостной: во время выхода Августейшей Семьи к завтраку. Офицер, кончавший караул, и офицер, вступавший в караул, должны были являться в столовую и приветствовать Государя Императора и Августейшую Семью. Так это и делалось. Но однажды, когда оба офицера явились и Государь, простившись с офицером, уходившим с караула, изволил протянуть руку его заместителю, желая поздороваться с ним, этот господин, отступив театрально шаг назад, не принял руки Государя. Страдая от скорби, Император подошёл к этому офицеру, взял его за плечи и сказал ему: «Голубчик, за что же?». Снова отступив шаг назад, офицер ответил Государю: «Я из народа. Когда народ

протягивал Вам руку, Вы не приняли её. Теперь я не подам Вам руки».

Особенно из господ офицеров этой группы выделялся один нерусского происхождения в чине прапорщика, выбранный в помощники Кобылинского Царскосельским «совдепом». Грубый и нахальный, он всегда старался появляться в парке, когда туда выходила Августейшая Семья. Однажды, проходя мимо него, Государь Император сам, по своему обыкновению, приветствовавший не только офицеров, но и солдат, протянул ему руку. Он не принял руки Государя. Не ограничиваясь проявлением пассивного хулиганства, этот офицер и подстрекал, главным образом солдат, не отвечать на приветствия Государя, что они и проделывали. Видимо, эта личность отравляла минуты жизни всей Августейшей Семьи: о ней отмечает в весьма нелестных для неё выражениях в своём дневнике и Алексей Николаевич.

Фамилии всех таких господ офицеров известны следственной власти.

Справедливость требует, однако, отметить, что такими были, конечно, не все офицеры и не все солдаты. Были среди них и хорошие люди, но они, по условиям того времени, не решались обнаруживать своих чувств и противодействовать дурным поступкам других.

Первым комендантом дворца периода революции был штаб-ротмистр Коцебу. Он хорошо относился к Августейшей Семье, но он занимал эту должность недолго и скоро был заменён полковником Коровиченко.

Адвокат по профессии, г-н Коровиченко был близок с г-ном Керенским и г-ном Переверзевым по прежней их деятельности и был их креатурой на этом посту, когда г-н Керенский был уже «главой» Правительства, а г-н Переверзев – министром юстиции в его составе.

Он не умел себя держать в высоком обществе, как человек

плохо воспитанный, и вызывал у всех лиц Августейшей Семьи своими выходками чувство, видимо, безгливости.

Его заменил на посту коменданта дворца полковник Кобылинский, оставшийся также и комендантом гарнизона.

Чувство справедливости заставляет меня отметить в отношении Кобылинского, что этот благородный офицер не на словах, а на деле и до самого конца проявлял свою глубокую преданность Августейшей Семье, не один раз рискуя расплатиться за это своей жизнью. Умный и тактичный, он иногда с трудом выходил из всевозможных затруднительных положений, какие создавала тогда жизнь для Августейшей Семьи, отдавая Ей свои последние нервы. Все члены Августейшей Семьи питали к нему добрые чувства, а в особенности Алексей Николаевич, любивший Кобылинского.

Из лиц, занимавших в этот период Царскосельского заключения ответственные в правительстве должности, во дворце бывали: генерал Корнилов, г-н Керенский и г-н Гучков.

Ввиду данных предварительного Следствия судебный следователь с полным убеждением утверждает, что генерал Корнилов, бывавший в Царском в короткий промежуток времени, когда он занимал должность командующего Петроградским военным округом, проявлял полную корректность, внимание и должное уважение к Высоким Особам и не оставил в душе Их чувства неприязни.

Иначе вели себя и вызвали иное к себе отношение г-н Гучков и г-н Керенский. Г-н Гучков, посетивший дворец в первый раз вместе с Великим князем Павлом Александровичем и генералом Корниловым, в скором времени явился туда вторично. Неизвестно для какой цели он был тогда во дворце. Его никто туда не вызывал, и он явился без всякого предупреждения, сопровождаемый своими «революционными» офицерами.

Когда г-н Гучков, сопровождаемый своими офицерами, проходил коридором дворца, один из них, в состоянии ярко выраженного опьянения, увидев стоящих на лестнице дворцовых служителей, остановился против них и злобно начал кричать им, сопровождая свои крики неприличными жестами пьяного человека: «Вы – наши враги, мы – ваши враги. Вы здесь все продажные». Этот офицер получил полный достоинства ответ со стороны одного из лакеев. Гучков же, бывший в расстоянии нескольких шагов от этого пьяного офицера, даже головы не повернул и сделал вид, что не замечает этого неприличного поступка.

Особливое внимание со стороны следственной власти уделено на предварительном следствии отношению к Августейшей Семье г-на Керенского.

Избегая в выводах и оценках, установленных в сем отношении на предварительном Следствии фактов, каких бы то ни было субъективных штрихов, с полным убеждением судебный следователь признаёт в сем отношении следующее.

Много поработавший для расшатывания основных устоев старой власти, создававший в некоторых умах своими речами в Государственной Думе определённое общественное мнение, г-н Керенский шёл в жилище Государя Императора, неся в своей душе определённое убеждение судьбы, уверенного в виновности Государя Императора и Государыни Императрицы пред Родиной. Тая в своей душе такие чувства, г-н Керенский в то же время умышленно старался подчеркнуть своё великодушие и своё благородство в форме ярко выраженной корректности.

Руководимый этим убеждением, г-н Керенский проявил его в двух направлениях: Государь Император по возвращении своём в Царское был отделён от Семьи и находился на своей половине. По приказанию г-на Керенского г-н Коровиченко произвёл в бумагах Государя обыск и отобрал те, которые

счёл нужным взять. Г-н Керенский, предпринимая подобные действия, надеялся найти в бумагах Государя доказательства Его и Государыни Императрицы измены Родине в смысле желания заключить мир с Германией.

В этом главным образом и заключалось убеждение г-на Керенского.

Отнюдь не желая прибегать в таком деле к каким-либо натяжкам в выводах, следственная власть готова признать, что г-н Керенский только ошибался, хотя подобные ошибки в его положении представляются всё же странными: опытный искусник-адвокат, всё время выдававший себя за страдальца по народной правде, г-н Керенский, как профессионал-юрист, не мог не знать, что всякое убеждение должно основываться на фактах. Он же поступил как раз наоборот: он сначала составил себе определённое убеждение, а потом постарался сыскать факты.

Фактов ему не пришлось найти, несмотря на все старания в этом направлении самого Керенского, Коровиченко и г-на Переверзева, занимавшего в то время пост министра юстиции. Мало того, в бумагах Государя Императора он не мог найти отражения Его личных свойств, и черт как Монарха, и как человека. Кроме того, он получил возможность иметь личное общение с Государем и Государыней и имел его. Он тогда понял всю вздорность своих необоснованных убеждений и круто переменял своё отношение к Августейшей Семье.

Все эти черты поведения г-на Керенского вполне осознавались Государем и Государыней. В душе Их Величеств было чувство гнева, когда Они увидели, в чём заключается сущность убеждения г-на Керенского и г-на Коровиченко.

По свойственной Им поистине Царственной выдержке Они не выдавали этого своего чувства. И только однажды Государь Император, не будучи в силах сдерживать Себя,

проявил это чувство в лёгкой степени. Это было во время самого отобрания Его бумаг. Предъявляя свои бумаги, хранившиеся в особом ящике, Государь Император изволил объяснять г-ну Коровиченко, в каком порядке и какие именно бумаги хранятся у Него. При этом Он взял лежащее письмо, желая положить его в определённую группу. Увидев это, Коровиченко ухватился за это письмо и стал вырывать его из рук Государя со словами: «Нет, позвольте». Государь слегка огневался, отдал письмо, махнул рукой и вышел из комнаты со словами: «Мне здесь нечего делать».

Меня своё отношение к Августейшей Семье, г-н Керенский с течением времени, видимо, думал, что и он стал пользоваться иным отношением к себе в глазах Государя и Государыни. Он ошибся и на этот раз: он не понимал, что пользовался в Их глазах презрением.

Видимо, следует думать, что и поступки некоторых высокопоставленных лиц, от которых Августейшая Семья, кажется, могла бы ждать проявления чувств благодарности и преданности в Её положении, причиняли Ей огорчение.

Таковыми лицами были флигель-адъютант Нарышкин, флигель-адъютант Мордвинов, флигель-адъютант Саблин, герцог Лейхтенбергский, командир Сводного Его Величества полка генерал-майор Рессин и командир Конвоя граф Граббе. Они проявили полное безразличие к судьбе Августейшей Семьи и определённо выраженное чувство страха иметь общение с Ней.

Отъезд Августейшей Семьи в г. Тобольск из Царского состоялся 1 августа 1917 года (по старому стилю). Причиной перевода Её из Царского в этот именно город послужило, видимо, желание Правительства создать для пребывания Августейшей Семьи более покойные условия. В период ещё существования Временного Правительства были попытки со стороны петроградского так называемого «Совета рабочих

депутатов» перевести Августейшую Семью в Петропавловскую крепость. К Кобылинскому являлся какой-то неизвестный человек, одетый в форму полковника и называвший себя Масловским. Он предъявил Кобылинскому требование от названного учреждения, подписанного г-ном Чхеидзе, коим этот Масловский уполномочивался взять Государя Императора из дворца и перевести Его в указанную крепость, и требовал исполнения этого требования, грозя пролитием крови. Получив должный отпор своим домогательствам, он удалился. Государственная разруха всё больше овладевала государством. Власть командующего Петроградским военным округом из рук генерала с историческим именем уже перешла в руки поручика Кузьмина. Всё больше стало проникать к власти под влиянием тёмной и глубоко невежественной в государственном строительстве силы — русской столичной рабочей массы людей, проникнутых эгоистическими классовыми интересами и чуждых идеи Родины. Назревала борьба за власть.

К этому моменту протекло уже несколько месяцев со времени лишения свободы Государя Императора и Его Августейшей Семьи Временным Правительством. Попытки Керенского найти в бумагах Государя Императора хоть что-либо, Его компрометирующее, не привели ни к чему. Столь же безрезультатной оказалась и работа так называемой «Чрезвычайной следственной комиссии» в этом направлении. Лица, входившие в состав Правительства, сознавая это, понимали, что благополучию Августейшей Семьи, ни в чём не повинной перед Родиной и страдающей без вины за эту же Родину, грозят эксцессы этой предстоящей борьбы. Видимо, благое желание спасти благополучие Её и послужило причиной перевода Её из Царского.

В распоряжении следственной власти нет данных, которые бы позволяли определённо ответить на вопрос,

почему именно выбор Правительства пал на г. Тобольск. От всяких же произвольных толкований по этому поводу она воздерживается.

30 июля в Александровский дворец была доставлена икона Знамения Божией Матери и был отслужен молебен по случаю дня рождения Алексея Николаевича и напутственный. В ночь на 1 августа в 12 часов во дворец прибыл Керенский, собрал солдат, которые должны были сопровождать Августейшую Семью в Тобольск и быть там в составе караула, и держал к ним речь. Он говорил солдатам: «Вы несли охрану Царской Семьи здесь. Вы должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится Царская Семья по постановлению Совета министров. Помните: лежачего не бьют, держите себя вежливо, а не по-хулигански...»

После этого Керенский отправился во дворец, куда также прибыл Великий князь Михаил Александрович. Он имел свидание в кабинете Государя с одним Государем в присутствии Керенского. Содержание Их беседы неизвестно следственной власти. Сама беседа длилась около 10 минут, причём Керенский, присутствуя в это время в кабинете Государя, отошёл в сторону, совершенно не вмешиваясь в неё.

Узнав о предстоящем отъезде Августейшей Семьи из Царского, рабочие депо Варшавского вокзала не выпускали нужные паровозы. Благодаря этому (по установившемуся тогда обыкновению в приёмах управления страной, кто-то из представителей власти ездил «уговаривать» рабочих подчиниться постановлению Совета министров), отъезд задержался и состоялся в 6 часов 10 минут утра.

Августейшая Семья отбыла в г. Тобольск в полном Её составе. Её сопровождали следующие лица:

- 1) генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев,
- 2) гофмаршал князь Василий Александрович Долгорукий,
- 3) доктор медицины Евгений Сергеевич Боткин,

- 4) личная фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова,
- 5) гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер,
- 6) воспитатель Алексея Николаевича Пётр Андреевич Жильяр,
- 7) няня при детях Александра Александровна Теглева,
- 8) её помощница Елизавета Николаевна Эрсберг,
- 9) камер-юнгфера Мария Густавовна Тутельберг,
- 10) комнатная девушка при Государыне Анна Степановна Демидова,
- 11) камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров,
- 12) его помощник Степан Макаров,
- 13) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков,
- 14) лакей Иван Дмитриевич Седнев,
- 15) лакей Сергей Иванов Иванов,
- 16) лакей Тютин,
- 17) лакей Алексей Трупп,
- 18) лакей Григорий Солодухин,
- 19) лакей Дормидонтов,
- 20) лакей Киселёв,
- 21) лакей Ермолай Гусев,
- 22) воспитательница Гендриковой Викторина Владимировна Николаева,
- 23) прислуга при Гендриковой Маулина Межанц,
- 24) прислуги при Шнейдер Катя, и
- 25) Маша,
- 26) служитель Михаил Карпов,
- 27) дядька при Алексее Николаевиче Клементий Григорьевич Нагорный,
- 28) официант Франц Журавский,
- 29) кухонный служитель Сергей Михайлов,
- 30) кухонный служитель Франц Пюрковский,
- 31) кухонный служитель Терехов,
- 32) писец Александр Кирпичников,
- 33) парикмахер Алексей Николаевич Дмитриев,
- 34) гардеробщик Ступель,
- 35) повар Иван Михайлович Харитонов,
- 36) повар Кокичев,
- 37) повар Иван Верещагин,
- 38) поварской ученик Леонид Седнев,
- 39) заведующий погребом Рожков.

Несколько позднее в г. Тобольск прибыли:

- 40) воспитатель Алексея Николаевича Сидней Иванович Гиббс,
- 41) доктор Владимир Николаевич Деревенко,
- 42) личная фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден,
- 43) камер-юнгфера Магдалина Францевна Занотти,
- 44) комнатная девушка Анна Павловна Романова,
- 45) комнатная девушка Анна Яковлевна Уткина.

На вокзал Августейшая Семья следовала в одном автомобиле под охраной драгун 3-го Прибалтийского полка.

Августейшая Семья и следовавшие с Ней лица ехали двумя поездами. В первом поезде помещались Августейшая Семья, свита, часть прислуги и рота 1-го полка; во втором поезде – остальная прислуга и роты 2-го и 4-го полков; багаж был распределён в обоих поездах.

С Августейшей Семьей следовали: командированный от Правительства член Государственной Думы Вершинин и инженер Макаров и командированный Керенским прапорщик Ефимов, на которого Керенским была возложена специальная миссия – проводить Августейшую Семью до Тобольска и сделать о сём доклад Царскосельскому «совдепу». Кроме того, в поезде ехал также инженер Эрдели.

В первом вагоне международного общества первого поезда, удобном, следовали: Государь Император (в отдельном купе). Государыня Императрица (в отдельном купе), Великие княжны (в отдельном купе), Алексей Николаевич с Нагорным (в отдельном купе), Демидова, Теглева, Эрсберг, Чемодуров и Волков. Во втором вагоне ехали: Татищев, Долгорукий, Боткин, Шнейдер с прислугой, Жильяр и Гендрикова с прислугой; в третьем вагоне помещались лица, командированные Правительством, и офицерские чины; в четвёртом помещалась столовая, где обедала Августейшая Семья, кроме Государыни и Алексея Николаевича, обедавших в купе Государыни; в остальных вагонах ехали солдаты.

Самая поездка протекала в удобных условиях и без особых инцидентов. Поезда останавливались на малых станциях. Иногда делались остановки в поле. Августейшая Семья выходила из вагона и прогуливалась, а поезд тихо следовал за Ней.

Только на одной станции, видимо Званке, рабочие не желали пропускать поезда, но инцидент благополучно разрешился.

Со станции Тюмень Августейшая Семья следовала на пароходе «Русь». С Ней на этом пароходе ехали все лица, следовавшие в одном с ней поезде. Все остальные ехали на пароходе «Кормилец».

В г. Тобольск Они прибыли в 4 часа дня 6 августа (по старому стилю). Дом, отведённый для Августейшей Семьи, был не готов к Её приезду, и Она до 13 августа проживала на пароходе.

13 августа Августейшая Семья перешла в отведённый для Неё дом. Для Государыни Императрицы был подан приличный экипаж на резиновом ходу, в коем Она и изволила отбыть в дом вместе с Татьяной Николаевной.

Государь Император, Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна следовали пешком.

Этот дом, где пребывала в заключении Августейшая Семья, находился на улице под названием «улица Свободы»; в нём раньше проживал тобольский губернатор. Этот дом – каменный, в два этажа.

Размещение произошло следующим образом. Вход в нижний этаж дома ведёт в переднюю, откуда идёт коридор, разделяющий нижний этаж дома на две половины. Первая комната из передней на правой стороне – занималась дежурным офицером, рядом с этой комнатой находилась комната Демидовой, рядом с ней – комната, в которой занимались дети, а рядом с этой комнатой – царская

столовая; с левой стороны коридора против комнаты дежурного офицера находилась комната Чемодурова, рядом с ней – буфетная, за буфетной шли две комнаты, в которых помещались Теглева, Эрсберг и Тутельберг.

Над комнатой Чемодурова шла в верхний этаж лестница. Она прямо вела в угловую комнату, в которой был кабинет Императора; рядом с Его кабинетом был зал, причём в зал можно было попасть и из кабинета, и из передней верхнего этажа, в которую вела парадная лестница; из зала одна дверь выходила в коридор, деливший верхний этаж на две половины: первая комната с правой стороны, если идти от зала, была гостиной, рядом с ней – спальня Государя и Государыни; рядом с передней – шкафная комната, рядом с ней против гостиной и спальни Государя и Государыни – комната Алексея Николаевича; дальше шли уборная и ванная. Все остальные лица свиты помещались в другом доме Корнилова, находившемся в близком соседстве с этим домом.

Но впоследствии баронесса Буксгевден была выселена из корниловского дома, а Занотти, Романова и Уткина совсем не были допущены в дом Корнилова.

Распорядок дня в г. Тобольске был таков. Утренний чай подавался обыкновенно в 8 часов 45 минут. Государь имел обыкновение пить утренний чай у Себя в кабинете вместе с Ольгой Николаевной. Алексей Николаевич с остальными Сёстрами пили его в общей столовой. Государыня кушала кофе в постели.

После утреннего чая Государь обыкновенно до 11 часов работал у Себя в кабинете, а после 11 шёл на воздух, где обыкновенно занимался физическим трудом: чаще всего Он пилил дрова. Его, главным образом, стараниями была выстроена площадка над оранжереей и лестница, ведущая на эту площадку. Они любили посидеть на этой площадке, обращённой к солнцу.

Дети после чая занимались до 11 часов уроками. С 11 до 12 часов был свободный час. В 12 часов детям в Их комнату подавались бутерброды. Сюда входил и Государь и закусывал с детьми. После 12 до 1 часа дети снова занимались уроками. В 1 час подавался завтрак. После чая Государь иногда преподавал Алексею Николаевичу историю.

В 5 часов подавался, чаще всего в кабинете Государя, чай. После чая Государь чаще всего читал у Себя в кабинете. Алексей Николаевич занимался играми с гг. Шнейдер, Долгоруким, Гиббсом и Жильяром; его любимой игрой в это время было «тише едешь, дальше будешь». От 6 до 7 с Алексеем Николаевичем занимались или Жильяр, или Гиббс. Княжны в это время и Алексей Николаевич от 7 до 8 часов готовили уроки. В 8 часов подавался обед. После обеда Семья собиралась обыкновенно вместе, куда также приходили и лица свиты. Занимались беседой, играми. Иногда Государь читал что-либо вслух.

Алексей Николаевич скоро после обеда ложился спать. В 11 часов в гостиной подавался чай, после которого расходились спать.

Государыня вставала позднее других. Она также просыпалась рано, но иногда оставляла свою комнату только к завтраку. В эти часы Она иногда занималась с детьми или же занималась рукоделиями: вышивала или рисовала. Когда Она оставалась одна в доме, Она иногда играла на пианино. Гулять Она выходила редко. Чаще всего Государыня и обедала у себя в комнате вместе с Алексеем Николаевичем. Она жаловалась на плохое состояние своего сердца и избегала ходить по лестнице в столовую, помещавшуюся в нижнем этаже дома.

За обедом, если обедала Императрица, размещались следующим образом: посередине стола садился Государь, против Государя – Государыня. Справа от Государя –

Гендрикова, рядом с ней – Мария Николаевна. Слева от Государя – Шнейдер, а рядом с ней – Долгорукий. Справа от Императрицы – Алексей Николаевич, рядом с ним – Ольга Николаевна. Слева от Императрицы – Татищев, рядом с ним – Татьяна Николаевна. На углу стола сидел г. Жильяр, а против него – Гиббс и Анастасия Николаевна. Если же Государыня обедала у Себя, Её место занимала Ольга Николаевна.

Доктор Боткин делил себя между Августейшей Семей и своей семьёй. Он обедал всегда с Августейшей Семей и сидел с Ольгой Николаевной и Алексеем Николаевичем. По праздничным дням приглашался к обеду доктор Деревенко и его сын гимназистик Коля.

Обед для Августейшей Семей готовил повар Харитонов.

Стол был хороший. За завтраком подавалось: суп, мясо, рыба, сладкое и кофе. Обед состоял из таких же блюд, но подавались ещё фрукты, если их можно было достать.

Занятия с детьми вели следующие лица: Государь преподавал Алексею Николаевичу историю. Государыня преподавала детям Богословие и немецкий язык Татьяне Николаевне. Математику всем детям и русский язык Алексею Николаевичу, Марии Николаевне и Анастасии Николаевне преподавала Клавдия Михайловна Битнер (прибыла в Тобольск позднее), Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной, Жильяр преподавал детям французский язык, Гиббс – английский.

Жизнь проходила в Тобольске спокойно, ровно, без всяких неприятных инцидентов. Было только скучно. Чтобы скрасить детям жизнь, ставились иногда домашние пьесы на французском и английском языках, в которых принимали участие дети. Население хорошо относилось к Августейшей Семей, если проходившая мимо дома публика видела в окнах кого-либо из Августейшей Семей, всегда приветствовала Её, а некоторые осеняли крестным знаменем. Некоторые

лица присылали приношения, преимущественно из провизии. Присылал всё возможное местный монастырь.

Жизнь в Тобольске первые месяцы была спокойнее и несколько свободнее, чем в Царском. Августейшая Семья посещала здесь церковь, чего Она была лишена в Царском и о чём в особенности страдала Императрица.

Всенощные богослужения совершались и в Тобольске на дому. Литургия (ранняя) служилась для Августейшей Семьи в церкви Благовещения.

Богослужение совершал священник о. Васильев.

Но такая жизнь продолжалась в Тобольске недолго: до того времени, пока власть была в руках полковника Кобылинского.

В сентябре месяце в Тобольск прибыл комиссар от Правительства Панкратов и его помощник Никольский. Оба они были партийные эсеры, причём Панкратов за политическое преступление сидел 15 лет в Шлиссельбургской крепости, а затем 27 лет провёл в ссылке в Якутской области, в этой же области отбывал ссылку и Никольский.

Справедливость требует отметить, что лично Панкратов был человек мягкой души, добрый. Он не делал зла Августейшей Семье. Никольский был человек грубый и глупый. Он позволял себе кричать на Алексея Николаевича, оскорбительно обращаться с ним. Он же, когда для Августейшей Семьи было прислано из Царского с разрешения Правительства целебное вино «Сен-Рафаэль», увидев вино, всё перебил его собственноручно.

Однако, каковы бы ни были личные, индивидуальные свойства г. Панкратова и его отношение, как облечённого властью лица, к заключённой Августейшей Семье, не подлежит сомнению, что момент его появления в Тобольске был тем начальным моментом, с которого стало ухудшаться положение Августейших Особ.

Панкратов – типичный эсер. Его миниатюрный ум не видел жизни вне программы своей партии, и он, получив власть над солдатами, стал усерднейшим образом работать над ними, чтобы всех их превратить в правоверных эсеров. Солдаты слушали проповеди этого заядлого эсера, переваривали их по-своему и становились... большевиками. Всё больше понижался их моральный уровень. Всё слабее и слабее становилась власть над ними полковника Кобылинского. Таким образом, значение для Тобольска гг. Панкратова и Никольского заключалось в том, что эти люди быстро и энергично разложили солдат.

Их разложение отражалось на благополучии Августейшей Семьи. Жизнь Её была скучная, однообразная. Это было затворничество, заключение. Семья никуда не могла выходить, кроме церкви. Это был единственный способ общения с внешним миром, так как никто из народа не допускался в церковь, когда там молилась Августейшая Семья. Они, конечно, страдали в душе своей. В частности, Государь Император тосковал об охоте и неоднократно выражал свою грусть по этому поводу. Та же нотка грусти была и в глубине души Государыни Императрицы, сознававшей себя «узницей», как Её Величеству угодно было Самой называть Себя.

Для Государя Императора, воспитанного на привычке к физическому труду, для Августейших детей единственным местом физической работы и физических развлечений был двор, где Государь Император при участии Великих княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Марии Николаевны пилил дрова.

Дети пользовались качелями, а когда установилась зима, Они построили ледяную гору. Кроме этих удовольствий, никаких иных не было.

На эту сторону жизни Августейшей Семьи и проводилось

внимание солдат, когда они получили надлежащее воспитание у Панкратова и Никольского.

Зная, что качелями пользуются Великие княжны, они стали позволять себе делать на доске качелей неприличные надписи.

Увидев однажды на ледяной горе Государя Императора и Государыню Императрицу, они ночью уничтожили гору.

Решив на специальном митинге, чтобы Государь Император снял с Себя погоны, они предъявили это требование Кобылинскому в очень грубой форме и, потеряв последние остатки стыда и совести, осмелились грозить Императору насилием, если Он не подчинится их требованию.

Не зная, к чему бы им ещё придраться, они, без всякого видимого повода, переселили всех лиц, проживавших в доме Корнилова в губернаторский дом, преследуя, видимо, цель ухудшить положение Августейшей Семьи, сделать Её покои более тесными и неудобными, и самочинно перевели лиц свиты и прислугу на положение арестованных.

Наконец, они отняли и то, что для Августейшей Семьи в Её страданиях было самым дорогим: они запретили Ей посещать церковь. В этом, следует признать, был повинен также и местный священник о. Васильев, игравший вообще какую-то странную роль. На первый день Рождества Христова о. Васильев приказал диакону возгласить многолетие Государю Императору по старой форме, что диаконом и было исполнено.

Солдаты воспользовались этим обстоятельством и лишили Августейшую Семью возможности посещать храм. Мало того, они постановили, чтобы и домашние богослужения совершались не иначе, как под надзором их выборных, что и делалось в действительности.

Таким образом, то, с чем так долго и успешно боролся полковник Кобылинский, свершилось: солдаты пробрались в самые покои Августейшей Семьи.

Однажды, когда священник, совершая домашнее богослужение, поминал святых и упомянул имя святой царицы Александры, солдаты снова устроили скандал, не поняв, по своему невежеству, смысл молитвы священника.

Жизнь в Тобольске, довольно сносная в первые месяцы пребывания здесь Августейшей Семьи, становилась постепенно всё хуже и хуже. Первыми по времени причинами этого были действия, как указано выше, самих местных правительственных агентов. Г-н Панкратов, развративший солдат, видел плоды своей работы и сам же вкусил от них: большой трус, он боялся сам же солдат и был впоследствии изгнан ими вместе с Никольским.

Однако не одни только правительственные агенты повинны в страданиях Августейшей Семьи этого периода Её заключения. В этом повинно и само Правительство, и прежде всего его глава – г-н Керенский.

Выше приводились слова его, обращённые к солдатам перед отъездом Августейшей Семьи из Царского. Он тогда наобещал солдатам всяких милостей и в денежном, и в вещевом довольствии. Он даже говорил Кобылинскому: «Не забывайте, что это – бывший Император. Его Семья ни в чём не должна нуждаться». Но сам же первый он забыл о Ней. Из Петрограда не присылались денежные пополнения ни для солдат, ни для содержания Августейшей Семьи. Следственная власть отмечает это обстоятельство: Государь Император и Его Августейшая Семья нуждались в средствах.

Дело стало доходить до того в этом отношении, что повар Харитонов докладывал Кобылинскому, что больше «не варят» и «в кредит отпускать скоро не будут». Свершилось позорнейшее для чести русского народа событие: полковник Кобылинский ходил по городу Тобольску и выпрашивал у частных лиц деньги на содержание Августейшей Семьи.

Ему дал их один из купцов под векселя за его, Кобылинского, Татищева и Долгорукова подписями.

К великому безчестию всех буржуазно-интеллигентных слоев русского общества, столь легко отказывавшегося от святых исторических идеалов, я не могу в этой части моего доклада не отметить, что в моих руках имеются акты, коими установлено с непреложностью:

1) что 31 октября 1917 года, уже нуждаясь в средствах, Государь Император жертвовал от Себя и от Августейшей Семьи деньги на нужды фронта;

2) что 3 ноября (через два дня) до сведения Ростовцева было доведено князем Долгоруким о неимении у Августейшей Семьи средств заплатить за портрет Великой княжны Татьяны Николаевны, заказанный ранее.

В это время, в одну из минут душевного отчаяния, полковник Кобылинский явился к Государю и доложил Ему, что он боится, что благодаря потере им власти над солдатами он не может быть более полезным для Государя и просил отпустить его. Государь Император обнял Кобылинского. На глазах Его навернулись слезы, и Он сказал: «...Вы видите, что мы все терпим. Надо и вам потерпеть».

Временное Правительство пало. Новая власть известила по телеграфу Кобылинского, что «у народа» нет средств содержать Царскую Семью. Отныне Она должна существовать на свои личные средства. Ей дается лишь квартира и солдатский паёк. Августейшая Семья принуждена была изменить уклад своей жизни. Были уволены десять человек из служащих. Со стола Августейшей Семьи исчезли сливки, масло, кофе, сладкое. Сахара отпущалось полфунта на человека в месяц.

Был заключён позорнейший Брестский договор.

Как ни владел Собою Государь Император, однако Он иногда не мог скрыть Своих тяжёлых душевных страданий.

Происшедшую в Его Величестве перемену со времени заключения этого договора окружающие Его ясно видели. Как свидетельствует одно из таких лиц, Государь Император был подавлен этим договором как тяжёлым горем. В это время Его душа была столь преисполнена скорби за Родину, за её честь, что Он, выдержаннейший из людей, искал общения с другими лицами, чтобы вылить горе Своей души. Государь Император изволил удостоивать в это время одно из лиц Своими беседами и изволил делиться с этим лицом своими мыслями. Государь называл Брестский договор «изменой России и союзникам» и смотрел на него как на позорнейший для чести Родины акт. В резких выражениях Император изволил резко отзываться в это время о Гучкове и Керенском за всё великое зло, содеянное ими для Родины и изволил при этом гневно говорить по их адресу: «И они смели подозревать Её Величество в измене. Кто же на самом деле изменник?»

После изгнания солдатами комиссаров Панкратова и Никольского прибыл в Тобольск новый, уже большевистский комиссар Дуцман. Он ничем себя не проявлял и не вмешивался в жизнь Августейшей Семьи.

30 марта Алексей Николаевич тяжело заболел. С ним повторился такой же случай, что и в Спале в 1912 году, но болезнь приняла ввиду отсутствия медицинских средств более серьёзный характер: у Него отнялись обе ноги и самый болезненный процесс протекал весьма бурно, причиняя ему большие мучения.

3 апреля прибыл новый «чрезвычайный» комиссар – Яковлев. Он прибыл в корниловский дом не один, а с целым штатом своих людей, среди которых был даже специальный телеграфист. Яковлев предъявил полковнику Кобылинскому свои «чрезвычайные» полномочия. Они были выданы ему председателем «ЦИКа» Янкелем Свердловым. В них была

определённая санкция – немедленный расстрел на месте за невыполнение требования Яковлева.

Сущность же полномочий Яковлева в бумаге не указывалась.

Яковлев несколько раз был в доме, будучи принят Их Величествами.

Его посещения имели одну определённую цель, хотя сам он упорно хранил молчание и не высказывался о цели своего прибытия: он проверял, действительно ли болен Алексей Николаевич. Убедившись в Его болезни, он отправился на телеграф и говорил через своего телеграфиста по прямому проводу со Свердловым. Это было 11 апреля по старому стилю.

В этот же день он объявил Кобылинскому, что он должен увезти Государя Императора и потребовал от Кобылинского, чтобы 12 апреля он был принят Государем.

12 апреля в 2 с половиной часа дня Яковлев явился в дом и сказал камердинеру Волкову, что он желает говорить с одним Государем наедине.

Волков доложил Государю об этом, причём при этом докладе Волкова присутствовала и Императрица.

Она не подчинилась требованию Яковлева и, войдя в зал вместе с Государем, в резкой форме заявила Яковлеву, что Она непременно будет присутствовать при разговоре его с Государем.

Яковлев уступил настойчивому требованию Государыни.

Держал себя Яковлев с Их Величествами вежливо, раскланиваясь с Ними, не позволял себе никаких грубостей. Он в категорической форме заявил Государю, что он на следующий день ранним утром увезёт Государя из Тобольска, причём он уверял Его Величество, что за Его неприкосновенность он, Яковлев, сам отвечает своей головой.

Государь ответил Яковлеву, что Он никуда не поедет. Тогда Яковлев сказал Государю, что, если Государь откажется ехать с ним, он должен будет поступить двояко: или сложить

свои полномочия, и тогда «могут прислать менее гуманного человека», или же употребить силу. Государь не ответил на это Яковлеву. Хотя Яковлев и не указывал, куда именно и для какой цели он увозит Государя Императора, однако он сам всем своим поведением дал очень много неопровержимых доказательств того, что этим местом должна быть Москва.

Государю Императору и Государыне Императрице не были в тот момент известны эти факты, но тем не менее Их Величества были единодушны в оценке этих фактов и полагали, что Государя Яковлев повезёт именно в Москву.

В этот день в жизни Государыни Императрицы и произошло событие, для оценки которого отмечены выше два факта, имевшие место в Царском Селе.

После ухода Яковлева Государь вышел гулять. Государыня Императрица была у себя в будуаре с Татьяной Николаевной. Она позвала к Себе одно из наиболее любимых Ею лиц. В этот момент Она переносила невозможные моральные страдания.

Государыня почти потеряла самообладание. Она почти бегала по комнате, страшно рыдала и ломала Свои руки. Многие из бывших около Августейшей Семьи лиц, которые знали Императрицу в продолжение многих лет, все единодушны в оценке того, что никогда ранее, даже в Спале в 1912 году и позднее, во время мучительных приступов болезни столь горячо любимого Сына, Императрица так не страдала, как в этот день, 12 апреля.

Нельзя и сравнить Её состояние в этот день с Её состоянием в дни революции при отречении Государя Императора и 8 марта, в день приезда во дворец генерала Корнилова.

Сопоставляя многие факты в этой области, установленные на предварительном следствии, с мыслями, которыми

в этот день угодно было поделиться по поводу слов Яковлева Государю Императору и Государыне Императрице с некоторыми из лиц, следственная власть констатирует, что цель увоза Государя Императора в Москву Его Величество видел в намерении принудить Его изменить Родине и союзникам: взяв снова власть, заключить договор с немцами. Именно так Его Величеству угодно было объяснить цель приезда Яковлева, причём Государю Императору угодно было сказать поэтому следующее: «Пусть Мне лучше отрубят правую руку, но Я не сделаю этого».

Именно так же смотрела на этот вопрос и Государыня Императрица. Этим и объяснилось Её вышеуказанное тяжёлое душевное состояние: Она не знала, что Ей делать: оставаться около больного Сына или же оставить Его и быть с Императором. Государыня высказывала определённые при этом мысли: «...они хотят отделить Его от Семьи, чтобы попробовать заставить Его подписать гадкую вещь под страхом опасности для жизни всех своих, которых он оставит в Тобольске, как это было во время отречения во Пскове».

Душевная борьба Императрицы продолжалась час. В мучительной борьбе Она решила ехать вместе с Императором. В это время Государь возвратился с прогулки. Она пошла Ему навстречу и сказала: «Я поеду с тобой. Тебя одного не пущу». Государь сказал Государыне: «Воля твоя».

13 апреля в 3 часа утра к подъезду дома были поданы экипажи. Это были простые сибирские тележки-плетёнки. Одна была запряжена тройкой лошадей, все остальные — парой. Ничего не было положено на дно этих тележек — никакого сиденья.

Достали соломы и положили на дно тележек. В одну из них поверх соломы положили матрас. В этом экипаже поместилась Государыня Императрица с Великой княжной

Марией Николаевной. Государыня хотела, чтобы Государь ехал с Ней и Марией Николаевной, но Яковлев категорически воспротивился этому и сел с Государем в другой экипаж сам. Отъезд состоялся в 4 часа утра. Вместе с Августейшими Особами из Тобольска отбыли: Долгорукий, Боткин, Чемодуров, Седнев Иван и Демидова.

Уныние и грусть воцарились в доме после отъезда Августейших Особ. В особенности убивалась Ольга Николаевна, сильно плакавшая как бы в предчувствии недоброго.

Яковлев страшно гнал во всю дорогу, являя определённую боязнь, что местные большевики остановят его. Дорога была очень тяжёлая. Была весенняя распутица. В некоторых местах пришлось идти пешком. 15 апреля в 9 часов вечера он был уже в Тюмени. По прибытии на станцию Тюмень он сел в поезд и повёз Августейших Особ по направлению к Екатеринбург. Но вёз он их определённо не в Екатеринбург. На одной из промежуточных станций между Тюменью и Екатеринбургом он известил, что екатеринбургские большевики решили не пропускать поезд дальше и задержать Августейших Особ в Екатеринбурге. Узнав об этом, он повернул обратно в Тюмень. Отсюда он отправился в Омск, думая ехать через Челябинск – Уфу. Но под самым Омском поезд был остановлен омскими большевиками, получившими предупреждение от екатеринбургских. Тогда он отправился в Омск, переговорил по прямому проводу с Москвой, видимо с тем же Свердловым, и, очевидно, получил от него какие-то инструкции. Снова он поехал на Екатеринбург через Тюмень. В Екатеринбурге он делал всё возможное, чтобы прорваться далее, но попытка его не удалась, и Августейшие Особы были оставлены в Екатеринбурге.

Это произошло 17 апреля (по старому стилю).

Августейшие дети были извещены об этом 20 апреля по телеграфу. Известие это вызвало всеобщее удивление.

26 апреля в дом явился председатель тобольского «совдепа» матрос Хохряков и стал торопить детей с отъездом. Ехать в то время было ещё нельзя, так как Алексей Николаевич не совсем ещё поправился.

Спустя несколько дней в доме появилось другое лицо, бывшее начальником особого отряда, который должен был сопровождать детей. Это лицо носило фамилию Родионов, и было членом Уральского так называемого «областного совдепа». На всех лиц этот человек производил впечатление бывшего жандарма. Его опознали два лица: баронесса Буксгевден, признавшая в нём одного из жандармов, проверявших однажды в Вержболове паспорта, и Татищев, видевший его в Берлине в Русском посольстве. Татищев сказал об этом Родионову. Родионов также признал это обстоятельство и уклонился от дальнейших объяснений.

Обращение этих людей с детьми и некоторыми лицами из прислуги, наиболее преданными Августейшей Семье, было плохое. Родионов запретил Великим княжнам запираеть дверь Их комнаты на ночь, объявив Им, что он имеет право входить в Их комнату в любое время дня и ночи. Он перерыл все вещи в доме, даже на престоле их домово́й церкви. Он обыскивал в очень грубой форме даже монахинь при богослужении и вызывал слезы Татьяны Николаевны своими грубыми мерами.

В этой части своего доклада следственная власть считает необходимым отметить следующее. До отъезда детей из Тобольска, из Екатеринбурга было получено письмо от Анны Степановны Демидовой. По существу, это было письмо, исходившее от Государыни. В осторожных выражениях в этом письме Государыня давала понять, что в Их вещах, когда Они прибыли в Екатеринбург, был

произведён обыск, и делала указания, как надлежит поступить с драгоценностями, условно называя их «лекарствами». При отъезде из Тобольска с ними и было поступлено таким образом. Некоторые из них были положены в вате между двумя лифчиками, сшитыми затем вместе в один. Таких лифчиков было три, и их надели на себя Великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна. Кроме того, с синих костюмов княжон из шевиота были сняты пуговицы и вместо них были пришиты наиболее крупные камни, обёрнутые в вату и обшитые затем чёрным шелком под видом пуговиц. Часть, наконец, драгоценностей были зашиты в шляпы княжон. Жемчужные нити Ольга Николаевна надела на шею.

7 мая (по старому стилю) в 11 часов утра состоялся отъезд детей из г. Тобольска на том же пароходе «Русь». Родионов и здесь не менял своего обращения. Он запретил Великим княжнам запира́ть дверь Их каюты. Каюту же Алексея Николаевича, в которой находился с Ним ещё Нагорный, он запер снаружи висячим замком.

9 мая состоялось прибытие детей в Тюмень. В тот же день Они отбыли в поезде в Екатеринбург. Сюда они прибыли 10 мая в 2 часа утра. Около 9 часов дети были перевезены из вагона в дом Ипатьева, где находились Государь, Государыня и Мария Николаевна.

Шёл мелкий весенний дождик, когда дети выходили из вагона. С Ними обращались грубо. Они сами должны были нести свои вещи. Когда Татьяне Николаевне было не под силу нести один из саквояжей, Нагорный подошёл к Ней и хотел Ей помочь в этом, его грубо оттолкнули.

Все лица, сопровождавшие Государя, Государыню и Марию Николаевну, были допущены с Ними в дом Ипатьева, кроме Долгорукого. Он был 17 апреля с вокзала отправлен в тюрьму.

С детьми были пропущены в дом мальчик Леонид Седнев, повар Харитонов и лакей Трушп. Но в тот же день из дома были взяты Чемодуров и Иван Седнев и также отправлены в тюрьму.

Из вагона же были взяты Татищев, Гендрикова, Шнейдер, камердинер Волков и Нагорный и отправлены в тюрьму.

Дом Ипатьева, где имела в Екатеринбурге пребывание Августейшая Семья, находился на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Против него находится площадь и церковь Вознесения.

Это дом каменный, в два этажа, причём нижний – подвальный.

Августейшая Семья была помещена в верхнем этаже, причём в одной комнате помещались Государь, Государыня и Алексей Николаевич; в соседней комнате помещались Великие княжны. Кроме этих комнат, Августейшая Семья пользовалась столовой. В остальных комнатах: в зале и гостиной (одна комната, перегороденная лишь аркой) – помещались Боткин и Чемодуров, в одной комнате Демидова, в последней комнате и в кухне помещались Леонид Седнев, Харитонов и Трушп.

При доме имелся маленький, скудный растительностью садик, в который выходила из столовой терраса.

Самый дом был обнесён двумя заборами, из коих один закрывал дом, кроме парадного крыльца, и проходил под самыми окнами, а другой, на некотором расстоянии от первого, закрывал весь дом вместе с воротами.

Обнесённый этими заборами дом имел совершенный вид тюрьмы.

Охрана красноармейцев состояла из русских рабочих местных фабрик и заводов. Первым комиссаром дома, носившего название «Дом особого назначения», был русский рабочий Александр Авдеев; его помощник был также русский рабочий Александр Мошкин.

Посты были наружные и внутри дома, причём один пост был в вестибюле дома около парадной двери, ведущей с парадной лестницы в комнаты верхнего этажа, а другой был около уборной.

Период екатеринбургского заключения Августейшей Семьи был полон страданий. Это был сплошной крест.

Комиссар Авдеев, его помощник и ещё несколько человек ... ных к Авдееву, находились всё время в верхнем этаже дома, где они занимали одну из комнат, а команда охраны – в нижнем этаже. Это были грубые и пьяные люди. Они входили, когда им было угодно в комнаты Августейшей Семьи и вели себя отвратительно, отравляя жизнь Семьи. Они позволяли себе входить в столовую, когда обедала Августейшая Семья, лезть своими ложками в общую миску с супом, и иногда дерзость их доходила до такой степени, что они как бы неумышленно задевали своими локтями лицо Императора или же, становясь сзади стула Императрицы, наваливались на стул, задевая Государыню.

Сначала пищу для Августейшей Семьи доставляли из так называемой «советской столовой» в готовом виде, и её только разогревал повар Харитонов. Она состояла из супа и мяса, преимущественно котлет. Впоследствии разрешено было готовить дома. Императрица, не употреблявшая мясной пищи, питалась преимущественно макаронами.

Обед происходил за общим столом, причём вместе с Августейшими Особами по распоряжению Самого Императора обедала и прислуга. Кроме простой клеёнки, стол не покрывался более ничем. Ложки для всех были деревянные: часто не хватало ни ложек, ни ножей, ни вилок.

Безобразные пьяные песни с тенденциозным подбором неслись часто по дому. Происходило расхищение царских вещей.

Уборная была одна в доме, и ею пользовались все.

Выходить можно было только в сад, но нельзя было заниматься физическим трудом.

Государыня, сильно вообще постаревшая к этому времени, чувствовала Себя нездоровой. Алексей Николаевич всё время болел и лежал в постели, не будучи в состоянии ходить. Его выносил на прогулки обыкновенно Сам Государь.

Государь и Государыня как бы застыли в Своем Царственном...

...и безропотно выносить все эти ужасные муки.

Иногда из комнат Августейшей Семьи раздавались духовные песнопения, преимущественно Херувимские песни: пели Государыня и княжны.

Господу угодно было в неисповедимых путях Своих прервать жизнь Святых Царственных Страдальцев в ночь на 4 июля 1918 года (по старому стилю). В эту ужасную ночь погибла Вся Августейшая Семья.

Её погибель сопровождалась такими обстоятельствами.

21 июня областным Советом были смещены комиссар Авдеев и его помощник Мошкин. Вместо русского рабочего Авдеева комиссаром был назначен еврей Янкель Хаимович Юровский, а помощником его – русский рабочий Никулин.

Политический преступник в прошлом, Янкель Юровский был одно время в Германии и умел говорить по-немецки. Это был злобный и деспотичный по характеру человек.

Он ещё ухудшил положение Августейшей Семьи, в чём только можно было это сделать, и произвёл с первого же дня своего прихода в дом следующее изменение: до Юровского охрана, состоявшая из русских рабочих-красноармейцев, помещалась в нижнем этаже дома, неся охрану и внешних и внутренних постов. Юровский в первый же день перевёл эту русскую охрану в другой дом вблизи дома Ипатьева, а в нижнем этаже дома поселил 10 «своих» людей, приведённых им из Чрезвычайной следственной Комиссии,

которые только и стали нести охрану внутри дома. Это были палачи при Комиссии. Имена некоторых из них известны следственной власти, причём следственная власть в силу некоторых данных, установленных на предварительном следствии, убеждена, что большинство из этих десяти человек были немецкие пленные.

Только одно лицо из русских красноармейцев было близко к Юровскому и пользовалось его доверием. Это был начальник над красноармейцами ... Павел Медведев.

2 июля Юровский приказал Медведеву увести из дома Ипатьева в соседний дом, где помещалась русская охрана, мальчика Леонида Седнева, что и было сделано ... чера Юровский приказал Медведеву собрать в команде все 12 револьверов системы «наган» и доставить ему. Когда Медведев выполнил это, Юровский сказал ему, что ночью будет расстреляно всё «Царское Семейство», и велел предупредить об этом красноармейцев, но несколько позднее, что и было выполнено Медведевым около 10 часов вечера.

Около 12 часов ночи, когда Августейшая Семья уже спала, сам Юровский разбудил Её и потребовал под определённым предлогом, чтобы Августейшая Семья и все, кто был с ней, сошли в нижний этаж.

Августейшая Семья встала, умылась, оделась и сошла вниз.

Алексея Николаевича нёс на руках Государь Император.

Следственная власть убеждена, что предлог, под которым Юровский заманил Августейшую Семью в нижний этаж дома, состоял в необходимости якобы отъезда из Екатеринбурга.

Поэтому Августейшая Семья была в верхних платьях.

С собой Они несли подушки, а Демидова несла две подушки. Спустившись по лестнице верхнего этажа во двор, Августейшая Семья вошла со двора в комнаты нижнего этажа и, пройдя их все, пошла по указанию Юровского в отдалённую комнату, имевшую одно окно с железной

решёткой совершенно подвального характера.

Полагая, видимо, что предстоит отъезд, в ожидании прибытия экипажей Августейшая Семья попросила стулья.

Было подано три стула

... наты сели Государь Император и Алексей Николаевич.

Рядом с Ним стоял Боткин.

Сзади Них у самой стены стояли Государыня Императрица и с Нею три княжны.

Справа от Них стояли Харитонов и Трупп.

Слева – Демидова, а дальше за ней одна из княжон.

Как только произошло это размещение, в комнату, где уже были Юровский, его помощник Никулин и Медведев, вошли упомянутые выше 10 человек, приведённых Юровским в дом.

Все они были вооружены револьверами.

Юровский сказал несколько слов, обращаясь к Государю, и первый же выстрелил в Государя.

Тут же раздались залпы злодеев, и все Они пали мёртвыми.

Смерть всех была моментальной, кроме Алексея Николаевича и одной из княжон, видимо Анастасии Николаевны.

Алексея Николаевича Янкель Юровский добил из револьвера, Анастасию Николаевну – кто-то из остальных.

Имеются указания, что слова Янкеля Юровского, обращённые к Государю, заключались в следующем: «Ваши родственники хотели Вас спасти, но им этого не пришлось, и мы должны Вас расстрелять сами».

Когда злодеяние было совершено, трупы Августейшей Семьи и всех других были тут же положены в грузовой автомобиль, на котором Янкель Юровский вместе с некоторыми другими известными лицами увёз их за город Екатеринбург, в глухой рудник, расположенный в лесной даче, принадлежавшей некогда графине Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор, а ныне находящиеся во владении общества Верх-Исетских акционерных заводов.

Одновременно с доставкой к руднику трупов вся местность эта была оцеплена заградительными кордонами красноармейцев, и в течение трёх дней и трёх ночей не позволялось ни проезжать, ни проходить по этой местности.

В эти же дни, 4–6 июля, к руднику было доставлено, самое меньшее, 30 вёдер бензина и 11 пудов серной кислоты.

Местность, куда были доставлены трупы Августейшей Семьи, совершенно определённо и точно установлена на предварительном Следствии. Она вся подверглась самому тщательному, при участии особо доверенных лиц из воинских чинов, осмотру и розыскам.

Принимая во внимание данные осмотра этой местности и совокупность обнаруженных здесь находений, Следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с Ними, около одной из шахт сначала расчленили на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина. Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты.

На месте уничтожения трупов найдено много предметов, позволяющих без всякого сомнения признать этот факт. В кострищах, около них и в самой шахте обнаружены следующие предметы:

а) драгоценности и части драгоценностей:

- 1) одна из жемчужных серёг (с бриллиантом наверху) Государыни Императрицы;
- 2) раздавленные и подвергшиеся действию огня части жемчужины от другой серьги;
- 3) изумрудный крест Государыни Императрицы, осыпанный бриллиантами;
- 4) большой бриллиант прекрасных свойств и большой стоимости, входивший в состав другого большого украшения Государыни Императрицы;

- 5) малые круглые жемчужины от ниток жемчуга;
  - 6) осколки рубинов, аметиста и сапфира, причём последние весьма напоминают формой и цветом камень в перстне Государя;
- б) части одежды, обуви и принадлежности одежды и обуви:
- 1) кусочки шинели, весьма напоминающие своим цветом и добротностью шинель Алексея Николаевича;
  - 2) много кусков обгорелой обуви, причём в этих кусках обнаружено много винтиков, признающихся экспертами за принадлежность дорогой обуви благодаря их качеству;
  - 3) пуговицы, петли, кнопки, крючки, причём некоторые из пуговиц индивидуальны: принадлежат к верхнему костюму Государыни Императрицы; кнопки – прекрасной французской работы; крючки и петли – типичные предметы, ставившиеся на их костюмы портным Бризаком;
  - 4) металлические части уничтоженных огнём корсетов: передние планшетки числом шесть; кости, пряжки и крючки от подвязок, шёлк от корсетов; причём Следствием установлено, что Государыня Императрица, носившая обыкновенно корсет, требовала того неукоснительно и от княжон, считая отсутствие его распушенностью; носила корсет и девушка Демидова; пряжки от корсетов (от подвязок) типичны по своим свойствам, они хорошей работы;
  - 5) пряжка от пояса Государя Императора;
  - 6) пряжка от пояса Алексея Николаевича, весьма индивидуальная;
  - 7) три пряжки от туфель, из коих одна – от туфель Государыни Императрицы, а две парные – от туфель одной из Великих княжон;
- в) предметы и части их, принадлежавшие Августейшей Семье:
- 1) портретная рамочка, дорожная, складная, в которой хранился у Государя Императора портрет Государыни;
  - 2) три образочка: Спасителя, Николая Чудотворца и Святых Мучеников Гурия, Авива и Самона, причём самые лики почти уничтожены кощунственными действиями,

- а на одном из образков сохранилась и подушечка с колечком для ношения его на груди;
- 3) серебряная рамочка от образочка работы петроградского мастера;
  - 4) остатки рамочки другого образка;
  - 5) Уланский юбилейный значок Её Величества;
  - 6) маленький флакончик с английскими солями;
  - 7) типичный флакон зелёного стекла с царской короной в разбитом на части виде;
  - 8) множество стёкол от других флакончиков с солями, от рамок и украшений, имевших стекла;
- г) прекрасно сохранившийся, несмотря на большой период времени, благодаря низкой температуре в шахте труп собачки Анастасии Николаевны Джеми, любимой собачки Государыни, подаренной Анастасии Николаевне в 1915–1916 годах одним из офицеров; эта собачка – очень маленькая, ниппонской породы; её Анастасия Николаевна обычно носила на руках.

Кроме того, в кострищах и около них найдены: револьверные пули системы «наган», оболочки от пуль и множество расплавленного в огне свинца.

Наконец, найден человеческий палец и два кусочка человеческой кожи. Научная экспертиза признала, что палец этот отрезан от руки и принадлежит женщине средних лет, имевшей тонкие, длинные, красивые пальцы, знакомые с маникюром.

Перед самым оставлением г. Екатеринбурга в сем году, прервавшим, к сожалению, дальнейшие розыски, найдено много рубленых и, возможно, пиленых костей, природу коих надлежит определить в ближайшем будущем в условиях существующей возможности. Все кости подверглись разрушительному действию огня, но, возможно, и кислот.

Нахождение на руднике драгоценностей, частей их и пуль представляется Следственной власти ясным.

Как видно из вышеизложенного, в момент отъезда Августейших детей из г. Тобольска драгоценности были зашиты в лифчиках, в костюмах, в шляпах и частью были надеты Ольгой Николаевной на шею в сумочке. Представляется маловероятным, чтобы драгоценности вынимались из потайных мест в Екатеринбурге: самые условия ужасного режима в доме Ипатьева не могли позволить этого. Полагая, что Они отправляются из дома и города, Августейшая Семья и имела их при Себе в том самом виде, как они были спрятаны в Тобольске. В момент убийства трупы не осматривались; злодеи спешили до рассвета увезти их из города. На руднике же, когда трупы были раздеты и одежда осматривалась (лифчики бросились в глаза своей тяжестью, так как в двух только лифчиках было весу девять фунтов), драгоценности, бывшие в лифчиках, были обнаружены. Лифчики разрывались. В то время наиболее мелкие драгоценности затерялись, были втопты в глиняную площадку и, когда разрубались трупы, большая часть их была раздавлена и разрублена, как лежащая в верхних слоях площадки. Бриллианты, бывшие пришитыми вместо пуговиц, видимо, сгорели. Сохранившийся бриллиант был найден на самой грани костра втоптым в землю. Он (его оправа) слегка подвергся действию огня.

Пули, оболочки от них и расплавленный свинец – результат выпадения некоторых из пуль, сохранившихся в организмах, на землю при расчленении трупов; некоторые из них попадали в огонь, и здесь свинец вытапливался из пуль, а оболочки сохранились.

Когда шло уничтожение трупов, охрана не снималась с постов при доме Ипатьева. Когда же все трупы были уничтожены, охрана была снята и большевики объявили в своих газетах и путём особых объявлений о «расстреле» Государя Императора и об «эвакуации» Августейшей

Семьи в «надёжное место», охрана была уже не нужна, т.к. уничтожением трупов они отнимали возможность опровергнуть их ложь.

С того времени они тщательно поддерживают, особенно в зарубежной прессе, версию об «увозе» Августейшей Семьи из России.

Сей Доклад, по приказанию Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны, лично мне переданному гвардии капитаном Павлом Булыгиным, составлялся мною, судебным следователем по особо важным делам Соколовым, по подлинным Актам предварительного Следствия, производимого мною согласно требованиям науки, совести и закона.

Я познаю, сколь горька истина о мученической кончине Августейшей Семьи.

И я осмеливаюсь молить у Её Императорского Величества Всемиловитейшей Государыни Её ко мне милости простить мне сию горечь: тяжёлое дело следователя налагает на меня обязанность найти истину, и одну только истину, как бы горька она ни была.

Не могу также умолчать перед Её Императорским Величеством, что совесть моя и великое значение сего дела властно требуют от меня почтительнейше доложить Её Императорскому Величеству, что сведения сии совершенно секретны. Сего требует, по разумению моему, благо нашей Родины: лучшими сынами Её уже поднят стяг за честь Родины, но настанет великий час, когда поднимется и другой стяг.

Ему нужен будет добытый Предварительным Следствием материал, и его лозунгом будет: «За честь Императора!»

Судебный следователь по особо важным делам Н.Соколов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

Из материалов Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и его семьи от 30 января 1998 года	3
Список приглашённых на заседание Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и его семьи 30 января 1998 года	4
Повестка заседания Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и его семьи 30 января 1998 года в Доме Правительства	7
Протокол №9 заседания Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и его семьи от 30 января 1998 года	8
Заявление Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова) на заседании Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи	14
Письмо С.А.Беляева Председателю Правительства РФ В.С.Черномырдину	16
Особое мнение члена Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи С.А.Беляева	17

Особое мнение члена Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II **В.В.Алексеева** 22

Заявление члена Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи **А.К.Голицына** 24

ЧАСТЬ 2

Из материалов Общественных слушаний в Государственной Думе Федерального Собрания РФ по вопросу о «екатеринбургских останках» от 21 мая 1998 года 38

С.А.Беляев. Доказательная ценность данных, содержащихся в представленных в Правительственную Комиссию документах Генпрокуратуры 39

Л.А.Животовский. Доказательная ценность проведённых генетических исследований по идентификации «екатеринбургских останков» недопустимо мала. 52

Е.И.Рогаев. Вполне возможным является проведение дополнительных генетических экспертиз 58

Ю.А.Буранов. «Записка Юровского» – фальшивка 61

В.А.Винер. Работа Правительственной Комиссии с архивными документами была проведена абсолютно недостаточно, однобоко и крайне поверхностно. 65

М.В.Назаров. Было ли убийство Царя ритуальным? 69

Е.К.Никифоров Всё, что связано с именем Николая II, имеет особое историческое значение 75

Заключение экспертной группы учёных Общественных слушаний в Государственной Думе Федерального Собрания РФ по вопросу о «екатеринбургских останках». 79

ЧАСТЬ 3

- «Записка Юровского» – ложный след** **82**
- Ю.А.Буранов.** Кто писал «Записку Юровского»? **83**
- Ю.А.Буранов.** На шатких основаниях велось следствие по делу об убийстве Романовых **89**
- Е.Л.Магеровский.** По поводу «екатеринбургских останков» . . **100**
- П.С.Брянский.** А найдены ли истинные останки Царской Семьи и Их верных слуг? **112**
- П.С.Брянский.** О кувшинах **153**
- П.С.Брянский.** У мостика из шпал в Поросёнковом Логу в ночь с 18 на 19 июля 1918 года никого и ничего не сжигали **186**
- Е.В.Марьянова.** О возможной политической фальсификации «екатеринбургских останков». **221**

ЧАСТЬ 4

Следствие 1918–1924 годов

- С.А.Беляев.** Предисловие к первой публикации Доклада Н.А.Соколова в России в Журнале Московской Патриархии. **226**
- Крестный путь Царской Семьи. Полный текст Доклада судебного следователя Н.А.Соколова вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне.** **228**

Научно-популярное издание

Для широкого круга читателей

**«Екатеринбургские останки».
Особое мнение**

Сборник статей

Редакторы **Т.В.Хребина, Т.И.Болонева, Г.О.Керкешко**
Корректор **Д.А.Егорова**
Компьютерная вёрстка **Л.М.Лукинова**
Дизайн обложки **С.Л.Борисенко**

Подписано в печать 11.04. 2023. Заказ №108/2023
Формат 60×84/16, бумага офсетная 80 гр/м².
Печать цифровая. Тираж 400 экз. Усл. печ. л. 15,81.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в типографии ООО «Печатный Элемент»
196211, СПб, пр. Ю.Гагарина, д.24, к.3, литер А, пом 7Н
Тел 378-04-66, 8(965)075-05-05
Электронная почта: kom@el-p.su